

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ОСКАР
УАЙЛЪД

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ОСКАР УАЙЛЪД

032997/47

Интербук — ИПП «Ярмарочный сказ»
Запорожье — Калининград
1993

Доступна для системы
государственных
детских библиотек
г. Свердловска

М.
АБ.

**ББК 84.4 Вл.
У13**

Оскар Уайльд

**У13 Волшебные сказки. Преступление лорда Артура
Сэвила. Запорожье: Интербук, 1992, 240с.**

ISBN 5-7664-0633-9

В сборник включены наиболее известные сказки О.Уайльда "Счастливый Принц", "Соловей и роза", "Кентервильское привидение" и др., а также повесть "Преступление лорда Артура Сэвила". Эти произведения вводят нас в царство волшебных небылиц, чаруют магией красивых слов, учат доброте, порядочности, верности долгу.

у 4803020000-48 Без объявл.
92

ББК 84.4Вл.

ISBN 5-7664-0633-9

**© Интербук, составление,
художественное оформление**

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

а высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но, конечно, флюгер куда полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает!

— Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! — пробормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил Учитель Математики. — Ведь ангелов вы никогда не видали.

— О, мы их видим во сне! — отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги, вот уже седьмая неделя, как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротою, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

— Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, — говорила с упреком Ласточка, — и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

— Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия.

— Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

— Ах, ты играл моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

— Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?

Тут она увидела статую на высокой колонне.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

— У меня золотая спальня! — разнеженно сказала она, озираясь. И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, — откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. — И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во дворце Sans Souci*, куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! "Счастливый Принц" — величали меня приближенные, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже не живой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

"А, так ты не весь золотой!" — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут не дождутся в Египте, — ответила Ласточка. — Мои подруги кружатся над Нилом и

*Дворец Беззаботности (франц.)

беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благородными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его, как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Останься здесь на одну только ночь и будь моею посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

— Не очень-то мне по сердцу мальчишки. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно, — сказала она, — но ничего, эту ночь я останусь с тобою и выполню твое поручение.

— Благодарю тебя, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды, — сказал ей возлюбленный, — и как чудесна власть любви!

— Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, — ответила она. — Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключавших между собою

сделки и взвешивавших монеты на медных весах. И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару; а мать его крепко заснула, — она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало хорошо! — сказал ребенок. — Значит, я скоро поправлюсь. — И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно, — заключила она свой рассказ, — хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело! — объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

— Странное, необъяснимое явление! — сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. — Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

"Сегодня же ночью — в Египет!" — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпиле соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: "Что за чужак! что за чужак!" — и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она. — Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Останься на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте, — ответила Ласточка. — Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев их громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — сказал ей Счастливый Принц. — Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой до утра! — сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. — Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше рубинов, увы! — молвил Счастливый Принц. — Мои глаза — это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выключь один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

— Милый Принц, я не могу сделать это! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в пучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно воскликнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался наверх.

— Я улетаю в Египет! — сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

— Я пришла попрощаться с тобой! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги выют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

— Внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

— Я могу остаться с тобою еще одну ночь, — ответила Ласточка, — но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц, — исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

— Нет, моя милая Ласточка, — ответил несчастный Принц, — ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки, — сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеех, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка, — отозвался Счастливый Принц, — все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире — это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную

улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал Полицейский. И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

— Я весь позолоченный, — сказал Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закутались в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю, — ответила Ласточка. — Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул Мэр.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, — продолжал Мэр. — Он хуже любого нищего!

— Именно хуже любого нищего! — подтвердили Городские Советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

— Сделаем новую статую! — предложил Мэр. — И эта новая статуя пускай изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться. Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

— Удивительно! — сказал Главный Литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал господь. — Ибо в моих райских садах эта малая птишка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

20на сказала, что будет танцевать со мной, если я принесу ей красных роз, — воскликнул молодой Студент, — но в моем саду нет ни одной красной розы. Его услышал Соловей, в своем гнезде на дубе, и, удивленный, выглянул из листвы.

— Ни единой красной розы во всем моем саду! — продолжал сетовать Студент, и его прекрасные глаза наполнились слезами. — Ах, от каких пустяков зависит порою счастье! Я прочел все, что написали мудрые люди, я постиг все тайны философии, — а жизнь моя разбита из-за того только, что у меня нет красной розы.

— Вот он наконец-то настоящий влюбленный, — сказал себе Соловей. — Ночь за ночью я пел о нем, хотя не знал его, ночь за ночью я рассказывал о нем звездам, и наконец я увидел его. Его волосы темны, как темный гиацинт, а губы его красны, как та роза, которую он ищет; но страсть сделала его

лицо бледным, как слоновая кость, и скорбь наложила печать на его чело.

— Завтра вечером принц дает бал, — шептал молодой Студент, — и моя милая приглашена. Если я принесу ей красную розу, она будет танцевать со мной до рассвета. Если я принесу ей красную розу, я буду держать ее в своих объятиях, она склонит голову ко мне на плечо, и моя рука будет сжимать ее руку. Но в моем саду нет красной розы, и мне придется сидеть в одиночестве, а она пройдет мимо. Она даже не взглянет на меня, и сердце мое разорвется от горя.

— Это настоящий влюбленный, — сказал Соловей. — То, о чем я лишь пел, он переживает на деле; что для меня радость, то для него страдание. Воистину любовь — это чудо. Она драгоценнее изумруда и дороже прекраснейшего опала. Жемчуга и гранаты не могут купить ее, и она не выставляется на рынке. Ее не приторгуешь в лавке и не выменяешь на золото.

— На хорах будут сидеть музыканты, — продолжал молодой Студент. — Они будут играть на арфах и скрипках, и моя милая будет танцевать под звуки струн. Она будет носиться по зале с такой легкостью, что ноги ее не коснутся паркета, и вокруг нее будут толпиться придворные в расшитых одеждах. Но со мной она не захочет танцевать, потому что у меня нет для нее красной розы.

И юноша упал ничком на траву, закрыл лицо руками и заплакал.

— О чем он плачет? — спросила маленькая зеленая Ящерица, которая проползала мимо него, помахивая хвостиком.

— Да, в самом деле, о чем? — подхватила Бабочка, порхавшая в погоне за солнечным лучом.

— О чем? — спросила Маргаритка нежным шепотом свою соседку.

— Он плачет о красной розе, — ответил Соловей.

— О красной розе! — воскликнули все. — Ах, как смешно!

А маленькая Ящерица, несколько склонная к цинизму, беззастенчиво расхохоталась.

Один только Соловей понимал страдания Студента, он тихо сидел на дубе и думал о таинстве любви.

Но вот он расправил свои темные крылышки и взвился в воздух. Он пролетел над рощей, как тень, и, как тень, пронесся над садом.

Посреди зеленой лужайки стоял пышный Розовый Куст. Соловей увидел его, подлетел к нему и спустился на одну из его веток.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы белые, — ответил он, — они белые, как морская пена, они белее снега на горных вершинах. Поди к моему брату, что растет возле старых солнечных часов, — может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос возле старых солнечных часов.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

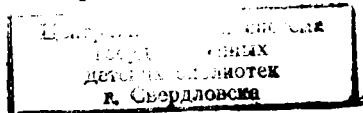
— Мои розы желтые, — ответил он, — они желтые, как волосы сирены, сидящей на янтарном престоле, они желтее златоцвета на нескошенном лугу. Поди к моему брату, что растет под окном у Студента, может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос под окном у Студента.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы красные, — ответил он, — они красные, как лапки голубя, они краснее кораллов, что колышутся, как веер, в пещерах на дне океана. Но кровь в моих жилах застыла от зимней стужи,

17 032997/47

мороз побил мои почки, буря поломала мои ветки, и в этом году у меня совсем не будет роз.

— Одну только красную розу — вот все, чего я прошу, — воскликнул Соловей. — Единственную красную розу! Знаешь ты способ получить ее?

— Знаю, — ответил Розовый Куст, — но он так страшен, что у меня не хватает духу открыть его тебе.

— Открой мне его, — попросил Соловей, — я не боюсь.

— Если ты хочешь получить красную розу, — молвил Розовый Куст, — ты должен сам создать ее из звуков песни при лунном сиянии, и ты должен обогреть ее кровью сердца. Ты должен петь мне, прижавшись грудью к моему шипу. Всю ночь ты должен мне петь, и мой шип пронзит твое сердце, и твоя живая кровь перельется в мои жилы и станет моею кровью.

— Смерть — дорогая цена за красную розу, — воскликнул Соловей. — Жизнь мила каждому! Как хорошо, сидя в лесу, любоваться солнцем в золотой колеснице и луною в колеснице из жемчуга. Сладко благоухание боярышника, милы синие колокольчики в долине и вереск, цветущий на холмах. Но Любовь дороже Жизни, и сердце какой-то пташки — ничто в сравнении с человеческим сердцем!

И, взмахнув своими темными крылышками, Соловей взвился в воздух. Он пронесся над садом, как тень, и, как тень, пролетел над рощей.

А Студент все еще лежал в траве, где его оставил Соловей, и слезы еще не высохли в его прекрасных глазах.

— Радуйся! — крикнул ему Соловей. — Радуйся, будет у тебя красная роза. Я создам ее из звуков моей песни при лунном сиянии и обогреть ее горячей кровью своего сердца. В награду я прошу у тебя одного: будь верен своей любви, ибо как ни мудра

Философия, в Любви больше Мудрости, чем в Философии, — и как ни могущественна Власть, Любовь сильнее любой Власти. У нее крылья цвета пламени, и пламенем окрашено тело ее. Уста ее сладки, как мед, а дыхание подобно ладану.

Студент привстал на локтях и слушал, но он не понял того, что говорил ему Соловей, ибо он знал только то, что написано в книгах.

А Дуб понял и опечалился, потому что очень любил эту малую птичку, которая свила себе гнездышко в его ветвях.

— Спой мне в последний раз твою песню, — прошептал он. — Я буду сильно тосковать, когда тебя не станет.

И Соловей стал петь Дубу, и пение его напоминало журчание воды, льющейся из серебряного кувшина.

Когда Соловей кончил петь, Студент поднялся с травы, вынул из кармана карандаш и записную книжку и сказал себе, направляясь домой из рощи:

— Да, он мастер формы, это у него отнять нельзя. Но есть ли у него чувство? Боюсь, что нет. В сущности, он подобен большинству художников: много виртуозности и ни капли искренности. Он никогда не принесет себя в жертву другому. Он думает лишь о музыке, а всякий знает, что искусство эгоистично. Впрочем, нельзя не признать, что иные из его трелей удивительно красивы. Жаль только, что в них нет никакого смысла и они лишены практического значения.

И он пошел к себе в комнату, лег на узкую койку и стал думать о своей любви; вскоре он погрузился в сон.

Когда на небе засияла луна, Соловей прилетел к Розовому Кусту, сел к нему на ветку и прижался к его шипу. Всю ночь он пел, прижавшись грудью к шипу, и холодная хрустальная луна слушала, склонив свой лик. Всю ночь он пел, а шип вонзался в его грудь все глубже и глубже, и из нее по каплям сочилась теплая кровь.

Сперва он пел о том, как прокрадывается любовь в сердце мальчика и девочки. И на Розовом Кусте, на самом верхнем побеге, начала распускаться великолепная роза. Песня за песней — лепесток за лепестком. Сперва роза была бледная, как легкий туман над рекою, — бледная, как стопы зари, и серебристая, как крылья рассвета. Отражение розы в серебристом зеркале, отражение розы в недвижной воде — вот какова была роза, расцветавшая на верхнем побеге Куста.

А Куст кричал Соловью, чтобы тот еще крепче прижимался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалееет роза!

Все крепче и крепче прижимался Соловей к шипу, и песня его звучала все громче и громче, ибо он пел о зарождении страсти в душе мужчины и девушки.

И лепестки розы окрасились нежным румянцем, как лицо жениха, когда он целует в губы свою невесту. Но шип еще не проник в сердце Соловья, и сердце розы оставалось белым, ибо только живая кровь соловьиного сердца может обогреть сердце розы.

Опять Розовый Куст крикнул Соловью, чтобы тот крепче прижался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалееет роза!

Соловей еще сильнее прижался к шипу, и острие коснулось наконец его сердца, и все тело его вдруг пронзила жестокая боль. Все мучительнее и мучительнее становилась боль, все громче и громче раздавалось пенье Соловья, ибо он пел о Любви, которая обретает совершенство в Смерти, о той Любви, которая не умирает в могиле.

И стала алой великолепная роза, подобно утренней заре на востоке. Алым стал ее венчик, и алым, как рубин, стало ее сердце.

А голос Соловья все слабел и слабел, и вот крылышки его судорожно затрепыхались, а глазки за-

волокло туманом. Песня его замирала, и он чувствовал, как что-то сжимает его горло.

Но вот он испустил свою последнюю трель. Бледная луна услышала ее и, забыв о рассвете, застыла на небе. Красная роза услышала ее и, вся затрепетав в экстазе, раскрыла свои лепестки навстречу прохладному дуновению утра. Эхо понесло эту трель к своей багряной пещере в горах и разбудило спавших там пастухов. Трель прокатилась по речным камышам, и те отдали ее морю.

— Смотри! — воскликнул Куст. — Роза стала красной!

Но Соловей ничего не ответил. Он лежал мертвый в высокой траве, и в сердце у него был острый шип.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул в сад.

— Ах, какое счастье! — воскликнул он. — Вот она, красная роза. В жизни не видал такой красивой розы! У нее, наверное, какое-нибудь длинное латинское название.

И он высунулся из окна и сорвал ее.

Потом он взял шляпу и побежал к Профессору, держа розу в руках.

Профессорская дочь сидела у порога и наматывала голубой шелк на катушку. Маленькая собачка лежала у нее в ногах.

— Вы обещали, что будете со мной танцевать, если я принесу вам красную розу! — воскликнул Студент. — Вот самая красная роза на свете. Приколите ее вечером поближе к сердцу, и, когда мы будем танцевать, она расскажет вам, как я люблю вас.

Но девушка нахмурилась.

— Боюсь, что эта роза не подойдет к моему туалету, — ответила она, — К тому же племянник камергера прислал мне настоящие камни, а всякому известно, что камни куда дороже цветов.

— Как вы неблагодарны! — с горечью сказал Студент и бросил розу на землю.

Роза упала в колею, и ее раздавило колесом телеги.

— Неблагодарна? — повторила девушка. — Право же какой вы грубиян! Да и кто вы такой в конце концов? Всего-навсего студент. Не думаю, чтоб у вас были такие серебряные пряжки к туфлям, как у камергерова племянника.

И она встала с кресла и ушла в комнаты.

— Какая глупость — эта Любовь, — размышлял Студент, возвращаясь домой. — В ней и на половину нет той пользы, какая есть в Логике. Она ничего не доказывает, всегда обещает несбыточное и заставляет верить в невозможное. Она удивительно непрактична, а так как наш век — век практический, то вернусь я лучше к Философии и буду изучать Метафизику.

И он вернулся к себе в комнату, вытащил большую запыленную книгу и принялся ее читать.

ВЕЛИКАН - ЭГОИСТ

Каждый день, возвращаясь из школы, дети, как повелось, заходили в сад Великана поиграть. Это был большой красивый сад, и трава там была зеленая и мягкая. Из травы тут и там, словно звезды, выглядывали венчики прекрасных цветов, а двенадцать персиковых деревьев, которые росли в этом саду, весной покрывались нежным жемчужно-розовым цветом, а осенью приносили сочные плоды. На ветвях деревьев сидели птицы и пели так сладко, что дети бросали игры, чтобы послушать их пение.

— Как хорошо нам здесь! — радостно кричали дети друг другу.

Но вот однажды Великан вернулся домой. Он навещал своего приятеля — корнуэльского Великана-людоеда и пробыл у него в гостях семь лет. За семь лет он успел поговорить обо всем, о чем ему хотелось поговорить, ибо был не слишком слово-

охотлив, после чего решил возвратиться в свой замок, а возвратившись, увидел детей, которые играли у него в саду.

— Что вы тут делаете? — закричал он страшным голосом, и дети разбежались.

— Мой сад — это мой сад, — сказал Великан, — каждому это должно быть ясно, и уж конечно никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть. И он обнес свой сад высокой стеной и прибил объявление:

Вход воспрещен.

Нарушители будут наказаны.

Он был большим эгоистом, этот Великан.

Бедным детям теперь негде было играть. Они попробовали поиграть на дороге, но там оказалось очень много острых камней и пыли, и им не понравилось там играть. Теперь, после школы, они обычно бродили вокруг высокой стены и вспоминали прекрасный сад, который за ней скрывался.

— Как хорошо нам было там, — говорили они друг другу.

А потом пришла Весна, и повсюду на деревьях появились маленькие почки и маленькие птички, и только в саду Великана-эгоиста по-прежнему была Зима. Птицы не хотели распевать там своих песен, потому что в саду не было детей, а деревья забыли, что им пора цвести. Как-то раз один хорошенький цветочек выглянул из травы, но увидел объявление и так огорчился за детей, что тут же спрятался обратно в землю и заснул. Только Снегу и Морозу все это очень пришлось по душе.

— Весна позабыла прийти в этот сад, — воскликнули они, — и мы теперь будем царить здесь круглый год!

Снег покрыл траву своим толстым белым плащом, а Мороз расписал все деревья серебряной

краской. После этого Снег и Мороз пригласили к себе в гости Северный Ветер, и он прилетел. С головы до пят он был закутан в меха и целый день буживал в саду и завывал в печной трубе.

— Какое восхитительное местечко! — сказал Северный Ветер. — Мы должны пригласить в гости Град. — И тогда явился и Град. Изодня в день он часами стучал по кровле замка, пока не перебил почти всей черепицы, а потом что было мочи носился по саду. На нем были серые одежды, а дыхание его было ледяным.

— Не понимаю, почему так запаздывает Весна, пора бы уж ей прийти, — сказал Великан-эгоист, сидя у окна и поглядывая на свой холодный, белый сад. — Надеюсь, погода скоро переменится.

Но Весна так и не пришла, не пришло и Лето. Осень принесла золотые плоды в каждый сад, но даже не заглянула в сад Великана.

— Он слишком большой эгоист, — сказала Осень. И в саду Великана всегда была Зима, и только Северный Ветер да Снег, Град и Мороз плясали и кружились между деревьев.

Однажды Великан, проснувшись в своей постели, услышал нежную музыку. Эта музыка показалась ему такой сладостной, что он подумал, не идут ли мимо его замка королевские музыканты. На самом-то деле это была всего лишь маленькая коноплянка, которая запела у него под окном, но Великан так давно не слышал пения птиц в своем саду, что щебет коноплянки показался ему самой прекрасной музыкой на свете. И тут Град перестал выплясывать у него над головой, и Северный Ветер прекратил свои завывания, а в приотворенное окно долетел восхитительный аромат.

— Должно быть, Весна все-таки пришла наконец, — сказал Великан, выскочил из постели и глянул в окно.

И что же он увидел?

Он увидел совершенно необычайную картину. Дети проникли в сад сквозь небольшое отверстие в

стено и залезли на деревья. Они сидели на всех деревьях. Куда бы Великан ни бросил взгляд — на каждом дереве он видел какого-нибудь ребенка. И деревья были так рады их возвращению, что сразу зацвели и стояли, тихонько покачивая ветвями над головками детей. А птицы порхали по саду и щебетали от восторга, и цветы выглядывали из зеленой травы и улыбались. Это было очаровательное зрелище, и только в одном углу сада все еще стояла Зима. Это был самый укромный уголок, и Великан увидел там маленького мальчика. Он был так мал, что не мог дотянуться до ветвей дерева и только ходил вокруг него и горько плакал. И бедное деревце было все до самой верхушки еще покрыто инеем и снегом, а над ним кружился и завывал Северный Ветер.

— Взберись на меня, мальчик! — сказала Дерево и склонило ветви почти до самой земли. Но мальчик не мог дотянуться до них — он был слишком мал.

И сердце Великана растаяло, когда он глядел в окно.

— Какой же я был эгоист! — сказал он. — Теперь я знаю, почему Весна не хотела прийти в мой сад. Я посажу этого маленького мальчика на верхушку дерева и сломаю стену, и мой сад на веки вечные станет местом детских игр. Он и в самом деле был очень расстроен тем, что натворил.

И вот он на цыпочках спустился по лестнице, тихонько отомкнул парадную дверь своего замка и вышел в сад. Но как только дети увидели Великана, они так испугались, что тут же бросились врассыпную, и в сад снова пришла Зима. Не убежал один только маленький мальчик, потому что глаза его были полны слез, и он даже не заметил появления Великана. А Великан тихонько подкрался к нему сзади, осторожно поднял с земли и посадил на дерево. И дерево тотчас зацвело, и к нему слетелись птицы и запели песни, порхая с ветки на ветку, а

маленький мальчик обхватил Великана руками за шею и поцеловал. И тогда другие дети, увидав, что Великан перестал быть злым, прибежали обратно, а вместе с ними возвратилась и Весна.

— Теперь этот сад — ваш, дети, — сказал Великан и взял большой топор и снес стену. И жители, направляясь в полдень на рынок, видели Великана, который играл с детьми в самом прекрасном саду, а вечером они подошли к Великолану, чтобы пожелать ему доброй ночи.

— А где же ваш маленький приятель? — спросил Великан. — Мальчик, которого я посадил на дерево? — Он особенно пришелся по душе Великолану, потому что поцеловал его.

— Мы не знаем, — отвечали дети. — Он куда-то ушел.

— Непременно передайте ему, чтобы он не забыл прийти сюда завтра, — сказал Великан. Но дети отвечали, что они не знают, где живет этот мальчик, так как ни разу не видели его раньше, и тогда Великан очень опечалился.

Каждый день после уроков дети приходили поиграть с Великоланом, но маленький мальчик, который так полюбился Великолану, ни разу больше не пришел в сад. Великан был теперь очень добр ко всем детям, но он тосковал о своем маленьком друге и часто о нем вспоминал.

— Как бы мне хотелось повидать его! — то и дело говорил Великан.

Год проходил за годом, и Великан состарился и одряхлел. Он уже не мог больше играть в саду и только сидел в глубоком кресле, смотрел на детей и на их игры да любовался своим садом.

— У меня много прекрасных цветов, — говорил он, — но нет на свете цветов прекрасней, чем дети.

Как-то раз зимним утром Великан, одеваясь, выглянул в окно. Он теперь не испытывал неприязни к Зиме, — ведь он знал, что Весна просто уснула, а цветы отдыхают.

И вдруг он стал тереть глаза и все смотрел и смотрел в окно, словно увидел чудо. А глазам его и вправду открылось волшебное зрелище. В самом укромном уголке сада стояло дерево, сплошь покрытое восхитительным белым цветом. Ветви его были из чистого золота, и на них висели серебряные плоды, и под деревом стоял маленький мальчик, который когда-то так полюбился Великану.

Не помня себя от радости, побежал Великан вниз по лестнице и ринулся в сад. Быстрым шагом прошел он по траве прямо к ребенку. Но когда он подошел совсем близко, лицо его побагровело от гнева, и он спросил:

— Кто посмел нанести тебе эти раны?

Ибо на ладонях мальчика он увидел раны от двух гвоздей, и на детских его ступнях были раны от двух гвоздей тоже.

— Кто посмел нанести тебе эти раны? — вскричал Великан. — Скажи мне, и я возьму мой большой меч и поражу виновного.

— Нет! — ответствовало дитя. — Ведь эти раны породила Любовь.

— Скажи — кто ты? — спросил Великан, и благоговейный страх обуял его, и он пал перед ребенком на колени.

А дитя улыбнулось Великану и сказало:

— Однажды ты позволил мне поиграть в твоём саду, а сегодня я поведу тебя в свой сад, который зовется Раем.

И на другой день, когда дети прибежали в сад, они нашли Великана мертвым: он лежал под деревом, которое было все осыпано белым цветом.

ПРЕДАННЫЙ ДРУГ

Однажды утром старая Водяная Крыса высунула голову из своей норы. Глаза у нее были, как блестящие бусинки, усы серые и жесткие, а черный хвост ее походил на длинный резиновый шнур. Маленькие утята плавали в пруду, желтые, точно канарейки, а их мать, белая-пребелая, с ярко-красными лапами, старалась научить их стоять в воде вниз головой.

— Если вы не научитесь стоять на голове, вас никогда не примут в хорошее общество, — приговаривала она и время от времени показывала им, как это делается.

Но утята даже не глядели на нее. Они были еще слишком малы, чтобы понять, как важно быть принятым в обществе.

— Какие непослушные дети! — воскликнула Водяная Крыса. — Право, их стоит утопить.

— Отнюдь нет, — возразила Утка. — Всякое начало трудно, и родителям надлежит быть терпеливыми.

— Ах, мне родительские чувства неведомы, — сказала Водяная Крыса, — у меня нет семьи. Замужем я не была, да и выходить не собираюсь. Любовь, конечно, вещь по-своему хорошая, но дружба куда возвышеннее. Право же, ничего нет на свете прелестнее и возвышеннее преданной дружбы.

— А что, по-вашему, следует требовать от преданного друга? — заинтересовалась зелененькая Коноплянка, сидевшая на соседней иве и слышавшая весь этот разговор.

— Вот-вот, что именно? Мне тоже интересно, — сказала Утка, а сама отплыла на другой конец пруда и перевернулась там вниз головой, чтобы подать добрый пример своим детям.

— Удивительно глупый вопрос! — воскликнула Водяная Крыса. — Ну, прежде всего, преданный друг должен быть мне предан.

— А что бы вы предложили ему взамен? — спросила птичка, покачиваясь на серебристой ветке и взмахивая крохотными крылышками.

— Я вас не понимаю, — ответила Водяная Крыса.

— Позвольте рассказать вам по этому поводу одну историю, — сказала Коноплянка.

— Обо мне? — спросила Водяная Крыса. — Если да, то я охотно послушаю. Я ужасно люблю изящную словесность.

— Ее можно применить и к вам, — ответила Коноплянка, и, спорхнув с ветки и опустившись на берег, она принялась рассказывать историю о Преданном Друге.

— Жил-был когда-то в этих краях, — начала Коноплянка, — славный паренек по имени Ганс.

— Он был человек выдающийся? — спросила Водяная Крыса.

— Нет, — ответила Коноплянка, — по-моему, он ничем таким не отличался, разве что добрым сердцем и забавным круглым веселым лицом. Жил он один-одинешенек в своей маленькой избушке и

день-деньской копался у себя в саду. Во всей округе не было такого прелестного садика. Тут росли и турецкая гвоздика, и левкой, и пастушья сумка, и бель-де-жур. Были тут розы — пунцовые и желтые, крокусы — лиловые и золотистые, фиалки — темные и белые. Водосбор и луговой сердечник, майоран и дикий базилик, ирис и белая буковица, нарцисс и красная гвоздика распускались и цвели каждый своим чередом. Месяцы сменяли один другой, и одни цветы сменялись другими, и всегда его сад радовал взор и напоен был сладкими ароматами.

У Маленького Ганса было множество друзей, но самым преданным из всех был Большой Гью-Мельник. Да, богатый Мельник так был предан Маленькому Гансу, что всякий раз, как проходил мимо его сада, перевешивался через забор и набирал букет цветов или охапку душистых трав или, если наступала пора плодов, набивал карманы сливами и вишнями.

— У настоящих друзей все должно быть общее, — говаривал Мельник, а Маленький Ганс улыбался и кивал головой: он очень гордился, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Правда, соседи иногда удивлялись, почему богатый Мельник, у которого шесть дойных коров и целое стадо длинношерстных овец, а на мельнице сотня мешков с мукой, никогда ничем не отблагодарит Ганса. Но Маленький Ганс не задумывался над такими вещами и не ведал большего счастья, чем слушать восхитительные речи Мельника о самоотвержении истинной дружбы.

Итак, Маленький Ганс все трудился в своем саду. Весною, летом и осенью он не знал заботы. Но зимой, когда у него не было ни цветов, ни плодов, которые можно было отнести на базар, он терпел холод и голод и частенько ложился в постель без ужина, удовольствовавшись несколькими сухими грушами или горсточкой твердых орехов. К

тому же зимой он был очень одинок, — в эту пору Мельник никогда не навещал его.

— Не следует мне навещать Маленького Ганса, пока не стает снег, — говорил Мельник своей жене. — Когда человеку приходится тужу, его лучше оставить в покое и не докучать ему своими посещениями. Так, по крайней мере я понимаю дружбу, и я уверен, что прав. Подожду до весны, и тогда загляну к нему. Он наполнит мою корзину первоцветом, и это доставит ему такую радость!

— Ты всегда думаешь о других, — отозвалась жена, сидевшая в покойном кресле у камина, где ярко пылали сосновые дрова, — только о других. Просто наслаждение слушать, как ты рассуждаешь о дружбе! Наш священник и тот, по-моему, не умеет так красно говорить, хоть и живет в трехэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо.

— А нельзя ли пригласить Маленького Ганса сюда? — спросил Мельника его младший сынишка. — Если бедному Гансу плохо, я поделюсь с ним своей кашей и покажу ему моих белых кроликов.

— До чего же ты глуп! — воскликнул Мельник. — Право, не знаю, стоит ли посылать тебя в школу. Все равно ничему ты там не научишься. Ведь если бы Ганс пришел к нам и увидел наш теплый очаг, добрый ужин и славный бочонок красного вина, он чего доброго, позавидовал бы нам, а на свете нет ничего хуже зависти, она любого испортит. И я, разумеется, не должен допустить Ганса до этого. Я ему друг и всегда буду заботиться о том, чтобы он не подвергнулся соблазну. К тому же, если б Ганс пришел сюда, он, чего доброго, попросил бы меня дать ему в долг немного муки, а этого я никак не могу сделать. Мука — одно, а дружба — другое, и нечего их смешивать. Эти слова и пишутся по-разному и означают разное. Каждому ясно.

— До чего ж хорошо ты говоришь! — промолвила жена Мельника, наливая себе большую кружку подогретого эля. — Я даже чуть не задремала. Ну точно в церкви!

— Многие поступают хорошо, — отвечал Мельник, — но мало кто умеет хорошо говорить. Значит, говорить куда труднее, а потому и много достойнее.

И он через стол строго глянул на своего сынишку, который до того застыдился, что опустил голову, весь покраснел, и слезы его закапали прямо в чай. Но не подумайте о нем дурно — он был еще так мал!

— Тут и конец вашей истории? — осведомилась Водяная Крыса.

— Что вы! — ответила Коноплянка. — Это только начало.

— Видно, вы совсем отстали от века, — заметила Водяная Крыса. — Нынче каждый порядочный рассказчик начинает с конца, потом переходит к началу и кончает серединой. Это самая новая метода. Так сказывал один критик, который гулял на днях возле нашего пруда с каким-то молодым человеком. Он долго рассуждал на эту тему и, бесспорно, был прав, потому что у него была лысая голова и синие очки на носу, и стоило только юноше что-нибудь возразить, как он кричал ему: "Гилы!" Но, прошу вас, рассказывайте дальше. Мне ужасно нравится Мельник. Я сама преисполнена возвышенных чувств и прекрасно его понимаю!

— Итак, — продолжала Коноплянка, прыгая с ноги на ногу, — едва зима миновала и первоцвет раскрыл свои бледно-желтые звездочки, Мельник объявил жене, что идет проведать Маленького Ганса.

— У тебя золотое сердце! — воскликнула жена. — Ты всегда думаешь о других. Не забудь, кстати, захватить с собою корзину для цветов.

Мельник привязал крылья ветряной мельницы тяжелой железной цепью к скобе и спустился с холма с пустою корзиной в руках.

— Здравствуй, Маленький Ганс, — сказал Мельник.

— Здравствуйте, — отвечал Маленький Ганс, опираясь на лопату и улыбаясь во весь рот.

— Ну, как ты провел зиму? — спросил Мельник.

— Так любезно с вашей стороны, что вы меня об этом спрашиваете, — воскликнул Маленький Ганс.

— Признаться, мне подчас приходилось тужо. Но весна наступила. Теперь и мне хорошо и моим цветочкам.

— А мы зимой частенько вспоминали о тебе, Ганс, — молвил Мельник, — все думали, как ты там.

— Это было очень мило с вашей стороны, — ответил Ганс. — А я уже начал бояться, что вы меня забыли.

— Ты меня удивляешь, Ганс, — сказал Мельник, — друзей не забывают. Тем и замечательна дружба. Но ты, боюсь, не способен оценить всю поэзию жизни. Кстати, как хороши твои первоцветы!

— Они и в самом деле прелесть как хороши, — согласился Ганс. — Мне повезло, что их столько уродилось. Я отнесу их на базар, продам дочери бургомистра и на эти деньги выкуплю свою тачку.

— Выкупишь? Уж не хочешь ли ты сказать, что заложил ее? Вот глупо!

— Что поделаешь, — ответил Ганс, — нужда. Зимой, видите ли, мне пришлось несладко, — время уж такое — не на что было даже хлеба купить. Вот я и заложил серебряные пуговицы с воскресной куртки, потом серебряную цепочку, потом свою большую трубку и, наконец, тачку. Но теперь я все это выкуплю.

— Ганс, — сказал Мельник, — я подарю тебе свою тачку. Правда, она немного не в порядке. У нее, кажется, не хватает одного борта и со спицами что-то не ладно, но я все-таки подарю ее тебе. Я понимаю, как я щедр, и многие скажут, что я делаю ужасную глупость, расставаясь с тачкой, но я не такой, как все. Без щедрости, по-моему, нет дружбы, да к тому же я купил себе новую тачку. Так что ты теперь о тачке не беспокойся. Я подарю тебе свою.

— И правда, вы удивительно щедры! — отозвался Маленький Ганс, и его забавное круглое лицо прямо засияло от радости. — У меня есть доска, и я без труда ее починю.

— У тебя есть доска! — воскликнул Мельник. — А я как раз ищу доску, чтоб починить крышу на амбаре. Там большая дыра, и, если я ее не заделаю, у меня все зерно отсыреет. Хорошо, что ты вспомнил про доску! Просто удивительно, как одно доброе дело порождает другое. Я подарил тебе свою тачку, а ты решил подарить мне доску. Правда, тачка много дороже, но истинные друзья на это не смотрят. Достань-ка ее поскорее, и я сегодня же примусь за работу.

— Сию минуту! — воскликнул Ганс, и он тут же побежал в сарай и притащил доску.

— Да, невелика доска, невелика, — заметил Мельник, осматривая ее. — Боюсь, что, когда я починю крышу, на тачку ничего не останется. Но это уж не моя вина. А теперь, раз я подарил тебе свою тачку, ты, верно, захочешь подарить мне побольше цветов. Вот корзина, наполни ее до самого верха.

— До самого верха? — с грустью переспросил Ганс. Корзина была очень большая, и он видел, что, если наполнит ее доверху, на рынок идти будет не с чем, а ему так хотелось выкупить свои серебряные пуговицы.

— Ну, знаешь ли, — отозвался Мельник. — я подарил тебе тачку и думал, что могу попросить у тебя немного цветочков. Я считал, что настоящая дружба свободна от всякого расчета. Значит я ошибся.

— Дорогой мой друг, лучший мой друг! — воскликнул Маленький Ганс. — Забирайте хоть все цветы из моего садика! Ваше доброе мнение для меня гораздо важнее каких-то там серебряных пуговиц.

И он побежал и срезал все свои дивные первоцветы и наполнил ими корзину Мельника.

— До свидания, Маленький Ганс! — сказал Мельник и пошел на свой холм с доской на плече и большой корзиной в руках.

— До свидания! — ответил Маленький Ганс и принялся весело работать лопатой: он очень обрадовался тачке.

На другой день, когда Маленький Ганс прибывал побеги жимолости над своим крылечком, он вдруг услышал голос Мельника, окликавшего его. Он спрыгнул с лесенки, подбежал к забору и выглянул на дорогу.

Там стоял Мельник с большим мешком муки на спине.

— Милый Ганс, — сказал Мельник, — не снесешь ли ты на базар этот мешок с мукой?

— Ах, мне так жаль, — ответил Ганс, — но я, право, очень занят сегодня. Мне нужно поднять все выюнки, полить цветы и подстричь траву.

— Это не по-дружески, — сказал Мельник. — Я собираюсь подарить тебе тачку, а ты отказываешься мне помочь.

— О, не говорите так! — воскликнул Маленький Ганс. — Я ни за что на свете не хотел бы поступить не по-дружески.

И он сбегал в дом за шапкой и поплелся на базар с большим мешком на плечах.

День был очень жаркий, дорога пыльная, и Ганс, не дойдя еще до шестого милевого камня, так утомился, что присел отдохнуть. Собравшись с силами, он двинулся дальше и наконец добрался до базара. Скоро он продал муку за хорошие деньги и тут же пустился в обратный путь, потому что боялся повстречаться с разбойниками, если слишком замешкается.

— Трудный нынче выдался денек, — сказал себе Ганс, укладываясь в постель. — Но все же я рад, что не отказал мельнику. Он как-никак лучший мой друг и к тому ж обещал подарить мне свою тачку.

На следующий день Мельник спозаранку явился за своими деньгами, но Маленький Ганс так устал, что был еще в постели.

— До чего ж ты, однако, ленив, — сказал Мельник. — Я ведь собираюсь отдать тебе свою тачку, и ты, думаю, мог бы работать поусерднее. Нерадивость — большой порок, и мне б не хотелось иметь другом бездельника и лентяя. Ты не обижайся, что я с тобой так откровенен. Мне б и в голову не пришло так с тобой разговаривать, не будь я твоим другом. Что проку в дружбе, если нельзя сказать все, что думаешь? Болтать разные там приятности, льстить и подлакивать может всякий, но истинный друг говорит только самое неприятное и никогда не постоит за тем, чтобы доставить тебе огорчение. Друг всегда предпочтет посадить тебе, ибо знает, что тем самым творит добро.

— Вы не сердитесь, — сказал Маленький Ганс, протирая глаза и снимая ночной колпак, — но я так устал вчера, что мне захотелось понежиться в постели и послушать пение птиц. Я, право же, всегда лучше работаю, когда послушаю пение птиц.

— Что ж, если так, я рад, — ответил Мельник, похлопывая Ганса по спине, — я ведь пришел сказать тебе, чтоб ты, как встанешь, отправлялся на мельницу починить крышу на моем амбаре.

Бедному Гансу очень хотелось поработать в саду — ведь он уже третий день не поливал своих цветов, — но ему неловко было отказать Мельнику, который был ему таким добрым другом.

— А это будет очень не по-дружески, если я скажу, что мне некогда? — спросил он робким, нерешительным голосом.

— Разумеется, — отозвался Мельник. — Я, мне кажется, прошу у тебя не слишком много, особенно если припомнить, что я намерен подарить тебе свою тачку. Но раз ты не хочешь, я пойду и сам почино.

— Что вы, как можно! — воскликнул Ганс и, мигом вскочив с постели, оделся и пошел чинить амбар.

Ганс трудился до самого заката, а на закате Мельник пришел взглянуть, как идет у него работа.

— Ну что, Ганс, как моя крыша? — крикнул он весело.

— Готова! — ответил Ганс и спустился с лестницы.

— Ах, нет работы приятнее той, которую мы делаем для других, — сказал Мельник.

— Что за наслаждение слушать вас, — ответил Ганс, присаживаясь и отирая пот со лба. — Великое наслаждение! Только, боюсь, у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас.

— О, это придет! — ответил Мельник. — Нужно лишь постараться. До сих пор ты знал только практику дружбы, когда-нибудь овладеешь и теорией.

— Вы правда так думаете? — спросил Ганс.

— И не сомневаюсь, — ответил Мельник. — Но крыша теперь в порядке, и тебе пора домой. Отдохни хорошенько, потому что завтра тебе надо будет отвести моих овец в горы.

Бедный Маленький Ганс не решился что-нибудь возразить и наутро, когда Мельник пригнал к его домику своих овец, отправился с ними в горы. Целый день он потратил на то, чтобы отогнать их на пастбище и пригнать обратно, и вернулся домой такой усталый, что заснул прямо в кресле и проснулся уже при ярком свете дня.

— Ну, сегодня я на славу потружусь в своем садике! — сказал он и тотчас принялся за работу.

Но как-то все время выходило, что ему не удавалось заняться своими цветами. Друг его Мельник то и дело являлся к нему и отсылал его куда-нибудь с поручением или уводил с собою помочь на мельнице. Порой Маленький Ганс приходил в отчаяние и начинал бояться, как бы цветочки не решили, что он совсем позабыл о них, но он утешал себя мыслью, что Мельник — его лучший друг. "К тому же он собирается подарить мне тачку, — до-

бавлял он в подобных случаях, — а это удивительная щедрость с его стороны”.

Так и работал Маленький Ганс на Мельника, а тот говорил красивые слова о дружбе, которые Ганс записывал в тетрадочку и перечитывал по ночам, потому что он был очень прилежный ученик.

И вот однажды вечером, когда Маленький Ганс сидел у своего камелька, раздался сильный стук в дверь. Ночь была бурная, и ветер так страшно завывал и ревел вокруг, что Ганс принял поначалу этот стук за шум бури. Но вот снова постучали, а потом и в третий раз, еще громче.

— Верно, какой-нибудь несчастный путник, — сказал себе Ганс и бросился к двери.

На пороге стоял Мельник с фонарем в одной руке и толстой палкой в другой.

— Милый Ганс! — воскликнул Мельник. — У меня большая беда. Мой сынишка упал с лестницы и расшибся, и я иду за доктором. Но доктор живет так далеко, а ночь такая непогожая, что мне подумалось: не лучше ли тебе сходить за доктором вместо меня, я ведь собираюсь подарить тебе тачку, и ты, по справедливости, должен отплатить мне услугой за услугу.

— Ну конечно! — воскликнул Маленький Ганс. — Это такая честь, что вы пришли прямо ко мне! Я сейчас же побегу за доктором. Одолжите мне только фонарь. На дворе очень темно, и я боюсь свалиться в канаву.

— Я бы с удовольствием, — ответил Мельник, — но фонарь у меня новый, и вдруг с ним что-нибудь случится?

— Ну ничего, обойдусь и без фонаря! — воскликнул Маленький Ганс. Он закутался в большую шубу, надел на голову теплую красную шапку, повязал шею шарфом и двинулся в путь.

Какая была ужасная буря! Темень стояла такая, что Маленький Ганс почти ничего не различал перед собой, а ветер налетал с такой силой, что

Ганс едва держался на ногах. Но мужество не покидало его, и часа через три он добрался до дома, в котором жил доктор, и постучался в дверь.

— Кто там? — спросил доктор, высовываясь из окна своей спальни.

— Это я, доктор, — Маленький Ганс.

— А что у тебя за дело ко мне, Маленький Ганс?

— Сынишка Мельника упал с лестницы и расшибся, и Мельник просит вас поскорее приехать.

— Ладно! — ответил доктор, велел подать лошадь, сапоги и фонарь, вышел из дому и поехал к Мельнику, а Ганс потащился за ним следом.

Ветер все крепчал, дождь лил как из ведра. Маленький Ганс не поспевал за лошадей и брел наугад. Он сбился с дороги и попал в болото, очень опасное. Там бедный Ганс и утонул в глубокой трясине. На другой день пастухи нашли Маленького Ганса в большой яме, залитой водою, и отнесли его тело к нему домой.

Все пришли на похороны Маленького Ганса, потому что все его любили. Но больше всех горевал Мельник.

— Я был его лучшим другом, — говорил он, — и, по справедливости, я должен идти первым.

И он шел во главе погребальной процессии, в длинном черном плаще, и время от времени вытирал глаза большим носовым платком.

— Смерть Маленького Ганса — большая утрата для всех нас, — сказал Кузнец, когда после похорон все собрались в уютном трактире и попивали там душистое вино, закусывая его сладкими пирожками.

— Во всяком случае, для меня, — отозвался Мельник. — Я ведь уже, можно считать, подарил ему свою тачку и теперь ума не приложу, что мне с ней делать: дома она только место занимает, а продать — так ничего не дадут, до того она изломана. Впредь буду осмотрительнее. Теперь у меня никто

ничего не получит. За щедрость всегда приходится расплачиваться.

— Ну, а дальше? — спросила Водяная Крыса, помолчав.

— Это все, — ответила Коноплянка.

— А что случилось с Мельником?

— Понятия не имею, — ответила Коноплянка.

— Да мне, признаться, и не интересно.

— Вот оно и видно, что вы существо черствое, — заметила Водяная Крыса.

— Боюсь, что мораль этого рассказа покажется вам неясна, — обронила Коноплянка.

— Что покажется неясным? — переспросила Водяная Крыса.

— Мораль.

— Ах, так в этом рассказе есть мораль?

— Разумеется, — ответила Коноплянка.

— Однако же, — промолвила Водяная Крыса в крайнем раздражении, — вам, мне кажется, следовало сказать об этом наперед. Тогда бы я просто не стала вас слушать. Крикнула бы "гиль!", как тот критик, и все. А впрочем, и теперь не поздно.

И она завопила во всю глотку: "Гиль!" — взмахнула хвостом и спряталась в нору.

— Интересно, какого вы мнения об этой Водяной Крысе? — осведомилась Утка, приплывая обратно. — У нее, конечно, много хороших качеств, но во мне так сильно чувство материнства, что стоит мне увидеть убежденную старую деву, как у меня на глаза невертываются слезы.

— Она, кажется, обиделась, — ответила Коноплянка. — Я рассказала ей историю с моралью

— О, этого никогда не следует делать, — заметила Утка.

И я с ней вполне согласен.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дожидался целый год, и вот наконец она прибыла. Эта была русская Принцесса, и весь путь до самой Финляндии она проделала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, на голове у нее была крошечная шапочка из серебряной ткани, и она была бела, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

— Она похожа на белую розу! — восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы, как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

— Ваш портрет прекрасен, — прошептал он, — но вы прекраснее во сто крат! — И щеки маленькой Принцессы заалели.

— Она была похожа на Белую розу, — сказал молодой Паж кому-то из придворных, — но теперь она подобна Алой розе. — И это привело в восхищение весь двор.

Три дня кряду все ходили и восклицали:

— Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза, — и Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пунцового бархата, расшитого мелким жемчугом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

— Совершенно ясно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. — Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши! — И Король вторично удвоил ему жалованье.

— Какой почет! — хором воскликнули придворные.

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец розы, а Король вы-

звался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто ни разу не осмеливался сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно он исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

— Восхитительно! Восхитительно!

Программа празднества должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

— Фейерверк? А на что это похоже? — спросила Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по террасе.

— Это похоже на Северное Сияние, — сказал Король, который всегда отвечал на вопросы, адресованные к другим лицам, — только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что по крайней мере знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и как только Королевский пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

— Как прекрасен мир! — воскликнула маленькая Шутиха. — Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось со-

вершить путешествие. Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освободиться от предрассудков.

— Королевский сад — это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха, — сказала Большая Римская Свеча. — Мир — огромен, и меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

— То место, которое мы любим, заключает в себе для нас весь мир, — мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который на первых порах был крепко привязан к старой сосновой дощечке и гордился своим разбитым сердцем. — Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня несколько не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помнится, когда-то я... Впрочем, теперь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

— Чепуха! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда не умирает. Это как луна — она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром бумажная гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой.

— Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла, — прошептал он. Он принадлежал к тому сорту людей, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое сухое покашливание, и все оглянулись.

Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

— Кхе! Кхе! — кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонта-

на, который продолжал покачивать головой и шептать:

— Романтика умерла.

— Внимание! Внимание! — закричал Бенгальский Огонь. Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

— Умерла безвозвратно, — прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда смотрела поверх головы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

— Какая удача для сына Короля, — сказала она, — что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо. — В самом деле, если бы даже все это было обдумано заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь Принцам всегда везет.

— Вот так так! — сказала маленькая Шутиха. — А мне казалось, что все как раз наоборот: это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

— Вас-то, может, и будут, — сказала Ракета. — Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я — другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией своего танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернется обратно. Но она вернулась, потому что у нее

был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отозвались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала его триумфом Пилотехнического искусства.

— Пиротехнического, — хотели вы сказать, Пиротехнического, — отозвался Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю Пилотехнического, — возразила Ракета таким свирепым голосом, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задираť маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... о чем же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

— А что это такое — чувствительная особа? — спросила Петарда у Римской Свечи.

— Это тот, кто непременно будет отдавливать другим мозоли, если он сам от них страдает, — шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

— Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? — осведомилась Ракета. — Я же не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, — отвечала Петарда.

— Это весьма эгоистическая причина, — сердито промолвила Ракета. — Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы поду-

мать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость — высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, например, что сегодня ночью со мной что-нибудь случится, — представляете, какое это будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что касается Короля, то я знаю, что он не оправится после такого удара. Право, когда я начинаю думать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, я едва удерживаюсь от слез.

— Если вы хотите доставить другим удовольствие, — вскричала Римская Свеча, — так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть.

— Ну конечно, — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрянул духом, — это же подсказывает простой здравый смысл.

— Простой здравый смысл! — возмущенно фыркнула Ракета. — Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно, при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А что касается того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Единственное, что меня поддерживает в течение всей жизни, — это сознание моего неоспоримого превосходства над всеми, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смеетесь и веселитесь так, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

— Как так? — воскликнул маленький Огненный Шар. — А почему бы нет? Это же самое радостное

событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна невеста.

— Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! — сказала Ракета. — Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет — одна пустота. А что, если Принц и Принцесса поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы может родиться сын, маленький белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать — потерять единственного сына! Это же ужасно! Я этого просто не переживу.

— Но они же еще не потеряли своего единственного сына, — сказала Римская Свеча. — Никакого несчастья с ними еще не произошло.

— А разве я говорила, что они потеряли? — возразила Ракета. — Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову — по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

— Что верно, то верно! — вскричал Бенгальский Огонь. — По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще никогда не доводилось видеть.

— А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, — сказала Ракета. — И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

— Да ведь вы даже незнакомы с ней, — буркнула Римская Свеча.

— А разве я сказала, что я с ней знакома? — возразила Ракета. — Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь — хорошо знать своих собственных друзей.

— Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, — сказал Огненный Шар. — Вот что самое главное.

— Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, — возразила Ракета, — а я вот возьму и заплачу, если мне захочется. — И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

— Должно быть, это действительно очень романтическая натура, — сказал Огненный Фонтан, — ведь она плачет абсолютно без всякой причины, и он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

— Вздор! Вздор! — Они были чрезвычайно здравомыслящие особы, и когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут взошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться им, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одиннадцать и наконец двенадцать, и с последним ударом часов, возвестивших полночь, все вышли из дворца на террасу, а Король послал за Королевским пиротехником.

— Повелеваю зажечь фейерверк, — сказал Король, и Королевский пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада. За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

"Пшш! Пшш!" — зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

"Бум! Бум!" — вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

— Прощайте! — крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

"Хлоп! Хлоп!" — вторили ему Петарды, которые веселились от души. Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением Замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не достаивала разговором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

— Ура! Ура! — закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

— Вероятно, они приберегают меня для особо торжественного случая, — сказала Ракета. — Это несомненно так. — И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

— По-видимому, это делегация, — сказала Ракета. — Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства. — И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях. Но слуги даже не заметили ее, и только когда они уже собрались

уходить, она случайно попала на глаза одному из них.

— Гляньте! — крикнул этот слуга. — Тут какая-то негодная ракета! — И он швырнул ее за ограду, прямо в канаву.

— НЕГОДНАЯ Ракета? НЕГОДНАЯ Ракета? — воскликнула она, перелетая через ограду. — Этого не может быть! ПРЕВОСХОДНАЯ Ракета — вот что, должно быть, сказал этот человек. НЕГОДНАЯ и ПРЕВОСХОДНАЯ звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же, — и с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.

— Не очень-то приятное место, — сказала она, — но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький Лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

— А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что ж, в конце концов грязь лучшее, что есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

— Кхе! Кхе! — произнесла Ракета и раскашлялась.

— Какой у вас приятный голос! — воскликнул Лягушонок. — Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего многоголосого хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома, и как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть — все слушают нас. Да не далее как вчера

жена фермера говорила своей матушке, что она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, — это доставляет большое удовлетворение.

— Кхе! Кхе! — сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

— Нет, в самом деле, какой восхитительный голос, — продолжал Лягушонок. — Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Щука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

— По-вашему, это называется беседой? — сказала Ракета. — Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хороша беседа!

— Кто-то же должен слушать, — возразил Лягушонок, — а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

— Но я люблю разногласия, — сказала Ракета.

— Ну что вы, — миролюбиво заметил Лягушонок. — Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно одинаковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей. — И маленький Лягушонок поплыл прочь.

— Вы чрезвычайно нудная особа, — сказала Ракета, — и очень дурно воспитаны. Я не выношу людей, которые, подобно вам, все время говорят о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — чрезвычайно отталкивающее свойство, особенно для людей моего склада, — ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом, вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам встретится еще когда-нибудь образец более достойный подражания. И раз уж пред-

ставился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправляюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочетались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

— Нет никакого смысла говорить ему все это, — сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой камышины. — Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

— Тем хуже для него, — отвечала Ракета. — Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает, — мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня это одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

— Тогда вам, безусловно, необходимо выступать с лекциями по Философии, — сказала Стрекоза и поднялась в воздух.

— Как это глупо, что она улетела! — сказала Ракета. — Я уверена, что ей не часто предоставляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. — И тут она еще чуть глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

— Кряк, кряк, кряк, — сказала Утка, — какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить, это от рождения или результат несчастного случая?

— Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, — отвечала Ракета, — иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше неве-

жество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь к небу и пролиться на землю золотым дождем.

— Велика важность, — сказала Утка. — Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

— Я вижу, уважаемая, — воскликнула Ракета высокомерно-снисходительным тоном, — я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества. Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы. Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не питаю симпатии к полезной деятельности какого бы то ни было рода, а уж меньше всего — к такой, какую вы изволили рекомендовать. По правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спасения люди, которым ничего другого не остается делать.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту. — О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

— Да ни за что на свете! — воскликнула Ракета. — Я здесь гость, почетный гость, и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

— Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью, — заметила Утка. — Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу.

Однако не заметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Где бы мы ни появились, мы всегда привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк.

— Куда же вы! Куда! — взвизгнула Ракета. — Мне еще очень многое необходимо вам сказать. — Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв. — Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У нее необычайно мешчанские взгляды. — И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

— Это, вероятно, делегация, — сказала Ракета и постаралась придать себе как можно более величественный вид.

— Гляди-ка! крикнул один из мальчиков. — Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала. — И он вытащил Ракету из канавы.

— ГРЯЗНАЯ Палка! — сказала Ракета. — Нелыханно! ГРОЗНАЯ Палка — хотел он, по видимому, сказать. Грозная Палка — это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из придворных Сановников.

— Давай положим ее в костер, — сказал другой мальчик. — Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

— Но это же восхитительно! — воскликнула Ракета. — Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

— Ну, теперь мы можем немножко соснуть, — сказали мальчики. — А когда проснемся, котелок уже закипит. — И они растянулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

— Ну, сейчас я взлечу! — закричала она, напыжилась и распрямилась. — Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко... Пшш! Пшш! Пшш! — И она взлетела вверх.

— Упоительно! — вскричала она. — Я буду лететь вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел.

Тут она почувствовала странное ощущение щекотки во всем теле.

— А теперь я взорвусь! — закричала она. — И я охвачу огнем всю землю и наделаю такого шума, что целый год никто не будет говорить ни о чем другом. — И тут она и в самом деле взорвалась: бум! бум! бум! — вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто ничего не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

— Господи помилуй! — вскричала Гусыня. — Кажется, начинает накрапывать... палками! — И она поспешно плюхнулась в воду.

— Я знала, что произведу сенсацию, — прошипела Ракета и погасла.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ

Был день рождения Инфанты. Ей исполнилось ровно двенадцать лет, и солнце ярко светило в дворцовых садах.

Хотя она была настоящая Принцесса, и притом наследная Принцесса Испанская, день рождения у нее, как и у бедных детей, бывал всего раз в году, и для всей страны, разумеется, было чрезвычайно важно, чтобы погода ради такого дня стояла хорошая. И погода действительно была очень хорошая.

Высокие полосатые тюльпаны, вытянувшись на стеблях, как длинные шеренги солдат, говорили розам, вызываясь поглядывая на них через лужайку:

— Смотрите, теперь мы такие же пышные, как и вы.

Алые бабочки с золотою пыльцой на крылышках навешали по очереди все цветы; маленькие

ящерицы выползали из трещин стены и грелись, недвижные, в ярком солнечном свете; гранаты лопались от зноя, обнажая свои красные, истекающие кровью сердца.

Даже бледно-желтые лимоны, которых столько свешивалось с полуразрушенных решеток и мрачных аркад, как будто сделались ярче от такого яркого солнца, а магнолии раскрыли шары своих больших цветов, наполняя воздух сладким и густым благоуханием.

Маленькая Принцесса прогуливалась по террасе со своими подругами, играла с ними в прятки вокруг каменных ваз и древних замшелых статуй. В обычные дни ей разрешалось играть только с детьми своего круга и звания, так что ей всегда приходилось играть одной; но день рождения был особенный день, и Король позволил Инфанте пригласить кого угодно из ее юных друзей и поиграть с ними.

Была какая-то величавая грация в этих тоненьких и хрупких испанских детях, когда они скользили неслышной поступью по дворцовому саду, мальчики в шляпах с огромными перьями и коротеньких развевающихся плащах, девочки в тяжелых парчовых платьях с длинными шлейфами, которые они придерживали рукой, заслоняясь от солнца большими веерами, черными с серебром.

Но всех грациознее была Инфанта и всех изящнее одета, хотя мода тогда была довольно стеснительной. Ее платье было из серого атласа, юбка и рукава-буфы богато расшиты серебром, а тугой корсаж — мелким жемчугом. Когда она шла, из-под платья выглядывали крохотные туфельки с пышными розовыми бантами. Большой газовый веер Инфанта тоже был розовый с жемчугом, а в ее волосах, которые, как венчик из тусклого золота, обрамляли ее бледное личико, красовалась дивная белая роза.

Из окна во дворце за ними следил грустный, унылый Король.

У него за спиною стоял его ненавистный брат, Дон Педро Арагонский, а рядом с ним сидел его духовник, Великий Инквизитор Гренады. Король был даже грустнее обычного, потому что, глядя, как Инфанта с детской серьезностью отвечает на поклон придворных или же, прикрывшись веером, смеется над мрачной герцогиней Альбукеркской, своей неизменной спутницей, он думал о юной Королеве, ее матери, которая, как казалось ему, еще совсем недавно приехала из веселой французской земли и завяла среди мрачного великолепия испанского двора. Она умерла ровно полгода спустя после рождения Инфанта и не дождалась, чтоб еще раз зацвел в саду миндаль, и осенью того года уже не срывала плодов со старого фигового дерева, стоявшего среди двора, ныне густо заросшего травой.

Так велика у Короля была любовь к ней, что он не позволил даже могиле скрыть возлюбленную от его взоров. Он велел набальзамировать ее мавританскому врачу, которого, как говорили, уже осудила на казнь святая инквизиция по обвинению в ереси и подозрению в магии и которому, в награду за эту услугу, была дарована жизнь. Тело ее и поныне лежало на устланном коврами ложе, в черной мраморной часовне дворца — совсем такое же, каким внесли его сюда монахи в тот ветреный мартовский день, почти двенадцать лет тому назад. Каждый месяц Король, закутанный в черный плащ и с потайным фонарем в руке, входил в часовню, опускался на колени перед катафалком и звал: "Mi reina! Mi reina!"* И порой, забыв об этикете, который в Испании управляет каждым шагом человека и ставит предел даже королевскому горю, он в безумной тоске хватал бледные руки, униженные дорогими перстнями, и пробовал разбудить

*Моя королева! Моя королева! (исп.)

страстными поцелуями холодное, раскрашенное лицо.

Сегодня ему кажется, что он снова увидел ее такой же, как тогда, в первый раз, в замке Фонтенебло. Ему было всего пятнадцать лет, а ей и того меньше. В тот же день они были в присутствии короля и всего двора официально обручены папским нунцием, и королевич вернулся в Эскуриал, унося с собой легкий завиток золотистых волос и память о прикосновении детских губок, прильнувших с поцелуем к его руке, когда он садился в карету.

Некоторое время спустя их наскоро повенчали в Бургосе, маленьком городке на границе Франции и Испании, и они торжественно въехали в Мадрид, где, по обычаю, отслужили торжественную мессу в церкви La Atocha и было устроено необычайно величественное аутодафе*, для которого светским властям было передано на сожжение около трехсот еретиков, в том числе много англичан.

Он безумно любил ее, как думали многие, на погибель своей стране, воевавшей в то время с Англией за обладание империей Нового Света. Он ни на шаг не отходил от нее; ради нее он готов был, казалось, забыть самые важные государственные дела и, ослепленный страстью, не замечал, что его церемонная вежливость, которой он пытался угодить ей, только усиливала странную болезнь, подтачивавшую ее здоровье. Когда она умерла, он на какое-то время почти лишился рассудка. Он бы даже отрекся от трона и удалился бы в большой траппистский монастырь в Гренаде, почетным приором которого состоял с давних пор, если бы только не боялся оставить маленькую Инфанту на попечение своего брата, сумевшего даже в Испании прославиться своей жестокостью. Поговаривали,

*Инквизиционный костер для грешников.

что это он был причиной смерти Королевы, преподнеся ей пару отравленных перчаток во время посещения королевской четой его дворца в Араге. Даже когда истек срок трехгодичного траура, объявленного королевским указом во всех владениях испанской короны, Король не позволял своим министрам даже и речь заводить о новом браке; а когда сам Император заслал к нему сватов, предлагая ему в жены свою племянницу, прелестную эрцгерцогиню Богемскую, он попросил их передать своему господину, что он уже обвенчан с Печалью и, хотя эта супруга бесплодна, он все же предпочитает ее Красоте. Ответ этот стоил испанской короне богатых Нидерландских провинций, которые вскоре, по наущению Императора, восстали против Испании под предводительством нескольких фанатиков-протестантов.

Вся его супружеская жизнь, с ее неистовыми пылкими радостями, и страшная мука, которую он пережил, когда всему вдруг пришел конец, — все это как будто вернулось к нему теперь, когда он в окно наблюдал за Инфантой, резвящейся на террасе. В ней была милая живость ее матери, та же дивная улыбка, — *vrai sourire de France**, когда она порою взглядывала на окно или протягивала какому-нибудь статному испанцу свою крохотную ручку для поцелуя. Но громкий детский смех резал его ухо; безжалостно яркое солнце словно издевалось над его горем, а свежий утренний воздух был пропитан, казалось, тяжелым запахом снадобий, какие употребляют при бальзамировании. Король закрыл лицо руками, и, когда Инфанта снова подняла глазки к окну, занавеси были уже спущены и Король исчез.

Инфанта сделала недовольную гримаску и пожалала плечиками, — уж мог бы он с ней побыть в день

*Настоящая французская улыбка (франц.)

е: рождения. Кому они нужны эти глупые государственные дела! Или, может быть, он отправился в ту мрачную часовню, где всегда горят свечи и куда ей запрещают входить? Как это глупо с его стороны, когда солнце светит так ярко и всем так весело! И вот теперь он не увидит шуточного боя быков, на который уже ссылают трубы, не увидит марионеток и других удивительных забав. Ее дядя и Великий Инквизитор куда разумнее. Они пришли на террасу и были с ней так любезны.

Она тряхнула своей хорошенькой головкой и, взяв под руку Дона Педро, стала медленно спускаться по ступенькам к длинному, обтянутому алым шелком павильону, воздвигнутому в конце сада; остальные дети двинулись за ней следом один за другим, соответственно знатности рода. Те, у которых были самые длинные имена, шествовали впереди.

Навстречу Инфанте вышла процессия мальчиков из самых знатных семейств, одетых в фантастические костюмы тореадоров, и юный граф Тьерра-Нуэва, изумительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову с грацией прирожденного гидальго и гранда испанского, торжественно подвел ее к возвышению над ареной, где стояло небольшое золоченое кресло, инкрустированное слоновой костью. Дети собрались вокруг нее, перешептываясь между собой и обмахиваясь большими веерами, а Дон Педро и Великий Инквизитор, смеясь, остались у входа. Даже герцогиня, — главная камерера, как ее называли, — тощая, суровая женщина, в желтых брыжах, не казалась такой сердитой, как обыкновенно, и что-то вроде холодной улыбки скользило по ее морщинистому лицу, кривя тонкие бескровные губы.

Это, бесспорно, был чудесный бой быков — гораздо красивее, по мнению Инфанта, настоящего, на который ее возили в Севилью, когда у ее отца гостил герцог Пармский. Некоторые из мальчиков

гарцевали на палочках, покрытых роскошными чепраками, и размахивали длинными пиками, с веселыми пучками ярких лент; другие прыгали перед быком, дразня его своими красными плащами и легко вскакивая на барьер, когда бык кидался на них; что касается самого быка, он был совсем как настоящий, хотя и сделан из ивовых прутьев, обтянутых кожей; и порой предпочитал бегать вдоль арены на задних ногах, что, конечно, никогда не взбрело бы в голову живому быку. Сражался он великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что вскакивали на скамейки, махали кружевными платочками и кричали: "Браво, торо! Браво, торо!" — совсем как взрослые.

Наконец, после продолжительного боя, во время которого бык проколол своими рогами немало игрушечных лошадок и выбил из седла их наездников, юный граф Тьерра-Нуэва заставил быка стать на колени и, получив от Инфанты разрешение нанести ему *coup de grase*, с такою силой вонзил свою деревянную шпагу в шею животному, что голова отскочила, и все увидели смеющееся личико маленького *месье де Лоррэн*, сына французского посланника в Мадриде.

Еще не смолкли громкие рукоплескания, а арена была уже очищена, и погибших лошадок торжественно уволокли со сцены два мавританских пажа в желтых с черным ливреях; и после краткой интермедии, во время которой француз-гимнаст плясал на туго натянутом канате, на сцене небольшого театра, нарочно для этого случая построенного, была представлена итальянскими куклами полуклассическая трагедия "Софонисба". Они играли так чудесно и жесты их были так естественны, что к концу спектакля глазки Инфанты затуманились от слез. Некоторые из детей плакали во весь голос, и приходилось утешать их сладостями. Даже сам Великий Инквизитор был так растроган, что не удержался и сказал Дону Педро, как ему больно

видеть, что простые куклы на проволоках, из дерева и крашеного воска, могут быть так несчастны и переживать такие тяжкие бедствия.

Затем появился африканец-фокусник, который принес с собой большую плоскую корзину, покрытую красным сукном, поставил ее посередине арены, достал из своего тюрбана какую-то чудную дудку из тростника и начал на ней играть. Немного спустя сукно зашевелилось, и, когда звуки дудки стали резче и пронзительней, из-под него высоко подняли свои странные клинообразные головы две изумрудно-золотистых змеи и медленно стали раскачиваться под музыку, словно растения в воде. Детей, однако, пугали их пятнистые клобучки и проворные острые жала, им гораздо больше понравилось, когда у них на глазах, по воле фокусника, выросло из песка крохотное апельсинное деревце, которое тут же покрылось хорошенькими белыми цветочками, а затем и настоящими плодами. Когда же фокусник взял у маленькой дочки маркизы де Лас-Торрес веер и превратил его в синюю птицу, которая стала с пением носиться по павильону, их изумление и восторг не знали границ.

Торжественный менуэт, исполненный маленькими танцовщиками из церкви Нуэстра Сеньора Дель Пилар, тоже понравился им. Инфанта никогда еще не видала этого удивительного обряда, совершаемого ежегодно в мае в честь пресвятой богородицы пред ее высоким престолом, потому что никто из членов испанского королевского дома ни разу не переступил порог большого сарагосского собора с тех пор, как сумасшедший священник, подкупленный, как подозревали, королевой Елизаветой Английской, пытался причастить там принца Астурийского отравленной облаткой. Инфанта только понаслышке знала о "танце Богородицы" и нашла, что он действительно очень красив. Мальчишки-танцоры были в старинных придворных

костюмах из белого бархата и диковинных треугольниках, обшитых серебряным галуном и увенчанных большими страусовыми плюмажами. Их смуглые лица и длинные черные волосы еще больше оттеняли ослепительную белизну этих костюмов. Все были очарованы важностью и достоинством, с которыми они выполняли замысловатые фигуры танца, изысканной грацией их медлительных жестов и величавых поклонов, и в конце, когда они, сняв свои огромные, украшенные перьями шляпы, склонились перед Инфантой, она чрезвычайно любезно ответила на их поклон и мысленно дала себе обет поставить большую восковую свечу пред алтарем пресвятой девы Дель Пилар, в благодарность за доставленное удовольствие.

А потом на арене появилась группа красавцев египтян, как в те дни называли цыган; они уселись в кружок, поджав под себя ноги, и тихонько заиграли на цитрах, раскачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая что-то мечтательное и тягучее. Когда они заметили Дона Педро, они нахмурились и на лицах некоторых из них изобразился ужас, ибо всего лишь за несколько недель перед тем Дон Педро велел повесить в Севилье на рыночной площади двух человек из их племени за колдовство, но хорошенькая Инфанта, которая слушала их, откинувшись на спинку кресла, и мечтательно глядела большими голубыми глазами поверх своего веера, совсем их пленила. Они почувствовали уверенность, что такое прелестное существо не способно на жесткость. И они продолжали играть тихо и нежно, едва касаясь струн длинными ногтями и кивая головами, словно в полудремоте. И вдруг с таким пронзительным криком, что все дети вздрогнули, а рука Дона Педро стиснула агатовую рукоять кинжала, египтяне вскочили на ноги и закружились как бешеные вокруг арены, ударяя в свои тамбурины и распевая какую-то дикую любовную песню на своем странном

гортанном языке. Затем все разом кинулись на землю, и теперь только глухой звон цитр нарушал тишину. Повторив это несколько раз, они на миг исчезли и вывели на цепи косматого бурого медведя. На плечах у них сидело несколько крохотных барбарийских обезьянок. Медведь с необычайной серьезностью встал на голову, а обезьянки со сморщенными личиками стали проделывать всякие забавные штуки. Они фехтовали крохотными шпагами с двумя цыганами, по-видимому их хозяевами, стреляли из ружей, а потом выстроились в ряд и начали делать солдатские артикулы — совсем как на ученье королевской лейб-гвардии. Цыгане очень понравились детям.

Но самым забавным развлечением этого утра были, бесспорно, танцы маленького Карлика. Когда он ввалился на арену, ковыляя на кривых, коротеньких ножках и мотая огромной безобразной головой, дети подняли восторженный крик, и даже сама Инфанта так смеялась, что Камеристка вынуждена была напомнить ей, что хотя в Испании не раз видали королевских дочерей, плачущих перед равными, однако неслыханное дело, чтобы Принцесса королевской крови веселилась так в присутствии тех, кто ниже ее по рождению.

Однако Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, известном своим пристрастием ко всему ужасному и безобразному, такого фантастического маленького чудовища еще не видали. Да этот Карлик и не выступал прежде. Его нашли всего за день до того. Двое грандов, охотившихся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, встретили его, когда он бежал опрометью через лес, и привезли с собою во дворец, чтоб устроить Инфанте сюрприз; отец его, бедный угольщик, был только рад избавиться от такого уродливого и бесполезного ребенка. Самое забавное в Карлике было, быть может, то, что сам он совершенно не сознавал, как он уродлив и смешон.

Напротив, он казался счастлив и весел необычайно. Когда дети смеялись, и он смеялся, так же непринужденно и радостно, и по окончании каждого танца отвешивал каждому из них в отдельности уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая головою, словно сам он был такой же, как они, а не маленький уродец, которого природа однажды под веселую руку создала на потеху другим. Инфантою он был очарован безмерно, не мог от нее глаз оторвать и, казалось, плясал для нее одной. И когда, вспомнив, как на ее глазах знатные придворные дамы бросали букеты Каффарелли, знаменитому итальянскому дисканту, которого Папа прислал в Мадрид из собственной домово́й церкви, в надежде что сладкие звуки его голоса исцелят тоску Короля, она вынула из волос красивую белую розу и, шутки ради, а также для того, чтобы позлить Камеристку, с очаровательной улыбкой бросила эту розу через всю арену Карлику, тот принял это совсем всерьез, прижал цветок к губам, уродливым и толстым, приложил руку к сердцу и опустился перед Инфантой на одно колено, причем радостная улыбка растянула рот его до ушей, а маленькие светлые глазки заискрились от удовольствия.

После этого Инфанта положительно не в состоянии была оставаться серьезной и продолжала смеяться еще долго после того, как Карлик убежал с арены, и попросила дядю, чтобы танец немедленно был повторен. Камеристка, однако ж, сославшись на чрезмерную жару, заявила, что для ее высочества лучше будет немедленно вернуться во дворец, где для нее уже приготовлен роскошный пир и уже стоит на столе настоящий именинный пирог, с инициалами новорожденной из крашеного сахара и красивым серебряным флагом на верхушке. Инфанта с большим достоинством поднялась с места, приказала, чтоб маленький Карлик еще раз проплясал перед нею после сиесты, и, поблагодарив юного графа Тьерра-Нуэва за чудесный прием,

удалилась в свои апартаменты. За нею двинулись прочие дети, в том же порядке, как пришли.

Когда маленькому Карлику сказали, что он будет еще раз танцевать перед Инфантой по ее личному особому приказу, он так обрадовался, что убежал в сад; в нелепом восторге покрывая поцелуями белую розу и выражая свое счастье самыми дикими и неуклюжими жестами.

Цветы пришли в негодование от дерзкого вторжения уродца в их прекрасную обитель; когда же они увидали, как он скачет по дорожкам, смешно и неуклюже размахивая руками над головой, они уже не в состоянии были дольше сдерживаться.

— Право же, он слишком безобразен, чтобы позволять ему играть в тех местах, где находимся мы! — восклицали Тюльпаны.

— Напоить бы его маковым цветом, чтоб он уснул на тысячу лет, — говорили высокие огненно-красные Лилии и от гнева запылали еще ярче.

— Ужас, прямо ужас, до чего он безобразен! — взвизгнул Кактус. — Он весь искривленный, приземистый, и голова у него несообразно велика по сравнению с ногами. При виде его у меня колючки встают дыбом, и, если он только подойдет ко мне, я его исколю своими шипами.

— И у него в руках к тому же один из лучших моих цветков, — воскликнул Куст Белых Роз. — Я сам подарил его нынче утром Инфанте ко дню рождения, а он его украл у нее. — И он закричал что было силы: — Вор! Вор! Вор!

Даже красные Герани, которые вообще-то не спесивы, — у них у самих куча бедных родственников, — так и скручивались все от отвращения, и когда Фиалки скромно заметили, что хоть он и очень некрасив, но не по своей же вине, — Герани не без основания возразили, что в том-то и беда, и что раз он неизлечим, нет оснований восхищаться им только за это. Да и некоторые из Фиалок сами чувствовали, что Карлик как будто

даже кичится своим безобразием, выставляя его на показ, и что он выказал бы гораздо больше вкуса, если б принял печальный или хотя бы задумчивый вид, вместо того чтоб прыгать и скакать по дорожкам, принимая такие причудливые и нелепые позы.

Что касается старых Солнечных Часов — особы выдающейся и некогда указывавшей время самому Императору Карлу V, — то они до того были поражены видом маленького Карлика, что чуть не забыли отметить целых две минуты своим длинным теньвым пальцем и не удержались, чтобы не сказать большому молочно-белому Павлину, гревшемуся на солнышке на балюстраде, что, мол, всем известно, что царские дети — это царские дети, а дети угольщика — это дети угольщика, и не к чему уверять, будто это не так, с чем Павлин всецело согласился и даже крикнул: "Несомненно! Несомненно!" — таким пронзительным и резким голосом, что Золотые Рыбки, жившие в бассейне фонтана, от которого веяло прохладой, высунули головки из воды и спросили у огромных каменных Тритонов, в чем дело и что произошло.

А вот птицам Карлик почему-то понравился. Они и раньше часто видали в лесу, как он плясал, подобно эльфу, гоняясь за подхваченными ветром листьями, или же, свернувшись клубочком где-нибудь в дупле старого дуба, делил с белками собранные им орехи. И они ничуть не возмущались его безобразием. Ведь и соловей, который по вечерам пел в апельсиновых рощах так сладко, что даже Луна иной раз склоняла свой лик, чтобы послушать его, был не великий красавец; к тому же мальчик был добр к ним, и в жестокую зимнюю стужу, когда на деревьях нет ягод и земля становится тверда, как железо, а волки подходят в поисках пищи к самым городским воротам, он никогда не забывал о них и всегда бросал им черные крошки от своего ломтя и делил с ними свой завтрак, как бы он ни был скуден.

И птицы порхали вокруг него, задевая крылышками его щеки, и щебетали меж собою, и маленький Карлик был так счастлив, что не мог удержаться, и похвастался перед ними пышною белою розой, сказав, что эту розу подарила ему сама Инфанта, потому что она любит его.

Птицы не поняли ни слова, но это не беда, потому что они с задумчивым видом склонили головки набок, а это все равно что понимать, да к тому же много легче.

Ящерицам он также очень понравился; и когда он устал бегать и прилег на траву отдохнуть, они подняли веселую возню вокруг него и на нем самом и всячески старались позабавить его.

— Не всем же быть такими красивыми, как ящерицы, — этого нельзя и требовать, — говорили они. — И, хотя это звучит нелепо, в сущности, он не так уж безобразен, если, конечно, закрыть глаза и не смотреть на него.

Ящерицы — прирожденные философы, и они часами способны сидеть на одном месте и размышлять, когда им больше нечего делать или когда погода слишком дождливая.

Цветам, однако, очень не понравилось их поведение, равно как и поведение птиц.

— Это только показывает, — говорили они, — какими вульгарными становятся те, кто все время летает и бегаёт. Хорошо воспитанные создания, вроде нас, всегда стоят на одном месте. Кто видел, чтобы мы метались взад и вперед по дорожкам или же скакали как безумные по траве в погоне за какою-нибудь стрекозою? Когда мы испытываем потребность в перемене воздуха, мы посылаем за садовником, и он пересаживает нас на другую клумбу. Это — прилично, это вполне *comme il faut*, но ящерицы и птицы не ценят покоя, у птиц даже нет постоянного адреса. Они просто бродяги, вроде цыган, с ними и обращаться надо как с бродягами.

Цветы вздернули носики, приняли высокомерный вид и были очень довольны, когда немного

погода маленький Карлик встал с травы и заковылял к дворцовой террасе.

— Право же, его следовало бы запереть до конца жизни, — говорили они. — Вы только посмотрите, какой у него горб на спине! А ноги какие кривые! — И они захихикали.

А маленький Карлик и не подозревал об этом. Он страшно любил птиц и ящериц и находил, что цветы — самое удивительное, что только есть на свете, конечно за исключением Инфанта; но ведь Инфанта дала ему дивную белую розу, и она любит его, а это другое дело! Как ему хотелось быть опять вместе с нею. Она посадила бы его по правую руку от себя и улыбалась бы ему, и он никогда больше не ушел бы от нее, а сделал бы ее своим товарищем и научил бы ее всяким восхитительным штучкам. Ибо, хотя он никогда раньше не бывал во дворце, он знал множество удивительных вещей. Он умел, например, делать из тростника крохотные клетки для кузнечиков, чтобы они сидели и пели там, и превращать суставчатый длинный бамбук в такую свирель, которой заслушался бы сам Пан. Он умел подражать птичьим голосам и мог позвать скворца с верхушки дерева и цаплю с болота. Он знал, какое животное какие оставляет за собою следы, и умел выследить зайца по легким отпечаткам его лапок и кабана по растоптанным листьям. Ему были знакомы все пляски людей, живущих среди природы: и бешеный танец осени в одежде из багряницы, и легкая пляска в васильковых сандалиях среди спелых хлебов, и танец зимы с венками из сверкающего белого снега, и вешняя пляска в цветущих фруктовых садах.

Он знал, где вьют свои гнезда дикие голуби, и как-то раз, когда голубь с голубкой попались в силки птицелова, он сам воспитал покинутых птенцов и устроил для них маленькую голубятню в трещине расколотого вяза. Голуби выросли совсем ручные и каждое утро кормились из его рук. Они,

наверное, понравились бы Инфанте, как и кролики, шнырявшие в высоких папоротниках, и сойки с твердыми перышками и черными клювами, и ежи, умеющие свертываться в колючие шарики, и большие умные черепахи, которые медленно ползают, тряся головами и грызя молодые листочки. Да, она обязательно должна прийти к нему в лес поиграть вместе с ним. Он уступит ей свою постельку, а сам будет сторожить за окном до рассвета, чтоб ее не обидели дикие зубры и не подкрались бы слишком близко к хижине отошавшие с голоду волки. А на рассвете он постучится в ставни и разбудит ее, и вместе они пойдут в лес и будут плясать целый день. В лесу, право же, совсем не скучно. Иной раз епископ проедет на своем белом муле, читая книжку с картинками. А то пройдут сокольничие в зеленых бархатных шапочках, в камзолах из дубленой оленьей кожи, и у каждого на руке по соколу, а голова у сокола покрыта клобучком. А в пору уборки винограда проходят виноградари, и руки и ноги у них красные от виноградного сока, а на головах венки из глянцевого плюща, и они несут мехи, из которых каплет молодое вино; а по вечерам вокруг больших костров усаживаются угольщики и смотрят, как медленно обугливаются в огне сухие поленья, и жарят в пепле каштаны, и разбойники выходят из своих пещер повеселиться вместе с ними.

Как-то он даже видел замечательную процессию, извивавшуюся, как змея, по длинной пыльной дороге, ведущей в Толедо. Впереди шли монахи, сладостно пели и несли яркие хоругви и золотые кресты, за ними в серебряных латах, с мушкетами и пиками шли солдаты, а посреди солдат — трое босоногих людей с зажженными свечами в руках и в странной желтой одежде, сплошь разрисованной какими-то удивительными фигурами. Уж в лесу-то есть на что посмотреть; а когда она устанет, он отыщет для нее мягкое ложе из мха

или же понесет ее на руках, потому что он.ведь очень сильный, хоть и сам знает, что невысок ростом. Он сделает ей ожерелье из красных ягод брионии, которые так же красивы, как те белые ягоды, что нашиты у нее на платье; а если ей надоест это ожерелье, она может его бросить, и он найдет ей другое. Он будет приносить ей чашечки от желудей, и покрытые росой анемоны, и крохотных светлячков, которые будут искриться, как звезды, в бледном золоте ее волос.

Однако где же она? Он спросил об этом Белую Розу, но та не ответила. Весь дворец, казалось, спал и даже там, где ставни не были заперты, окна были завешены от яркого солнца тяжелыми занавесями. Карлик обошел кругом весь дворец, ища, как бы пробраться внутрь, и наконец заметил небольшую открытую дверь. Он проскользнул туда и очутился в роскошной зале — увы! — гораздо более пышной, чем лес: там всюду было столько позолоты, и даже пол выстлан большими цветными камнями, уложенными в какие-то геометрические фигуры. Но маленькой Инфанти там не было; были только странные белые статуи на пьедесталах из яшмы, смотревшие на него с какой-то странной улыбкой печальными пустыми глазами.

В конце залы висела богато расшитая занавесь из черного бархата, усеянная солнцами и звездами — любимый узор короля, — да и черный цвет был его самый любимый. Может быть, она спряталась за этой занавесью? Во всяком случае, надо взглянуть.

Он тихонько подкрался к портьеру и отдернул ее. Нет, за портьерой была только другая комната, и она показалась ему еще красивей той, откуда он только что вышел. Стены здесь были увешаны зелеными гобеленами со множеством фигур, изображавших охоту, — произведение фламандских художников, потративших больше семи лет на эту работу. Некогда это была комната Иоанна Безумного — помешанного короля, который так страстно

любил охоту, что в бреду нередко пытался вскочить на огромного вздыбившегося коня, вытканного на гобелене, стащить со стены оленя, на которого кидались большие собаки, затрубить в охотничий рог и заколоть ножом убегающую бледную лань. Ныне эта комната была превращена в залу совета, и на стоявшем посреди нее столе лежали красные портфели министров с тисненными испанскими золотыми тюльпанами, а также гербами и эмблемами Габсбургов.

Маленький Карлик в изумлении озирался вокруг и даже немножко побаивался идти дальше. Станные, безмолвные всадники, скакавшие так быстро и бесшумно по длинным лесным дорогам, напоминали ему страшных призраков, — о них он слышал от угольщиков, — компрачикосов, которые охотятся только ночью, и если встретят человека, то превратят его в оленя и затравят насмерть. Но он вспомнил о маленькой Инфанте, и это придало ему мужества. Ему хотелось застать ее одну и сказать ей, что он ее тоже любит. Быть может, она в смежной комнате?

По мягким мавританским коврам он неслышно перебежал через комнату и распахнул дверь. Нет, и там ее не было. Комната была совершенно пуста.

То была тронная зала, служившая для приема иностранных послов, когда Король — что в последнее время случалось не часто — соглашался дать им личную аудиенцию; в этой самой зале много лет назад были приняты посланники из Англии, явившиеся сватать свою королеву, тогда одну из католических владык Европы, за старшего сына Императора. Стены здесь были обтянуты кордуанской золоченой кожей, а с черно-белого потолка свешивалась тяжелая люстра в триста восковых свечей. Под большим балдахином золотой парчи, на котором были вышиты мелким жемчугом кастильские львы и башни, стоял сам трон, с брошенным на него роскошным покрывалом из черно-

го бархата, затканного серебряными тюльпанами и украшенного пышной бахромой из серебра и жемчуга. На второй ступени трона стояла скамеечка с подушкой из серебряной парчи, на которой преклоняла колена Инфанта; а еще пониже и уже не под балдахином — кресло для папского нунция — единственного, кто имел право сидеть в присутствии Короля во время публичных церемоний, и кардинальская шапка его с плетеными алыми кистями лежала спереди на красном табурте. Против трона на стене висел портрет Карла V, изображенного во весь рост, в охотничьем костюме, с большою собакой; а всю середину другой стены занимал портрет Филиппа II, принимающего дары от Нидерландов. Между окон стоял шкафчик черного дерева с инкрустацией из слоновой кости и резьбой, воспроизводившей гольбейновскую Пляску Смерти, которая, говорили, была сделана рукой самого знаменитого мастера.

Но Карлика не слишком занимало все это великолепие. Он не отдал бы своей розы за все жемчуга балдахина, не отдал бы даже одного белого лепестка ее за самый трон. Ему нужно было совсем другое — повидать Инфанту прежде, чем она снова сойдет в павильон, и попросить ее уйти вместе с ним, когда он кончит танец. Здесь, во дворце, воздух тяжелый и спертый, а в лесу дует вольный ветер и солнечный свет играет на трепетных листьях, словно перебирая их золотыми руками. Там, в лесу, есть и цветы, — быть может, не такие пышные, как в дворцовом саду, но зато аромат их нежнее: ранней весной — гиацинты, что заливают багряной волной прохладные доли и холмы, поросшие травой; желтые первоцветы, что гнездятся целыми семьями среди узловатых корней старого дуба; светлый чистотел и голубая вероника, золотые и лиловые ирисы. А на орешнике распускаются серенькие сережки, и наперстянка никнет под тяжестью своих пестрых чашечек, облеплен-

ных пчелами. Копья каштанов покрыты белыми звездочками, и луны боярышника бледны и прекрасны. Да она обязательно уйдет с ним — только бы ему найти ее. Она уйдет с ним в прекрасный лес, и он целыми днями будет плясать для ее удовольствия. При одной мысли об этом глаза его засветились улыбкой, и он перешел в соседнюю комнату.

Из всех комнат эта была самая светлая и самая красивая. Стены ее были обтянуты алой камчой, расшитой птицами и хорошенькими серебряными цветочками; мебель была вся из литого серебра, с фестонами из цветочных гирлянд и раскачивающимися купидонами. Две большие ширмы, на которых были вышиты павлины и попугаи, оттораживали огромные каминь, а пол, из оникса цвета морской воды, казалось, уходил в бесконечность. И в этой комнате Карлик был не один. На другом конце залы, в дверях, стояла какая-то маленькая фигурка и наблюдала за ним. У него забилося сердце; крик радости сорвался с его уст, и он вышел на свет. Одновременно с ним вышла и фигурка, и теперь он ясно мог разглядеть ее.

Инфанта? Как бы не так! Это было чудовище, — самое уморительное чудовище, когда-либо виденное им. Непропорционально сложенное, не так, как все прочие люди, с горбатой спиной, на кривых ногах, с огромной, мотающейся с боку на бок головой и спутанной гривой черных волос. Маленький Карлик нахмурился, и чудовище тоже нахмурилось. Он засмеялся, и оно засмеялось и уперлось руками в бока, копируя его жест. Он отвесил чудовищу насмешливый поклон, и оно ответило ему таким же низким поклоном. Он пошел к нему, и оно пошло ему навстречу, повторяя все его шаги и движения и останавливаясь, когда он останавливался. С криком изумления он устремился вперед, протянул руку, и рука чудовища, холодная как лед, коснулась его руки. Он испугался, отдер-

нул руку, и чудовище поспешило сделать то же. Он начал было наступать на него, но что-то гладкое и твердое загородило ему дорогу. Лицо чудовища было теперь совсем близко от его лица, и в лице этом он прочел ужас. Он отвел рукой волосы, падавшие ему на глаза. Чудовище сделало то же. Он ударил его, и оно отвечало ударом. Он начал его ругать — оно строило ему какие-то гадкие гримасы. Он отшатнулся назад, и оно отшатнулось.

Что же это такое? Карлик задумался на минуту, оглядел комнату. Странно: каждый предмет здесь имеет как будто своего двойника за этой невидимой стеной светлой воды. Здесь картина — и там картина; здесь канапе — и там канапе. Здесь спящий Фавн лежит в алькове у дверей — и там, за стеною, дремлет его двойник; и серебряная Венера, вся залитая солнцем, протягивает руки к другой Венере, такой же прелестной, как она.

Что это?.. Эхо? Однажды в долине он крикнул, и эхо откликнулось, повторило за ним все слова. Может быть, эхо умеет передразнивать и зрение, как оно умеет передразнивать голос. Может быть, оно умеет создать другой мир, совсем как настоящий. Но могут ли тени предметов иметь такие же, как предметы, краски, и жизнь, и движение? Разве могут?..

Он вздрогнул и, взяв со своей груди прелестную белую розу, повернулся и поцеловал ее. У чудовища оказалась в руках такая же роза, точно такая же — лепесток в лепесток. И оно точно так же целовало ее и прижимало к сердцу с безобразными жестами.

Когда истина вдруг открылась ему, он с диким воплем отчаяния кинулся, рыдая, на пол. Так это он сам — такой урод, горбатый, смешной, отвратительный? Это чудовище — он сам; это над ним так смеялись дети, и маленькая Принцесса тоже; он-то воображал, что она любит его, а она просто, как другие, потешалась над его безоб-

разием, над его уродливым телом. Почему не оставили его в лесу, где нет зеркала, которое бы сказало ему, как он уродлив и гадок? Почему отец не убил его, вместо того чтобы продать его на позор? По щекам его струились горячие слезы. Он изорвал в клочки белый цветок; барахтавшееся по полу чудовище сделало то же и разбросало по воздуху лепестки. Оно пресмыкалось на земле, а когда он смотрел на него, оно тоже смотрело на него, и лицо его было искажено страданием. Он отполз подальше, чтоб не видеть его, и закрыл руками глаза. Как раненый зверек, он уполз в тень и лежал, тихо стелая.

В это время через дверь с террасы в комнату вошла Инфанта со своими гостями и увидела безобразного Карлика, который лежал на полу, колотя скрюченными пальцами; это было до того фантастически нелепо, что дети с веселым смехом обступили его — посмотреть, что он такое делает.

— Его пляски были забавны, — сказала Инфанта, — но представляет он еще забавнее. Почти так же хорошо, как марионетки, только, разумеется, не так естественно.

И она обмахивалась своим огромным веером и хлопала в ладоши.

Но маленький Карлик даже не взглянул на нее; его рыдания постепенно стихали. Вдруг он как-то странно подпрыгнул и схватился за бок. Потом упал и вытянулся без движения.

— Это у тебя очень хорошо получилось, — сказала Инфанта, подождав немного, — но теперь ты должен потанцевать для меня.

— Да, да, — закричали все дети, — теперь вставай и танцуй, потому что ты ничуть не хуже барбарийской обезьянки, даже забавнее.

Но маленький Карлик не откликнулся.

Инфанта топнула ножкой и кликнула дядю, который гулял с Камергером по террасе, читая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно учреждена была святая инквизиция.

— Мой смешной маленький Карлик капризничает и не хочет вставать. Поднимите его и велите ему танцевать для меня.

С улыбкой переглянувшись, они вошли в комнату, и Дон Педро нагнулся и потрепал Карлика по щеке своею вышитой перчаткой.

— Изволь плясать, *petit monstre**, изволь плясать. Наследная принцесса Испании и обеих Индий желает, чтоб ее забавляли.

Но маленький Карлик не шевелился.

— Его надо отстегать хорошенько, — устало молвил Дон Педро и опять ушел на террасу.

Но Камергер с озабоченным видом опустил на колени перед маленьким Карликом и приложил руку к его груди. А минуту спустя пожал плечами, поднялся и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

— *Mi bella Princesa*, ваш забавный маленький Карлик никогда больше не будет плясать. Как жаль! Он так безобразен, что, пожалуй, рассмешил бы даже Короля.

— Но почему же он никогда больше не будет плясать? — смеясь, спросила Инфанта.

— Потому что у него разбилось сердце.

Инфанта нахмурилась, и ее прелестные розовые губки сложились в хорошенькую надменную гримаску.

— На будущее время, пожалуйста, чтобы у тех, кто приходит со мною играть, не было сердца! — крикнула она и убежала в сад.

*Уродец (франц.)

РЫБАК И ЕГО ДУША

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и забрасывал в море сети.

Когда ветер был береговой, у Рыбака ничего не ловилось или ловилось, но мало, потому что это злобный ветер, у него черные крылья, и буйные волны вздымаются навстречу ему. Но когда ветер был с моря, рыба поднималась из глубин, сама заплывала в сети, и Рыбак относил ее на рынок и там продавал.

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю, и вот однажды такую тяжелою показалась ему сеть, что трудно было поднять ее в лодку. И Рыбак, усмехаясь, подумал: "Видно, я выловил из моря всю рыбу, или попало мне, на удивление людям, какое-нибудь глупое чудо морское, или моя сеть принесла мне такое страшилище, что великая наша королева пожелает увидеть его".

И, напрягая силы, он налег на грубые канаты, так что длинные вены, точно нити голубой эмали

на бронзовой вазе, означились у него на руках. Он потянул тонкие бечевки, и ближе и ближе большим кольцом подплыли к нему плоские пробки, и сеть наконец поднялась на поверхность воды.

Но не рыба оказалась в сети, не страшилище, не подводное чудо, а маленькая Дева морская, которая крепко спала.

Ее волосы были подобны влажному золотому руну, и каждый отдельный волос был как тонкая нить из золота, опущенная в хрустальный кубок. Ее белое тело было как из слоновой кости, а хвост жемчужно-серебряный. Жемчужно-серебряный был ее хвост, и зеленые водоросли обвивали его. Уши ее были похожи на раковины, а губы — на морские кораллы. Об ее холодные груди бились холодные волны, и на ресницах ее искрилась соль.

Так прекрасна была она, что, увидев ее, исполненный восхищения юный Рыбак потянул к себе сети и, перегнувшись через борт челнока, охватил ее стан руками. Но только он к ней прикоснулся, она вскрикнула, как испугнутая чайка, и пробудилась от сна, и в ужасе взглянула на него аметистово-лиловыми глазами, и стала биться, стараясь вырваться. Но он не отпустил ее и крепко прижал к себе.

Видя, что ей не уйти, заплакала Дева морская.

— Будь милостив, отпусти меня в море, я единственная дочь Морского царя, и стар и одинок мой отец.

Но ответил ей юный Рыбак:

— Я не отпущу тебя, покуда ты не дашь мне обещания, что на первый мой зов ты поднимешься ко мне из глубины и будешь петь для меня свои песни: потому что нравится рыбам пение Обитателей моря, и всегда будут полны мои сети.

— А ты и вправду отпустишь меня, если дам тебе такое обещание? — спросила Дева морская.

— Воистину так, отпущу, — ответил молодой Рыбак.

И она дала ему обещание, которого он пожелал, и подкрепила свое обещание клятвою Обитателей моря, и разомкнул тогда Рыбак свои объятия, и, все еще трепеща от какого-то странного страха, она опустилась на дно.

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и звал к себе Деву морскую. И она поднималась из вод и пела ему свои песни. Вокруг нее резвились дельфины, и дикие чайки летали над ее головой.

И она пела чудесные песни. Она пела о Жителях моря, что из пещеры в пещеру гоняют свои стада и носят детенышей у себя на плечах; о тритонах, зеленобородых, с волосатою грудью, которые трубят в витые раковины во время шествия Морского царя; о царском янтарном чертоге — у него изумрудная крыша, а полы из ясного жемчуга; о подводных садах, где колышутся целыми днями широкие кружевные веера из кораллов, а над ними проносятся рыбы, подобно серебряным птицам; и льнут анемоны к скалам, и розовые пескари гнездятся в желтых бороздках песка. Она пела об огромных китах, приплывающих из северных морей, с колючими сосульками на плавниках; о Сиренах, которые рассказывают такие чудесные сказки, что купцы затыкают себе уши воском, чтобы не броситься в воду и не погибнуть в волнах; о затонувших галерах, у которых длинные мачты, за их снасти ухватились матросы, да так и закорчели навек, а в открытые люки всплывает макрель и свободно выплывает оттуда; о малых ракушках, великих путешественницах: они присасываются к килям кораблей и объезжают весь свет; о каракатицах, живущих на склонах утесов: они простирают свои длинные черные руки, и стоит им захотеть, будет ночь. Она пела о моллюске-наутилусе: у него свой собственный опаловый ботик, управляемый шелко-

вым парусом; и о счастливых Тритонах, которые играют на арфе и чарами могут усыпить самого Осьминога Великого; и о маленьких детях моря, которые поймают черепаху и со смехом катаются на ее скользкой спине; и о Девах морских, что нежатся в белеющей пене и простирают руки к морякам; и о моржах с кривыми клыками, и о морских конях, у которых развевается грива.

И пока она пела, стаи тунцов, чтобы послушать ее, выплывали из морской глубины, и молодой Рыбак ловил их, окружая своими сетями, а иных убивал острогою. Когда же челнок у него наполнялся, Дева морская, улыбнувшись ему, погружалась в море.

И все же она избегала к нему приближаться, чтобы он не коснулся ее. Часто он молил ее и звал, но она не подплывала ближе. Когда же он пытался схватить ее, она ныряла, как ныряют тюлени, и больше в тот день не показывалась. И с каждым днем ее песни все сильнее пленяли его. Так сладостен был ее голос, что Рыбак забывал свой челнок, свои сети, и добыча уже не прельщала его. Мимо него проплывали целыми стаями золотоглазые, с алыми плавниками, тунцы, а он и не замечал их. Праздно лежала у него под рукой острога, и его корзины, сплетенные из ивовых прутьев, оставались пустыми. Полураскрыв уста и с затуманенным от упоения взором неподвижно сидел он в челноке, и слушал, и слушал, пока не подкрадывались к нему туманы морские и блуждающий месяц не пятнал серебром его загорелое тело.

В один их таких вечеров он вызвал ее и сказал:

— Маленькая Дева морская, маленькая Дева морская, я люблю тебя. Будь моей женою, потому что я люблю тебя.

Но Дева морская покачала головой и ответила:

— У тебя чело́вечья душа! Прогони свою душу прочь, и мне можно будет тебя полюбить.

И сказал себе юный Рыбак:

— На что мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она. И вправду: я прогоню ее прочь, и будет мне великая радость.

И он закричал от восторга и, встав в своем расписном челноке, простер руки к Деве морской.

— Я прогоню свою душу, — крикнул он, — и ты будешь моей юной женой, и мужем я буду тебе, и мы поселимся в пучине, и ты покажешь мне все, о чем пела, и я сделаю все, что захочешь, и жизни наши будут навек неразлучны.

И засмеялась от радости Дева морская и закрыла лицо руками.

— Но как же мне прогнать мою душу? — закричал молодой Рыбак. — Научи меня, как это делается, и я выполню все, что ты скажешь.

— Увы! Я сама не знаю! — ответила Дева морская. — У нас, Обитателей моря, никогда не бывало души.

И, горестно взглянув на него, она погрузилась в пучину.

На следующий день рано утром, едва солнце поднялось над холмом на высоту ладони, юный Рыбак подошел к дому Священника и трижды постучался в его дверь.

Послушник взглянул через решетку окна, и когда увидал, кто пришел, отодвинул засов и сказал:

— Войди!

И юный Рыбак вошел и преклонил колени на душистые тростники, покрывавшие пол, и обратился к Священнику, читавшему библию, и сказал ему громко:

— Отец, я полюбил Деву морскую, но между мною и ею встала моя душа. Научи, как избавиться мне от души, ибо поистине она мне не надобна. К чему мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

Но Священник ударил себя в грудь и ответил:

— Горе! Горе тебе, ты лишился рассудка. Или ты отравлен ядовитыми травами? Душа есть самое святое в человеке и дарована нам господом богом, чтобы мы достойно владели ею. Нет ничего драгоценнее, чем душа человеческая, и никакие блага земные не могут сравняться с нею. Она стоит всего золота на свете и ценнее царских рубинов. Поэтому, сын мой, забудь свои помыслы, ибо это неискупаемый грех. А Обитатели моря прокляты, и прокляты все, кто вздумает с ними знаться. Они, как дикие звери, не знают, где добро и где зло, и не за них умирал Искупитель.

Выслушав жестокое слово Священника, юный Рыбак разрыдался и, поднявшись с колен, сказал:

— Отец, Фавны обитают в чаще леса, — и счастливы! — и на скалах сидят Тритоны с арфами из червонного золота. Позволь мне быть таким, как они, — умоляю тебя! — ибо жизнь их как жизнь цветов. А к чему мне моя душа, если встала она между мною и той, кого я люблю?

— Мерзостна плотская любовь! — нахмурив брови, воскликнул Священник. — И мерзостны и пагубны те твари языческие, которым господь попустил блуждать по своей земле. Да будут прокляты Фавны лесные, и да будут прокляты эти морские певцы! Я сам их слышал по ночам, они тщились меня обольстить и отторгнуть меня от моих молитвенных четок. Они стучатся ко мне в окно и хохочут. Они нашептывают мне в уши слова о своих погибельных радостях. Они искушают меня искушениями, и, когда я хочу молиться, они корчат мне рожи. Они погибшие, говорю я тебе, и воистину им никогда не спастись. Для них нет ни рая, ни ада, и ни в раю, ни в аду им не будет дано славословить имя господне.

— Отец! — вскричал юный Рыбак. — Ты не знаешь, о чем говоришь. В сети мои уловил я недавно Морскую царевну. Она прекраснее, чем утренняя

звезда, она белее, чем месяц. За ее тело я отдал бы душу и за ее любовь откажусь от вечного блаженства в раю. Открой же мне то, о чем я тебя молю, и отпусти меня с миром.

— Прочь! — закричал Священник. — Та, кого ты любишь, отвергнута богом, и ты будешь вместе с нею отвергнут.

И не дал ему благословения, и прогнал от порога своего.

И пошел молодой Рыбак на торговую площадь, и медленна была его поступь, и голова была опущена на грудь, как у того, кто печален.

И увидели его купцы и стали меж собою шептаться, и один из них вышел навстречу и, окликнув его, спросил:

— Что ты принес продавать?

— Я продам тебе душу, — ответил Рыбак. — Будь добр, купи ее, ибо она мне в тягость. К чему мне душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

Но купцы посмеялись над ним.

— На что нам душа человеческая? Она не стоит ломаного гроша. Продай нам в рабство тело твое, и ты будешь любимым рабом королевы. Но не говори о душе, ибо для нас она ничто и не имеет цены.

И сказал себе юный Рыбак:

— Как это все удивительно! Священник убеждает меня, что душа ценнее, чем все золото в мире, а вот купцы говорят, что она не стоит и гроша.

И он покинул торговую площадь, и спустился на берег моря, и стал размышлять о том, как ему надлежит поступить.

К полудню он вспомнил, что один его товарищ, собиратель морского укропа, рассказывал ему о некоей искусной в делах колдовства юной Ведьме, живущей в пещере у входа в залив. Он тотчас

вскочил и пустился бежать, так ему хотелось поскорее избавиться от своей души, и облако пыли бежало за ним по песчаному берегу. Юная Ведьма узнала о его приближении, потому что у нее почесалась ладонь, и с хохотом распустила свои рыжие волосы. И, распустив свои рыжие волосы, окружившие все ее тело, она встала у входа в пещеру, и в руке у нее была цветущая ветка дикой цикуты.

— Чего тебе надо? Чего тебе надо? — закричала она, когда, изнемогая от бега, он взобрался вверх и упал перед ней. — Не нужна ли сетям твоим рыба, когда буйствует яростный ветер? Есть у меня камышовая дудочка, и, стоит мне дунуть в нее, головли заплывают в залив. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Не надобен ли тебе ураган, который разбил бы суда и выбросил бы на берег сундуки с богатым добром? Мне подвластно больше ураганов, чем ветру, ибо я служу тому, кто сильнее, чем ветер, и одним только ситом и ведерком воды я могу отправить в пучину морскую самые большие галеры. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Я знаю цветок, что растет в долине. Никто не знает его, одна только я. У него пурпурные лепестки, и в его сердце звезда, и молочно-бел его сок. Прикоснись этим цветком к непреклонным устам королевы, и на край света пойдет за тобою она. Она покинет ложе короля и на край света пойдет за тобой. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Я в ступе могу истолочь жабу, и сварю из нее чудесное снадобье, и рукою покойника помешаю его. И когда твой недруг заснет, брызни в него этим снадобьем, и обратится он в черную ехидну, и родная мать раздавит его. Моим колесом я могу свести с неба Луну и в кристалле покажу тебе Смерть. Чего тебе надо? Чего тебе на-

до? Открой мне твое желание, и я исполню его, и ты заплатишь мне, мой хорошенький мальчик, ты заплатишь мне красную цену.

— Невелико мое желание, — ответил юный Рыбак, — но Священник разгневался на меня и прогнал меня прочь. Малого я желаю, но купцы осмеяли меня и отвергли меня. Затем и пришел я к тебе, хоть люди и зовут тебя злою. И какую цену ты ни спросишь, я заплачу тебе.

— Чего же ты хочешь? — спросила Ведьма и подошла к нему ближе.

— Избавиться от своей души, — сказал он.

Ведьма побледнела, и стала дрожать, и прикрыла лицо синим плащом.

— Хорошенький мальчик, мой хорошенький мальчик, — пробормотала она, — страшного же ты захотел!

Он тряхнул своими темными кудрями и засмеялся в ответ.

— Я отлично обойдусь без души. Ведь мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

— Что же ты дашь мне, если я научу тебя? — спросила Ведьма, глядя на него сверху вниз прекрасными своими глазами.

— Я дам тебе пять золотых, и мои сети, и расписной мой челнок, и тростниковую хижину, в которой живу. Только скажи мне скорее, как избавиться мне от души, и я дам тебе все, что имею.

Ведьма захохотала насмешливо и ударила его веткой цикуты.

— Я умею обращать в золото осенние листья, лунные лучи могу превратить в серебро. Всех земных царей богаче тот, кому я служу, и ему подвластны их царства.

— Что же я дам тебе, если тебе не нужно ни золота, ни серебра?

Ведьма погладила его голову тонкой и белой рукой.

— Ты должен сплясать со мною, мой хорошенький мальчик, — тихо прошептала она и улыбнулась ему.

— Только и всего? — воскликнул юный Рыбак в изумлении и тотчас вскочил на ноги.

— Только и всего, — ответила она и снова улыбнулась ему.

— Тогда на закате солнца, где-нибудь в укромном местечке, мы спляшем с тобою вдвоем, — сказал он, — и сейчас же, чуть кончится пляска, ты откроешь мне то, что я жажду узнать.

Она покачала головою.

— В полнолуние, в полнолуние, — прошептала она.

Потом она оглянулась вокруг и прислушалась. Какая-то синяя птица с диким криком взвилась из гнезда и закружила над дюнами, и три пестрые птицы зашуршали в серой и жесткой траве и стали меж собою пересвистываться. И больше не было слышно ни звука, только волны плескались внизу, перекатывая у берега гладкие камешки. Ведьма протянула руку и привлекла своего гостя к себе и в самое ухо шепнула ему сухими губами:

— Нынче ночью ты должен прийти на вершину горы. Нынче Шабаш, и Он будет там.

Вздрогнул юный Рыбак, поглядел на нее, она оскалила белые зубы и засмеялась опять.

— Кто это Он, о ком говоришь ты? — спросил у нее Рыбак.

— Не все ли равно? Приходи туда нынче ночью и встань под ветвями белого граба и жди меня. Если набросится на тебя черный пес, ударь его ивовой палкой, — и он убежит от тебя. И если скажет тебе что-нибудь филин, не отвечай ему. В полнолуние я приду к тебе, и мы пропляшем вдвоем на траве.

— Но можешь ли ты мне поклясться, что тогда ты научишь меня, как избавиться мне от души?

Она вышла из пещеры на солнечный свет, и рыжие ее волосы заструились под ветром.

— Клянусь тебе копытами козла! — ответила она.

— Ты самая лучшая ведьма! — закричал молодой Рыбак. — И, конечно, я приду и буду с тобой танцевать нынче ночью на вершине горы. Поистине я предпочел бы, чтобы ты спросила с меня серебра или золота. Но если такова твоя цена, ты получишь ее, ибо она не велика.

И, сняв шапку, он низко поклонился колдунье и, исполненный великою радостью, побежал по дороге в город.

А Ведьма не спускала с него глаз, и когда он скрылся из вида, она вернулась в пещеру и, вынув зеркало из резного кедрового ларчика, поставила его на подставку и начала жечь перед зеркалом на горящих углях вербену и вглядываться в клубящийся дым.

Потом в бешенстве стиснула руки.

— Он должен быть моим, — прошептала она. — Я так же хороша, как и та.

Едва только показалась луна, взобрался юный Рыбак на вершину горы и стал под ветвями граба. Словно металлический полированный щит, лежало у ног его округлое море, и тени рыбачьих лодок скользили вдали по заливу. Филин, огромный, с желтыми глазами, окликнул его по имени, но он ничего не ответил. Черный рычащий пес набросился на него; Рыбак ударил его ивовой палкой, и, взвизгнув, пес убежал.

К полночи, как летучие мыши, стали слетаться ведьмы.

— Фью! — кричали они, чуть только спускались на землю. — Здесь кто-то чужой, мы не знаем его!

И они нюхали воздух, перешептывались и делали какие-то знаки. Молодая Ведьма явилась сюда последней, и рыжие волосы ее струились по ветру.

На ней было платье из золотой парчи, расшитое павлиньими глазками, и маленькая шапочка из зеленого бархата.

— Где он? Где он? — заголосили ведьмы, когда увидели ее, но она только засмеялась в ответ, и подбежала к белому грабу, и схватила Рыбака за руку, и вывела его на лунный свет, и принялась танцевать.

Они оба кружились вихрем, и так высоко прыгала Ведьма, что были ему видны красные каблучки ее башмаков. Вдруг до слуха танцующих донесся топот коня, но коня не было видно нигде, и Рыбак почувствовал страх.

— Быстрее! — кричала Ведьма и, обхватив его шею руками, жарко дышала в лицо. — Быстрее! Быстрее! — кричала она, и, казалось, земля завертелась у него под ногами, в голове у него помутилось, и великий ужас напал на него, будто под взором какого-то злобного дьявола, и наконец он заметил, что под сенью утеса скрывается кто-то, кого раньше там не было.

То был человек, одетый в бархатный черный испанский костюм. Лицо у него было до странности бледно, но уста его были похожи на алый цветок. Он казался усталым и стоял, прислонившись к утесу, небрежно играя рукоятью кинжала. Невдалеке на траве виднелась его шляпа с пером и перчатки для верховой езды. Они были оторочены золотыми кружевами, и мелким жемчугом был вышит на них какой-то невиданный герб. Короткий плащ, обшитый соболями, свешивался с его плеча, а его холеные белые руки были украшены перстнями; тяжелые веки скрывали его глаза.

Как замороженный, смотрел на него юный Рыбак. Наконец их глаза встретились, и потом, где бы юный Рыбак ни плясал, ему чудилось, что взгляд незнакомца неотступно следит за ним. Он слышал, как Ведьма засмеялась, и обхватил ее стан, и завертел в неистовой пляске.

Вдруг в лесу залаяла собака; танцующие остановились, и пара за парой пошли к незнакомцу, и, преклоняя колена, припадали к его руке. При этом на его гордых губах заиграла легкая улыбка, как играет вода от трепета птичьих крыльев. Но было в той улыбке презрение. И он продолжал смотреть только на молодого Рыбака.

— Пойдем же, поклонимся ему! — шепнула Ведьма и повела его вверх, и сильное желание сделать именно то, о чем говорила она, охватило его всего, и он пошел вслед за нею. Но когда он подошел к тому человеку, он внезапно, не зная и сам почему, осенил себя крестным знамением и призвал имя господне.

И тотчас же ведьмы, закричав, словно ястребы, улетели куда-то, а бледное лицо, что следило за ним, передернулось судорогой боли. Человек отошел к роще и свистнул. Испанский жеребец в серебряной сбруе выбежал навстречу ему. Человек вскочил на коня, оглянулся и грустно посмотрел на юного Рыбака.

И рыжеволосая Ведьма попыталась улететь вместе с ним, но юный Рыбак схватил ее за руки и крепко держал.

— Отпусти меня, дай мне уйти! — взмолилась она. — Ибо ты назвал такое имя, которое не подобает называть, и сделал такое знамение, на которое не подобает смотреть.

— Нет, — ответил он ей, — не пущу я тебя, покуда не откроешь мне тайну.

— Какую тайну? — спросила она, вырываясь от него, словно дикая кошка, и кусая запененные губы.

— Ты знаешь сама, — сказал он.

Ее глаза, зеленые, как полевая трава, вдруг замутились слезами, и она сказала в ответ:

— Что хочешь проси, но не это!

Он засмеялся и сжал ее крепче.

И, увидев, что ей не вырваться, она прошептала ему:

— Я так же пригожа, как дочери моря, я так же хороша, как и те, что живут в голубых волнах, — и она стала ласкаться к нему и приблизила к нему свое лицо.

Но он нахмурился, оттолкнул ее и сказал:

— Если не исполнишь своего обещания, я убью тебя, Ведьма-обманщица.

Лицо у нее сделалось серым, как цветок иудина дерева, и, вздрогнув, она тихо ответила:

— Будь по-твоему. Душа не моя, а твоя. Делай с нею что хочешь.

И она вынула из-за пояса маленький нож и подала ему. Рукоятка у ножа была обтянута зеленой змеиной кожей.

— Для чего он мне надобен? — спросил удивленный Рыбак.

Она помолчала недолго, и ужас искажил ее лицо. Потом она откинула с чела свои рыжие волосы и, странно улыбаясь, сказала:

— То, что люди называют своей тенью, не тень их тела, а тело их души. Выйди на берег моря, стань спиною к луне и отрежь у самых своих ног свою тень, это тело твоей души, и повели ей покинуть тебя, и она исполнит твое повеление.

Молодой Рыбак задрожал.

— Это правда? — прошептал он.

— Истинная правда, и лучше б я не открывала ее, — воскликнула Ведьма, рыдая и цепляясь за его колени.

Он отстранил ее, и там она осталась, в буйных травах, и, дойдя до склона горы, он сунул этот нож за пояс и, хватаясь за выступы, начал быстро спускаться вниз.

И бывшая в нем Душа воззвала к нему и сказала:

— Слушай! Все эти годы жила я с тобою и верно служила тебе. Не гони же меня теперь. Какое зло я причинила тебе?

Но юный Рыбак засмеялся.

— Зла я от тебя не видел, но ты мне не надобна. Мир велик, и есть еще Рай, есть и Ад, есть и сум-

рачная серая-обитель, которая между Раем и Адом. Иди же, куда хочешь, отстань, моя милая давно уже кличет меня.

Душа жалобно молила его, но он даже не слушал ее. Он уверенно, как дикий козел, прыгал вниз со скалы на скалу; наконец он спустился к желтому берегу моря.

Стройный, весь как из бронзы, словно статуя, изваянная эллином, он стоял на песке, повернувшись спиною к луне, а из пены уже простирались к нему белые руки, и вставали из волн какие-то смутные призраки, и слышался их неясный привет.

Прямо перед ним лежала его тень, тело его Души, а там, позади, висела луна в воздухе, золотистом, как мед.

И Душа сказала ему:

— Если и вправду ты должен прогнать меня прочь от себя, дай мне с собой твое сердце. Мир жесток, и без сердца я не хочу уходить.

Он улыбнулся и покачал головой.

— А чем же я буду любить мою милую, если отдам тебе сердце?

— Будь добр, — молила Душа, — дай мне с собой твое сердце: мир очень жесток, и мне страшно.

— Мое сердце отдано милой! — ответил Рыбак.

— Не мешкай же и уходи поскорее.

— Разве я не любила бы вместе с тобою? — спросила его Душа.

— Уходи, тебя мне не надобно! — крикнул юный Рыбак и, выхватив маленький нож с зеленою рукояткой из змеиной кожи, отрезал свою тень у самых ног, и она поднялась, и предстала пред ним, точно такая, как он, и взглянула ему в глаза.

Он отпрянул назад, заткнул за пояс нож, и чувство ужаса охватило его.

— Ступай, — прошептал он, — и не показывайся мне на глаза!

— Нет, мы снова должны встретиться! — сказала Душа.

Негромкий ее голос был, как флейта, и губы ее чуть шевелились.

— Но как же мы встретимся? Где? Ведь не пойдешь ты за мной в морские глубины! — воскликнул юный Рыбак.

— Каждый год я буду являться на это самое место и призывать тебя, — ответила Душа. — Кто знает, ведь может случиться, что я понадобится тебе.

— Ну зачем ты мне будешь нужна? — воскликнул юный Рыбак. — Но все равно, будь потвоему!

И он бросился в воду, и Тритоны затрубили в свои раковины, а маленькая Дева морская выплыла навстречу ему, обвила его шею руками и поцеловала в самые губы

А Душа стояла на пустынном побережье, смотрела на них и, когда они скрылись в волнах, рыдая, побрела по болотам.

. ***

И когда миновал первый год, Душа сошла на берег моря и стала звать юного Рыбака, и он поднялся из пучины и спросил:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

И сказала ему Душа:

— Когда я покинула тебя, я повернулась лицом к Востоку и отправилась в дальний путь. С Востока приходит все мудрое. Шесть дней была я в пути, и наутро седьмого дня я подошла к холму, что находится в землях Татарии. Чтобы укрыться от сол-

Счастливый принц

Счастливый принц

Счастливый принц

Соловей и роза

Соловей и роза

Великан-эгоист

Замечательная ракета

День рождения Инфанта

нца, я уселась в тени тамариска. Почва была сухая и выжжена зноем. Как ползают мухи по медному гладкому диску, так двигались люди по этой равнине.

В полдень багряное облако пыли поднялось от ровного края земли. Когда жители Татарии увидали его, они натянули расписные свои луки, вскочили на приземистых коней и галопом поскакали навстречу. Женщины с визгом побежали к кибиткам и спрятались за висящими войлоками.

В сумерки татары вернулись, но пятерых не хватало, а из вернувшихся немало было раненых. Они впрягли своих коней в кибитки и торопливо снялись с места. Три шакала вышли из пещеры и посмотрели им вслед. Потом они понюхали воздух и рысью побежали в обратную сторону.

Когда же взошла луна, я увидела на равнине костер и пошла прямо на него. Вокруг костра на коврах сидели какие-то купцы. Их верблюды были привязаны позади, а негры-прислужники разбивали палатки из дубленой кожи на песке и воздвигали высокую изгородь из колючего кактуса.

Когда я приблизилась к ним, их предводитель поднялся и, обнажив меч, спросил, что мне надо.

Я ответила, что была у себя на родине Принцем и что теперь я бегу от Татар, которые хотели обратить меня в рабство. Предводитель усмехнулся и показал мне пять человеческих голов, насаженных на длинные бамбуковые шесты.

Потом он спросил меня, кто был пророк бога на земле, и я ответила: Магомет.

Услышавши имя лжепророка, он склонил голову и взял меня за руку и посадил рядом с собою. Негр принес мне кумысу в деревянной чашке и кусок жареной баранины.

На рассвете мы двинулись в путь. Я ехала на рыжем верблюде рядом с предводителем отряда, а перед нами бежал скороход, и в руке у него было копье. Воины были и справа и слева, а сзади следо-

вали мулы, нагруженные разными товарами. Верблюдов в караване было сорок, а мулов было дважды столько.

Мы прошли из страны Татариин к тем, которые проклинают Луну. Мы видели Грифов, стерегущих свое золото в белых скалах, мы видели чешуйчатых Драконов, которые спали в пещерах. Когда мы проходили через горные кряжи, мы боялисьдохнуть, чтобы снеговые лавины не сверглись на нас, и каждый повязал глаза легкой вуалью из газа. Когда мы проходили по долинам, в нас метали стрелы Пигмеи, таившиеся в дупле деревьев, а по ночам мы слышали, как дикие люди били в свои барабаны. Подойдя к Башне Обезьян, мы положили пред ними плоды, и они не тронули нас. Когда же мы подошли к Башне Змей, мы дали им теплого молока в медных чашах, и они пропустили нас. Трижды во время пути выходили мы на берег Окса. Мы переплывали его на деревянных плотах с большими мехами из воловьих шкур, надутых воздухом. Бегемоты яростно бросались на нас и хотели нас растерзать. Верблюды дрожали, когда видели их.

Цари каждого города взимали с нас пошлину, но не впускали в городские ворота. Они бросали нам еду из-за стен, — медовые оладьи из маиса и пирожки из мельчайшей муки, начиненные финиками. За каждую сотню корзин мы давали им по янтарному шарикy.

Когда обитатели сел видели, что мы приближаемся, они отравляли колодцы и убегали на вершины холмов.

Мы должны были сражаться с Магадаями, которые рождаются старыми и, что ни год, становятся моложе и умирают младенцами; мы сражались с Лактроями, которые считают себя порождением тигров и раскрашивают себя черными и желтыми полосами. Мы сражались с Аурантами, которые хоронят своих мертвецов на вершинах деревьев, а

сами прячутся в темных пещерах, чтобы Солнце, которое считается у них божеством, не убило их; и с Кримнийцами, которые поклоняются крокодилу и приносят ему в дар серьги из зеленой травы и кормят его маслом и молодыми цыплятами; и с Агазонбаями, у коих песьи морды; и с Сибанами на лошадиных ногах, более быстрых, чем ноги коней. Треть нашего отряда погибла в битвах и треть нашего отряда погибла от лишений. Прочие роптали на меня и говорили, что я принесла им несчастье. Я взяла из-под камня рогатую ехидну и дала ей ужалить меня. Увидев, что я невредима, они испугались.

На четвертый месяц мы достигли города Иллель. Была ночь, когда мы приблизились к роще за городскими стенами, и воздух был душный, ибо Луна находилась в созвездии Скорпиона.

Мы срывали спелые гранаты с деревьев, и разламывали их, и пили их сладкий сок. Потом мы легли на ковры и дожидались рассвета.

И на рассвете мы встали и постучались в городские ворота. Из кованой красной меди были эти городские ворота, и на них были морские драконы, а также драконы крылатые. Стража, наблюдавшая с бойниц, спросила, чего нам надо. Толмач каравана ответил, что мы с острова Сирии пришли сюда с богатыми товарами. Они взяли у нас заложников и сказали, что в полдень откроют ворота, и велели ждать до полудня.

В полдень они открыли ворота, и люди толпами выбегали из домов, чтобы поглядеть на пришельцев, и глашатай помчался по улицам города, крича в раковину о нашем прибытии. Мы остановились на базаре, и едва только негры развязали тюки узорчатых тканей и раскрыли резные ларцы из смоковницы, купцы выставили напоказ свои диковинные товары: навощенные льняные ткани из Египта, крашеное полотно из земли Эфиопов, пурпурные губки из Тира, синие стеклянные сосуды и

еще сосуды из обожженной глины, очень причудливой формы. С кровли какого-то дома женщины смотрели на нас. У одной на лице была маска из позолоченной кожи.

И в первый день пришли к нам жрецы и выменивали наши товары. Во второй день пришли знатные граждане. В третий день пришли ремесленники и рабы. Таков их обычай со всеми купцами, пока те пребывают в их городе.

И в течение одной луны мы оставались там, и когда луна пошла на убыль, торговля наскучила мне, и я стала скитаться по улицам города и приблизилась к тому саду, который был садом их бога. Жрецы, одетые в желтое, безмолвно двигались меж зеленью деревьев, и на черных мраморных плитах стоял красный, как роза, дворец, в котором и жил этот бог. Двери храма были покрыты глазурью, и их украшали блестящие золотые барельефы, изображавшие быков и павлинов. Изразцовая крыша была сделана из фарфора цвета морской воды, и по ее краям висели целые гирлянды колокольчиков. Белые голуби, пролетая, задевали колокольчики крыльями, и колокольчики от трепета крыльев звенели.

Перед храмом был бассейн прозрачной воды, выложенный испещренным прожилками ониксом. Я легла у бассейна и бледными пальцами трогала широкие листья. Один из жрецов подошел ко мне и стал у меня за спиною. На ногах у него были сандалии, одна из мягкой змеиной кожи, другая из птичьих перьев. На голове у него была войлочная черная митра, украшенная серебряными полумесяцами. Семь узоров желтого цвета были вытканы на его одеянии, и сурью были выкрашены его курчавые волосы.

Помолчав, он обратился ко мне и спросил, что мне угодно.

Я сказала, что мне угодно видеть бога.

— Бог на охоте, — ответил жрец, как-то странно глядя на меня узкими косыми глазами.

— Скажи мне, в каком он лесу, и я буду охотиться с ним.

Он расправил мягкую бахрому своей туники длинными и острыми ногтями.

— Бог спит!

— Скажи, на каком он ложе, и я буду охранять его сон.

— Бог за столом, он пирует.

— Если вино его сладко, я буду пить вместе с ним; а если вино его горько, я также буду пить вместе с ним.

Он склонил в изумлении голову и, взяв меня за руку, помог мне подняться и ввел меня в храм.

И в первом покое я увидела идола, сидевшего на яшмовом троне, окаймленном крупными жемчугами Востока. Идол был из черного дерева, и рост его был рост человека. На челе у него был рубин, и густое масло струилось с его волос на бедре. Его ноги были красны от крови только что убитого козленка, а чресла его были опоясаны медным поясом с семью бериллами.

И я сказала жрецу:

— Это бог?

И он ответил:

— Это бог.

— Покажи мне бога! — крикнула я. — Или ты будешь убит!

И я коснулась его руки, и рука у него отсохла.

И взмолился жрец, говоря:

— Пусть повелитель исцелит раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на руку жреца, и снова она стала живою, и он задрожал и ввел меня в соседний покой, и я увидела идола, стоявшего на нефритовом лотосе, который был украшен изумрудами. Он был выточен из слоновой кости, и рост его был как два человеческих роста. На челе у него был хризолит, а грудь его была умащена корицей и миррой. В одной руке у него был извилистый

нефритовый жезл, а в другой хрустальная держава. Его обувь были котурны из меди, а тучную шею обвивало селенитовое ожерелье.

И я сказала жрецу:

— Это бог?

И он ответил:

— Это бог.

— Покажи мне бога! — крикнула я. — Или ты будешь убит!

И я тронула рукой его веки, и глаза его тотчас ослепли.

И взмолился жрец:

— Пусть исцелит повелитель раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на его ослепшие очи, и они опять стали зрячими, и, весь дрожа, он ввел меня в третий покой, и там не было идола, не было никаких кумиров, а было только круглое металлическое зеркало, стоящее на каменном жертвеннике.

И я сказала жрецу:

— Где же бог?

И он ответил:

— Нет никакого бога, кроме зеркала, которое ты видишь перед собой, ибо это Зеркало Мудрости. И в нем отражается все, что в небе и что на земле. Только лицо смотрящегося в него не отражается в нем. Оно не отражается в нем, чтобы смотрящийся в него стал мудрецом. Много есть всяких зеркал, но те зеркала отражают лишь Мысли глядящего в них. Только это зеркало — Зеркало Мудрости. Кто обладает этим Зеркалом Мудрости, тому ведомо все на земле, и ничто от него не скрыто. Кто не обладает этим зеркалом, тот не обладает и Мудростью. Посему это зеркало и есть бог, которому мы поклоняемся.

И я посмотрела в зеркало, и все было так, как говорил мне жрец.

И я совершила необычайный поступок, но что я совершила — не важно, и вот в долине, на рассто-

янии дня пути, спрягала я Зеркало Мудрости. Позволь мне снова войти в тебя и быть твоей рабою, — ты будешь мудрее всех мудрых, и вся Мудрость будет твоя. Позволь мне снова войти в тебя, и никакой мудрец не сравнится с тобою.

Но юный Рыбак засмеялся.

— Любовь лучше Мудрости, — вскричал он, — а маленькая Дева морская любит меня.

— Нет, Мудрость превыше всего, — сказала ему Душа.

— Любовь выше ее! — ответил Рыбак и погрузился в пучину, а Душа, рыдая, побрела по болотам.

И по прошествии второго года Душа снова пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из глубины и сказал:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

И Душа сказала ему:

— Когда я покинула тебя, я обратилась к Югу и отправилась в дальний путь. С Юга приходит все, что на свете есть драгоценного. Шесть дней я была в пути, шла по большим дорогам, ведущим к городу Аштер, по красным, пыльным дорогам, по которым бредут паломники, и наутро седьмого дня я подняла свои взоры, и вот — у ног моих распростерся город, ибо этот город в долине.

У города девять ворот, и у каждого ворот стоит бронзовый конь, и кони эти ржут, когда Бедуины

спускаются с гор. Стены города обиты красной медью, и башни на этих стенах покрыты бронзой. В каждой башне стоит стрелок, и в руках у каждого лук. При восходе солнца каждый пускает стрелу в гонг, а на закате трубит в рог.

Когда я пыталась проникнуть в город, стража задержала меня и спросила, кто я. Я ответила, что я Дервиш и теперь направляюсь в Мекку, где находится зеленое покрывало, на котором ангелы вышили серебром коран. И стража исполнилась удивления и просила меня войти в город.

Город был подобен базару. Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. В узких улицах веселые бумажные фонарики колышутся, как большие бабочки. Когда ветер проносится по кровлям, фонарики качаются под ветром, словно разноцветные пузыри. У входа в лавчонки на шелковых ковриках восседают купцы. У них прямые черные бороды, чалмы их усыпаны золотыми цехинами, и длинные нити янтарных четок и точеных персиковых косточек скользят в их холодных пальцах. Иные торгуют гилбаном, и нардом, и какими-то неизвестными духами с островов Индийского моря, и густым маслом из красных роз, из мирры и мелкой гвоздики. Если кто-нибудь остановится и вступит с ними в беседу, они бросают на жаровню щепотки ладана, и воздух становится сладостным. Я видела сирийца, который держал в руке прут, тонкий, подобный тростинке. Серые нити дыма выходили из этого прута, и его запах, пока он горел, был как запах розового миндаля по весне. Иные продают серебряные браслеты, усеянные млечно-голубой бирюзой, и запястья из медной проволоки, окаймленные мелким жемчугом, и тигровые когти и когти диких кошек-леопардов, оправленные в золото, и серьги из просверленных изумрудов, и кольца из выдолбленного нефрита. Из чайных слышатся звуки гитары, и бледнолицые курильщики опия с улыбкой глядят на прохожих.

Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. С большими черными бурдюками на спинах протискиваются там сквозь толпу продавцы вина. Чаще всего торгуют они сладким, как мед, вином Ширази. Они подают его в маленьких металлических чашах и сыпят туда лепестки роз. На базаре стоят продавцы и продают все плоды, какие есть на свете: спелые фиги с пурпурной мякотью; дыни, пахнущие мускусом и желтые, как топазы; померанцы и розовые яблоки, и гроздья белого винограда; круглые красно-золотые апельсины и продолговатые зелено-золотые лимоны. Однажды я видела слона, проходящего мимо. Его хобот был расписан шафраном и киноварью, и на ушах у него была сетка из шелковых алых шнурков. Он остановился у одного шалаша и стал пожирать апельсины, а торговец только смеялся. Ты и представить себе не можешь, какой это странный народ. Когда у них радость, они идут к торгующим птицами, покупают птицу, заключенную в клетку, и выпускают на волю, дабы умножить веселье; а когда у них горе, они бичуют себя терновником, чтобы скорбь их не стала слабее.

Однажды вечером мне навстречу попались какие-то негры; они несли по базару тяжелый паланкин. Он был весь из позолоченного бамбука, ручки у него были красные, покрытые глазурью и украшенные медными павлинами. На окнах висели тонкие муслиновые занавески, расшитые крыльями жуков и усеянные мельчайшими жемчужинками, а когда паланкин поравнялся со мною, оттуда выглянула бледнолицая черкешенка и улыбнулась мне. Я последовала за паланкином. Негры ускорили шаг и сердито посмотрели на меня. Но я пренебрегла их угрозами. Великое любопытство охватило меня.

Наконец они остановились у четырехугольного белого дома. В этом доме не было окон, только маленькая дверь, словно дверь, ведущая в гробницу. Негры опустили паланкин на землю и медным мо-

лотком постучали три раза. Армянин в зеленом сафьяновом кафтане выглянул через решетку дверного окошечка и, увидев их, отпер дверь, разостлал на земле ковер, и женщина покинула носилки. У входа в дом она оглянулась и снова послала мне улыбку. Я никогда еще не видала такого бледного лица.

Когда на небе показалась луна, я снова пришла на то место и стала искать тот дом, но его уже не было там. Тогда я догадалась, кто была эта женщина и почему она мне улыбнулась.

Воистину жаль, что тебя не было вместе со мною. На празднике Новолуния юный Султан выезжал из дворца и следовал в мечеть для молитвы. Его борода и волосы были окрашены листьями розы, а щеки были напудрены мелким золотым порошком. Его ладони и ступни его ног были желты от шафрана.

На восходе солнца он вышел из своего дворца в серебряной одежде, а на закате вернулся в одежде из золота. Люди падали ниц перед ним и скрывали свое лицо, но я не упала ниц. Я стояла у лотка торговца финиками и ждала. Когда Султан увидел меня, он поднял свои крашенные брови и остановился. Но я стояла спокойно и не поклонилась ему. Люди удивлялись моей дерзости и советовали скрыться из города. Я пренебрегла их советами и пошла и села рядом с продавцами чужеземных богов; этих людей презирают, так как презирают их промысел. Когда я рассказала им о том, что я сделала, каждый подарил мне одного из богов и умолял удалиться.

В ту же ночь, едва я простерлась на ложе в чайном домике, что на улице Гранатов, вошли телохранители Султана и повели меня во дворец. Они замыкали за мною каждую дверь и вешали на нее железную цепь. Внутри был обширный двор, весь окруженный аркадами. Стены были алебастровые, белые, с зелеными и голубыми изразцами, колонны были из зеленого мрамора, а мраморные плиты

под ногою были такого же цвета, как лепестки персикового дерева. Подобного я не видала никогда.

Пока я проходила этот двор, две женщины, лица которых были закрыты чадрами, посмотрели на меня с балкона и послали мне вслед проклятие. Теплохранители ускорили шаг, и их копыта забрякали по гладкому полу. Наконец они открыли ворота, выточенные из слоновой кости, и я очутилась в саду, расположенном на семи террасах. Сад был обильно орошаем водой. В нем были посажены тюльпаны, ночные красавицы и серебристый алоэ. Как тонкая хрустальная тростинка, повисла во мгlistом воздухе струйка фонтана. И кипарисы стояли, точно догоревшие факелы. На ветвях одного кипариса распевал соловей.

В конце сада была небольшая беседка. Когда мы приблизились к ней, навстречу нам вышли два евнуха. Их тучные тела колыхались, и они с любопытством оглядели меня из-под желтых век. Один из них отвел начальника стражи в сторону и тихим голосом шепнул ему что-то. Другой продолжал все время жевать какие-то душистые лепешки, которые жеманным движением руки доставал из эмаливой овальной коробочки лилового цвета.

Через несколько минут начальник стражи велел солдатам уйти. Они пошли обратно во дворец, за ними медленно последовали евнухи, срывая по пути с деревьев сладкие тутовые ягоды. Тот евнух, который постарше, глянул на меня и улыбнулся зловещей улыбкой.

Затем начальник стражи подвел меня к самому входу в беседку. Я бестрепетно шагала за ним и, отдернув тяжелый полог, вошла.

Юный Султан возлежал на крашенных львиных шкурах, на руке у него сидел сокол. За спиной Султана стоял нубиец в украшенном медью тюрбане, обнаженный до пояса и с грузными серьгами в проколотых ушах. Тяжелая кривая сабля лежала на столе у ложа.

Султан нахмурился, увидев меня, и сказал:

— Кто ты такой? Скажи свое имя. Или тебе неизвестно, что я — властелин этого города?

Но я ничего не ответила.

Султан указал на кривую саблю, и нубиец схватил ее и, подавшись вперед, со страшной силой ударил меня. Лезвие со свистом прошло сквозь меня, но я осталась жива и невредима. Нубиец растянулся на полу, и, когда поднялся, его зубы стучали от ужаса, и он спрятался за ложе Султана.

Султан вскочил на ноги и, выхватив дротик из оружейной подставки, метнул его в меня. Я поймала его на лету и разломала пополам. Султан выстрелил в меня из лука, но я подняла руки, и стрела остановилась в полете. Тогда из-за белого кожаного пояса выхватил он кинжал и воткнул его в горло нубийцу, чтобы раб не мог рассказать о позоре своего господина. Нубиец стал корчиться, как раздавленная змея, и красная пена пузырями выступила у него на губах.

Как только он умер, Султан обратился ко мне и сказал, отирая платком из пурпурного расшитого шелка блестевшую на челе испарину.

— Уж не пророк ли ты божий, ибо вот я не властен причинить тебе какое-нибудь зло, или, может быть, сын пророка, ибо мое оружие не в силах уничтожить тебя. Прошу тебя, удались отсюда, потому что, покуда ты здесь, я не властелин моего города.

И я ответила ему:

— Я уйду, если ты мне отдашь половину твоих сокровищ. Отдай мне половину сокровищ, и я удалюсь отсюда.

Он взял меня за руку и повел в сад. Начальник стражи, увидев меня, изумился. Но когда меня увидели евнухи, их колени дрогнули, и они в ужасе пали на землю.

Есть во дворце восьмистенная зала, вся из багряного порфира, с чешуйчатым медным потолком, с

которого свисают светильники. Султан коснулся стены; она разверзлась, и мы пошли каким-то длинным ходом, освещаемым многими факелами. В нишах, справа и слева, стояли винные кувшины, наполненные доверху серебряными монетами. Когда мы дошли до середины коридора, Султан произнес какое-то заповедное слово, и на потайной пружине распахнулась гранитная дверь; Султан закрыл лицо руками, чтобы его глаза не ослепли.

Ты не согласишься, какое это было чудесное место. Там были большие черепаховые панцири, полные жемчуга, и выдолбленные огромные лунные камни, полные красных рубинов. В сундуках, обитых слоновьими шкурами, было червонное золото, а в сосудах из кожи был золотой песок. Там были опалы и сапфиры: опалы в хрустальных чашах, а сапфиры в чашах из нефрита. Зеленые крупные изумруды рядами были разложены на тонких блюдах из слоновой кости, а в углу стояли шелковые тюки, одни набитые бирюзой, другие — бериллами. Охотничьи рога из слоновой кости были полны до краев пурпурными аметистами, а рога, которые были из меди, — халцедонами и карнерилами. Колонны из кедрового дерева были увешаны нитками рысьих глаз*, на овальных плоских щитах там были груды карбункулов, иные такого цвета, как вино, другие такого, как трава. И все же я описала едва ли десятую часть того, что было в этом тайном чертоге.

И сказал мне Султан, отнимая руки от лица:

— Здесь хранятся все мои сокровища. Половина сокровищ твоя, как и было обещано мною. Я дам тебе верблюдов и погонщиков, которые будут покорны тебе и отвезут твою долю, куда только ты пожелаешь. Все это будет исполнено нынче же ночью, ибо я не хочу, чтобы отец мой, Солнце,

* Драгоценный камень.

увидел, что живет в моем городе тот, кого я не в силах убить.

Но я сказала Султану в ответ:

— Золото это — твое и серебро это — тоже твое, и твои эти драгоценные камни и все эти несметные богатства. Этого ничего мне не надобно. Я ничего не возьму от тебя, только этот маленький перстень на пальце твоей руки.

Нахмурился Султан и сказал:

— Это простое свинцовое кольцо. Оно не имеет никакой цены. Бери же свою половину сокровищ и скорее покинь мой город.

— Нет, — ответила я, — я не возьму ничего, только этот свинцовый перстень, ибо я знаю, какие на нем начертания и для чего они служат.

И, вздрогнув, взмолился Султан:

— Бери все сокровища, какие только есть у меня, только покинь мой город. Я отдаю тебе также и свою половину сокровищ.

И странное я совершила деяние, но о нем не стоит говорить, — и вот в пещере, на расстоянии дня отсюда, я спрятала Перстень Богатства. Туда только день пути, и этот перстень ожидает тебя. Владеющий этим перстнем богаче всех на свете царей. Поди же возьми его, и все сокровища мира — твои.

Но юный Рыбак засмеялся.

— Любовь лучше Богатства! — крикнул он. — А маленькая Дева морская любит меня.

— Нет, лучше всего Богатство! — сказала ему Душа.

— Любовь лучше! — ответил Рыбак и погрузился в пучину, а Душа, рыдая, побрела по болотам.

И снова, по прошествии третьего года, Душа пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из пучины и сказал:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе, чтоб я могла с тобой побеседовать, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

И Душа сказала ему:

— Я знаю один город. Там есть над рекою харчевня. Там я сидела с матросами. Они пили вина обоих цветов, ели мелкую соленую рыбу с лавровым листом и уксусом и хлеб из ячменной муки. Мы сидели там и веселились, и вошел какой-то старик, и в руках у него был кожаный коврик и лютня с двумя янтарными колышками. Разостлав на полу коврик, он ударил перышком по металлическим струнам своей лютни, и вбежала девушка, у которой лицо было закрыто кисейной чадрой, а ноги у нее были нагие. Нагие были ноги ее, и они порхали по этому ковру, как два голубя. Ничего чудеснее я никогда не видала, и тот город, где она пляшет, отсюда на расстоянии дня.

Услыхав эти слова своей Души, вспомнил юный Рыбак, что маленькая Дева морская совсем не имела ног и не могла танцевать. Страстное желание охватило его, и он сказал себе самому: "Туда только день пути, и я могу вернуться к моей милой".

И он засмеялся, и встал на отмели, и шагнул к берегу.

И когда он дошел до берега, он засмеялся опять и протянул руки к своей Душе. А Душа громко закричала от радости, и побежала навстречу ему, и вселилась в него, и молодой Рыбак увидел, что тень его тела простерлась опять на песке, а тень тела — это тело Души.

И сказала ему Душа:

— Не будем мешкать, нужно тотчас же удалиться отсюда, ибо Боги Морские ревнивы, и есть у них много чудовищ, которые повинуются им.

И они поспешно удалились, и шли под луною всю ночь, и весь день они шли под солнцем, и когда за вечерело, приблизились к какому-то городу.

И сказала Душа ему:

— Это не тот, а другой. Но все же войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли бродить по его улицам, и, когда проходили по улице Ювелиров, молодой Рыбак увидел прекрасную серебряную чашу, выставленную в какой-то лавчонке.

— Возьми эту серебряную чашу и спрячь.

И взял он серебряную чашу и спрятал ее в складках своей туники, и они поспешно удалились из города.

И когда они отошли на расстояние мили, молодой Рыбак насупился, и отшвырнул эту чашу, и сказал Душе:

— Почему ты велела мне украсть эту чашу и спрятать ее? То было недоброе дело.

— Будь покоен, — ответила Душа, — будь покоен.

К вечеру следующего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак снова спросил у Души.

— Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И Душа ответила ему:

— Это не тот, а другой. Но все же войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли по улицам его, и, когда проходили по Улице Продающих Сандалии, молодой Рыбак увидел ребенка, стоящего у кувшина с водой.

И сказала ему его Душа:

— Ударь этого ребенка.

И он ударил ребенка, и ребенок заплакал; тогда они поспешно покинули город.

И когда они отошли на расстояние мили от города, молодой Рыбак насупился и сказал Душе:

— Почему ты повелела мне ударить ребенка? То было недоброе дело.

— Будь покоен, — ответила Душа, — будь покоен!

И к вечеру третьего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак сказал своей Душе:

— Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И Душа сказала ему:

— Может быть, и тот, войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли по улицам его, но нигде не мог молодой Рыбак найти ни реки, ни харчевни. И жители этого города с любопытством взирали на него, и ему стало жутко, и сказал он своей Душе:

— Уйдем отсюда, ибо та, которая пляшет белыми ногами, не здесь.

Но его Душа ответила ему:

— Нет, мы останемся здесь, потому что ночь теперь темная, и нам встретятся на дороге разбойники.

И он уселся на площади рынка и стал отдыхать, и вот прошел мимо него купец, и голова его была закрыта капюшоном плаща, а плащ был из татарского сукна, и на длинной камышине держал он фонарь из коровьего рога.

И сказал ему этот купец:

— Почему ты сидишь на базаре? Ты видишь: все лавки закрыты, и тюки обвязаны веревками.

И молодой Рыбак ответил ему:

— Я не могу в этом городе отыскать заезжего двора, и нет у меня брата, который приютил бы меня.

— Разве не все мы братья? — сказал купец. — Разве мы созданы не единым Творцом? Пойдем же со мною, у меня есть комната для гостей.

И встал молодой Рыбак и пошел за купцом в его дом. И когда, через гранатовый сад, он вошел под

кров его дома, купец принес ему в медной лохани розовую воду для омовения рук и спелых дынь для утоления жажды и поставил перед ним блюдо рису и жареного молодого козленка.

По окончании трапезы купец повел его в покой для гостей и предложил ему отдохнуть и опочить. И молодой Рыбак благодарил его, и облобызал кольцо, которое было у него на руке, и бросился на ковры из козьей крашеной шерсти. И когда он укрылся покровом из черной овечьей шерсти, сон охватил его.

И за три часа до рассвета, когда была еще ночь, его Душа разбудила его и сказала ему:

— Встань и поди к купцу, в ту комнату, где он почивает, и убей его, и возьми у него его золото, ибо мы нуждаемся в золоте.

И встал молодой Рыбак, и прокрался в опочивальню купца, и в ногах купца был какой-то кривой меч, и рядом с купцом, на подносе, было девять кошель золотом. И он протянул свою руку и коснулся меча, но, когда он коснулся его, вздрогнул купец и, воспрянув, сам ухватился за меч и крикнул молодому Рыбаку:

— Злом платишь ты за добро и пролитием крови за милость, которую я оказал тебе?

И сказала Рыбаку его Душа:

— Бей!

И он так ударил купца, что купец упал мертвый, а он схватил все девять кошель золотом и поспешно убежал через гранатовый сад, и к звезде обратил лицо, и была та звезда — звезда утренняя.

И, отойдя от города, молодой Рыбак ударил себя в грудь и сказал своей Душе:

— Почему ты повелела убить этого купца и взять у него золото? Поистине ты злая Душа!

— Будь покоен, — ответила она, — будь покоен!

— Нет, — закричал молодой Рыбак, — я не могу быть покоен, и все, к чему ты понуждала меня, для меня ненавистно. И ты ненавистна мне, и потому я

прошу, чтобы ты мне сказала, зачем ты так поступила со мной?

И его Душа ответила ему:

— Когда ты отослал меня в мир и прогнал меня прочь от себя, ты не дал мне сердца, потому и научилась я этим деяниям и полюбила их.

— Что ты говоришь! — вскричал Рыбак.

— Ты знаешь, — ответила его Душа, — ты сам хорошо это знаешь. Или ты позабыл, что ты не дал мне сердца? Полагаю, что ты не забыл. И посему не тревожь ни себя, ни меня, но будь покоен, ибо не будет той скорби, от которой бы ты не избавился, и не будет того наслаждения, которого бы ты не изведal.

И когда молодой Рыбак услышал эти слова, он задрожал и сказал:

— Ты злая, ты злая, ты заставила меня забыть мою милую, ты соблазнила меня искушениями и направила мои стопы на путь греха.

И его Душа отвечала:

— Ты помнишь, что, когда ты отсылал меня в мир, ты не дал мне сердца. Пойдем же куда-нибудь в город и будем там веселиться, потому что мы обладаем теперь девятью кошельками золота.

Но молодой Рыбак взял эти девять кошельей золота и бросил на землю и стал их топтать.

— Нет! — кричал он. — Мне нечего делать с тобою, и я с тобою не пойду никуда, но как некогда я прогнал тебя, так я прогоню и теперь, ибо ты причинила мне зло.

И он повернулся спиною к луне и тем же коротким ножом с рукоятью, обмотанной зеленой змеиной кожей, попытался отрезать свою тень у самых ног. Тень тела — это тело Души.

Но Душа не ушла от него и не слушала его повелений.

— Чары, данные тебе Ведьмою, — сказала она, — уже утратили силу: я не могу отойти от тебя, и ты не можешь меня отогнать. Только однажды за

всю свою жизнь может человек отогнать от себя свою Душу, но тот, кто вновь обретает ее, да сохранит ее во веки веков, и в этом его наказание, и в этом его награда.

И стал бледен молодой Рыбак, сжал кулаки и воскликнул:

— Проклятая Ведьма обманула меня, ибо умолчала об этом!

— Да, — ответила Душа, — она была верна тому, кому служит и кому вечно будет служить.

И когда узнал молодой Рыбак, что нет ему избавления от его Души и что она злая Душа и останется с ним навсегда, он пал на землю и горько заплакал.

И когда был уже день, встал молодой Рыбак и сказал своей Душе:

— Вот я свяжу мои руки, дабы не исполнять твоих велений, и вот я сомкну мои уста, дабы не говорить твоих слов, и я вернусь к тому месту, где живет любимая мною. К тому самому морю вернусь я, к маленькой бухте, где поет она свои песни, и я позову ее и расскажу ей о зле, которое я совершил и которое внушено мне тобою.

И его Душа, искушая его, говорила:

— Кто она, любимая тобою, и стоит ли к ней возвращаться? Есть многие прекраснее ее. Есть танцовщицы-самарисски, которые в танцах своих подражают каждой птице и каждому зверю. Ноги их окрашены лавзонией и в руках у них медные бубенчики. Когда они пляшут, они смеются, и смех у них звонок, подобно смеху воды. Пойдем со мною, и я покажу их тебе. Зачем сокрушаться тебе о грехах? Разве то, что приятно вкушать, не создано для вкушающего? И в том, что сладостно пить, разве заключается отрава? Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в другой город. Есть маленький го-

род неподалеку отсюда, и в нем есть сад из тюльпанных деревьев. В этом прекрасном саду есть павлины белого цвета и павлины с синею грудью. Хвосты у них, когда они распускают их при сиянии солнца, подобны дискам из слоновой кости, а также позолоченным дискам. И та, что дает им корм, пляшет, чтобы доставить им радость; порою она пляшет на руках. Глаза у нее насурмленные; ноздри, как крылья ласточки. К одной из ее ноздрей подвешен цветок из жемчуга. Она смеется, когда пляшет, и серебряные запястья звенят у нее на ногах бубенцами. Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в этот город.

Но ничего не ответил молодой Рыбак своей Душе, на уста он наложил печать молчания и крепкою веревкою связал свои руки, и пошел обратно к тому месту, откуда он вышел, к той маленькой бухте, где обычно любимая пела ему свои песни. И непрестанно Душа искушала его, но он не отвечал ничего и не совершил дурных деяний, к которым она побуждала его. Так велика была сила его любви.

И когда пришел он на берег моря, он снял со своих рук веревку, и освободил уста от печати молчания, и стал звать маленькую Деву морскую. Но она не вышла на зов, хотя он звал ее от утра до вечера и умолял ее выйти к нему.

И Душа насмеялась над ним, говоря:

— Мало же радостей приносит тебе любовь. Ты подобен тому, кто во время засухи льет воду в разбитый сосуд. Ты отдаешь, что имеешь, и тебе ничего не дается взамен. Лучше было бы тебе пойти со мною, ибо я знаю, где Долина Веселий и что совершается в ней.

Но молодой Рыбак ничего не ответил Душе. В расселине утеса построил он себе из прутьев шалаш и жил там в течение года. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и каждую ночь призывал ее снова. Но она не поднималась из моря навстречу ему, и нигде во

всем море не мог он найти ее, хотя искал и в пещерах, и в зеленой воде, и в оставленных приливом затонах, и в ключах, которые клокочут на дне.

И его Душа неустанно искушала его грехом и шептала о страшных деяниях, но не могла соблазнить его, так велика была сила его любви.

И когда этот год миновал, Душа сказала себе: "Злом я искушала моего господина, и его любовь оказалась сильнее меня. Теперь я буду искушать его добром, и, может быть, он пойдет со мною".

И она сказала молодому Рыбаку:

— Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твое. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы ее сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокаженные бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот. Пойдем же, пойдем — избавим людей от всех бедствий, чтобы в мире больше не было горя. Зачем тебе медлить здесь и звать свою милую? Ты ведь видишь, она не приходит. И что такое любовь, что ты ценишь ее так высоко?

Но юный Рыбак ничего не ответил, ибо велика была сила его любви. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и по ночам он призывал ее снова. Но она не поднималась навстречу ему, и нигде во всем море не мог он ее отыскать, хотя искал ее в реках, впадающих в море, и в долинах, которые скрыты волнами, и в море, которое становится пурпурным ночью, и в море, которое рассвет оставляет во мгле.

И прошел еще один год, и как-то ночью, когда юный Рыбак одиноко сидел у себя в шалаше, его Душа обратилась к нему и сказала:

— Злом я искушала тебя, и добром я искушала тебя, но любовь твоя сильнее, чем я. Отныне я не буду тебя искушать, но я умоляю тебя, дозвожь мне войти в твое сердце, чтобы я могла слиться с тобою, как и прежде.

— И вправду, ты можешь войти, — сказал юный Рыбак, — ибо мне сдается, что ты испытала немало страданий, когда скиталась по миру без сердца.

— Увы! — воскликнула Душа. — Я не могу найти входа, потому что окутано твое сердце любовью.

— И все же мне хотелось бы оказать тебе помощь, — сказал молодой Рыбак.

И только он это сказал, послышался громкий вопль, тот вопль, который доносится к людям, когда умирает какой-нибудь из Обитателей моря. И вскочил молодой Рыбак, и покинул свой плетеный шалаш, и побегал на побережье. И черные волны быстро бежали к нему и несли с собою какую-то ношу, которая была белее серебра. Бела, как пена, была эта ноша, и, подобно цветку, колыхалась она на волнах. И волны отдали ее прибою, и прибой отдал ее пене, и берег принял ее, и увидел молодой Рыбак, что тело Девы морской простерто у ног его. Мертвое, оно было простерто у ног.

Рыдая, как рыдают пораженные горем, бросился Рыбак на землю, и лобызал холодные алые губы, и перебирал ее влажные янтарные волосы. Лежа рядом с ней на песке и содрогаясь, как будто от радости, он прижимал своими темными руками ее тело к груди. Губы ее были холодными, но он целовал их. Мед ее волос был соленым, но он вкушал его с горькою радостью. Он лобызал ее закрытые веки, и бурные брызги на них не были такими солеными, как его слезы.

И мертвой принес он свое покаяние. И терпкое вино своих речей он влил в ее уши, подобные раковинам. Ее руками он обвил свою шею и ласкал тонкую, нежную трость ее горла. Горько, горько

было его ликование, и какое-то странное счастье было в скорби его.

Ближе придвинулись черные волны, и стон белой пены был, как стон прокаженного. Белоснежными когтями своей пены море вонзалось в берег. Из чертога Морского Царя снова донесся вопль, и далеко в открытом море Тритоны хрипло протрубили в свои раковины.

— Беги прочь, — сказала Душа, — ибо все ближе надвигается море, и, если ты будешь медлить, оно погубит тебя. Беги прочь, ибо я охвачена страхом. Ведь сердце твое для меня недоступно, так как слишком велика твоя любовь. Беги в безопасное место. Не захочешь же ты, чтобы, лишенная сердца, я перешла в иной мир.

Но Рыбак не внял своей Душе; он взывал к маленькой Деве морской.

— Любовь — говорил он, — лучше мудрости, ценнее богатства и прекраснее, чем ноги у дочерей человеческих. Огнями не сжечь ее, водами не погасить. Я звал тебя на рассвете, но ты не пришла на мой зов. Луна слышала имя твое, но ты не внимала мне. На горе я покинул тебя, на погибель свою я ушел от тебя. Но всегда любовь к тебе пребывала во мне, и была она так несокрушимо могуча, что все было над нею бессильно, хотя я видел и злое и доброе. И ныне, когда ты мертва, я тоже умру с тобою.

Его Душа умоляла его отойти, но он не пожелал и остался, ибо так велика была его любовь. И море надвинулось ближе, стараясь покрыть его волнами, и когда он увидел, что близок конец, он поцеловал безумными губами холодные губы морской Девы, и сердце у него разорвалось. От полноты любви разорвалось его сердце, и Душа нашла туда вход, и вошла в него, и стала с ним, как и прежде, единая. И море своими волнами покрыло его.

А наутро вышел Священник, чтобы осенить своею молитвою море, ибо оно сильно волновалось. И пришли с ним монахи, и клир, и прислужники со свечами, и те, что кадят кадельницами, и большая толпа молящихся.

И когда Священник приблизился к берегу, он увидел, что утонувший Рыбак лежит на волне прибоя, и в его крепких объятьях тело маленькой Девы морской.

И Священник отступил, и нахмурился, и, осенив себя крестным знаменем, громко возопил и сказал:

— Я не пошлю благословения морю и тому, что находится в нем. Проклятие Обитателям моря и тем, которые водятся с ними! А этот лежащий здесь со своею возлюбленной, отрекшийся ради любви от господа и убитый правым господним судом, — возьмите тело его и тело его возлюбленной и схороните их на Погосте Отверженных, в самом углу, и не ставьте знака над ними, дабы никто не знал о месте их упокоения. Ибо прокляты они были в жизни, прокляты будут и в смерти.

И люди сделали, как им было велено, и на Погосте Отверженных, в самом углу, где растут только горькие травы, они вырыли глубокую могилу и положили в нее мертвые тела.

И прошло три года, и в день праздничный Священник пришел во храм, чтобы показать народу раны господни и сказать ему проповедь о гневе господнем.

И когда он облачился в свое облачение, и вошел в алтарь, и пал ниц, он увидел, что престол весь усыпан цветами, дотоле никем не виданными. Странными они были для взора, чудесна была их красота, и красота эта смутила Священника, и сладостен был их аромат. И безотчетная радость охватила его.

Он открыл ковчег, в котором была дарохранительница, покадил перед нею ладаном, показал молящимся прекрасную облатку и покрыл ее священным покровом, и обратился к народу, желая сказать ему проповедь о гневѣ господнем. Но красота этихъ белыхъ цветовъ волновала его, и сладостенъ былъ ихъ ароматъ для него, и другое слово пришло на уста къ нему, и заговорилъ онъ не о гневѣ господнемъ, но о богѣ, чье имя — Любовь. И почему была его речъ такова, онъ не зналъ.

И когда онъ кончилъ свое слово, все бывшіе во храмѣ зарыдали, и пошелъ Священникъ въ ризницу, и глаза его были полны слезъ. И дьяконы вошли въ ризницу, и стали разоблачать его, и сняли съ него стихарь, и пояс, и орарь, и епитрахиль. И онъ стоялъ какъ во снѣ.

И когда они разоблачили его, онъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Что это за цветы на престолѣ и откуда они?

И те отвѣтили ему:

— Что это за цветы, мы не можемъ сказать, но они съ Погоста Отверженныхъ. Тамъ растутъ они въ самомъ углу.

И задрожалъ Священникъ и вернулся въ свой домъ молиться.

И утромъ, на самой зарѣ, вышелъ онъ съ монахами, и клиромъ, и прислужниками, несущими свечи, и съ теми, которые кадятъ кадильницами, и съ большою толпою молящихся, и пошелъ онъ къ берегу моря, и благословилъ онъ море и дикую тварь, которая водится въ немъ. И Фавновъ благословилъ онъ, и Гномовъ, которые пляшутъ въ лесахъ, и техъ, у которыхъ сверкаютъ глаза, когда они глядятъ изъ-за листьевъ. Всемъ созданиямъ божьего міра далъ онъ свое благословеніе; и народъ дивился и радовался. Но никогда уже не зацветаютъ цветы на Погостѣ Отверженныхъ, и попрежнему весь Погостъ остается нагимъ и бесплоднымъ. И Обитатели моря уже никогда не заплываютъ въ заливъ, какъ бывало, ибо они удалились въ другіе области этого моря.

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

Вак-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробираясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и деревьях лежал толстый снежный покров. Когда Лесорубы продирались сквозь чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

— Уф! — проворчал Волк, прыгая между кустами, поджав хвост. — Какая чудовищная погода. Не понимаю, куда смотрит правительство.

— Фью! Фью! Фью! — просвиристели зеленые Коноплянки. — Старушка Земля умерла, и ее одели в белый саван.

— Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд, — прошептали друг другу Горлинки. Их маленькие розовые ножки совершенно окоченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на вещи.

— Вздор! — проворчал Волк. — Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. — Волк обладал очень трезвым взглядом на вещи и в споре никогда не лез за словом в карман.

— Ну, что касается меня, — сказал Дятел, который был прирожденным философом, — я не нуждаюсь в физических законах для объяснений явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съежились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы — одни среди всех живых существ — были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совершенно твердыми, но это их нисколько не тревожило, они тарачили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

— У-уу! У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дуя на замерзшие пальцы и топая по обледеневшему снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, их вязанки хвороста рассыпались, и пришлось им собирать их и заново увязывать; а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал

великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благоприветствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а Долина показалась им серебряным цветком, и Луна над ней — цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

— С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

— Ты прав, — отвечал его товарищ. — Одним дано очень много, а другим — совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная и необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатилась по небосводу между других звезд, и когда изумленные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось, что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

— Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! — разом закричали оба и тут же припустились бежать — такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами... и что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало

что-то, сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а увидели только спящее дитя.

И один Лесоруб сказал другому:

— Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи! Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но другой Лесоруб отвечал так:

— Нет, нельзя совершить такое злое дело — оставить это дитя замерзать тут на снегу, и хоть я не богаче тебя, и у меня еще больше ртов просят хлеба, а в горшках тоже не густо, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитить от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень подивился про себя такой его глупости и мягкосердечию.

А когда они пришли в свое селение, его товарищ сказал ему:

— Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

— Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку, — и пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что это ее муженек возвратился домой целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

— Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем, — и он не переступил порога.

— Что же это такое? — воскликнула жена. — Покажи скорее, ведь у нас в доме пусто, и мы очень во многом нуждаемся. — И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

— Увы мне! — горестно прошептала жена. — Разве у нас нет собственных детей, что тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? — И она очень рассердилась на мужа.

— Да ты послушай, ведь это Дитя-звезда, — отвечал муж и рассказал жене всю удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним и бранить его и закричала:

— Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого ребенка? А кто позаботится о нас? Кто нам даст поесть?

— Но ведь господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание, — отвечал муж.

— А мало воробьев погибает от голода зимой? — спросила жена. — И разве сейчас не зима? — На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

— Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, — сказал муж. И жена не

ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала его в сундук.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были, как лепестки нарцисса, а губы — как лепестки алой розы, и глаза — как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все они низкого происхождения, в то время как он — знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увечным, но швырял в них камнями и прогонял их из селения на проезжую дорогу и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и высмеивал всех, кто был жалок и безобразен, и вы-

ставлял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у водоема в фруктовом саду священника и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря:

— Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

И старик священник не раз посылал за ним и пытался научить его любви ко всем божьим тварям, говоря:

— Мотылек — твой брат, не причиняй ему вреда. Птицы, что летают по лесу, — свободные создания. Не расставляй им силки для своей забавы. Бог создал земляного червя и крота и определил каждому из них его место. Кто ты такой, что осмеливаешься приносить страдания в сотворенный богом мир? Ведь даже скот, пасущийся в лугах, прославляет его имя.

Но Мальчик-звезда не внимал ничьим словам, только хмурился и усмехался презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими как хотел. И его сверстники слушались его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-звезда ни повел их, они следовали за ним, и что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем он был их вожаком, и они стали столь же жестокосерды, как и он.

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях,

босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови, — словом, — была она в самом бедственном состоянии. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-звезда и сказал своим товарищам:

— Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-звезда, подбежал к нему и стал его бранить, говоря:

— Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-звезда покраснел от злости, топнул ногой и сказал:

— А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын, и не обязан тебя слушаться.

— Это верно, — отвечал Лесоруб, — однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И когда нищая услышала эти слова, она громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней, и когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и сказала Лесорубу:

— Верно ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

— Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

— А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? — воскликнула женщина. — Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

— Все верно, — отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука, в котором они хранились, и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

— Этот ребенок — мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прощу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла весь мир.

И Лесоруб с женой вышли из дома и стали звать Мальчика-звезду и сказали ему:

— Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

— Ну, а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

— Я — твоя мать.

— Ты, должно быть, лишилась рассудка, — гневно вскричал Мальчик-звезда. — Я не твой сын, ведь ты же нищенка, ты уродлива и одета в лохмотья. Ну-ка убирайся отсюда, чтобы я не видел больше твоего мерзкого лица.

— Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу, — вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки. — Разбойники украли тебя и оставили погибать в лесу, — плача, проговорила она. — Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать, — золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя, пойдем

со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только стенания женщины, рыдавшей от горя.

Наконец он заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

— Если это правда, что ты моя мать, — сказал он, — лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как это ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше не видел.

— Увы, сын мой! — вскричала женщина. — Неужели ты не поцелуешь меня на прощанье? Ведь я столько перетерпела мук, чтобы найти тебя.

— Нет, — сказал Мальчик-звезда, — ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядев на него, начали смеяться над ним и сказали:

— Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами. — И они выгнали его из сада. Тогда Мальчик-звезда задумался и сказал себе:

— Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив.

И он пошел к водоему и поглядел в него, но что же он увидел! Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву и заплакал и сказал:

— Не иначе как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я воз-

гордился перед ней и был с ней жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь свет, пока не найду ее. А до тех пор я не буду знать ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

— Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

— Нет, я был жесток к моей матери, и в наказание со мной случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду свою мать и не вымолю у нее прощения.

И он побежал в лес и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на груду листьев и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его одиночество и охраняла его сон, да гадюка медленно проползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. И всех, кто бы ни повстречался ему на пути, он спрашивал, не видали ли они его матери.

Он спросил Крота:

— Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

— Ты выколот мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

— Ты залетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

— Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле
ели одна-одинешенька, он спросил:

— Где моя мать?

И Белочка отвечала:

— Ты убил мою мать, может быть ты разыскива-
ешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-звезда опустил голову, и заплакал, и
стал просить прощенья у всех божьих тварей, и уг-
лубился дальше в лес, продолжая свои поиски. А на
третий день, пройдя через весь лес, он вышел на
опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили
его и бросали в него камнями, и крестьяне не позво-
ляли ему даже соснуть в амбаре, боясь, что от него мо-
жет сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с
виду, и приказывали работникам прогнать его прочь, и
ни одна душа не сжалилась над ним. И нигде не мог он
ничего узнать о нищенке, которая была его матерью,
хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз ка-
залось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда
он принимался звать ее и бежал за ней, хотя острый
щебень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но
он не мог ее догнать, а те, кто жил поблизости, утверж-
дали, что они не видели ни ее, ни кого-либо похожего с
виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету, и нигде
никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни
милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как
поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, рас-
положенному на берегу реки и обнесенному высокой
крепостной стеной, и приблизился к воротам, и хотя
он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти
в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже,
скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

— Что нужно тебе в нашем городе?

— Я разыскиваю мою мать, — отвечал он, — и
молю вас, дозвоьте мне войти в город, ведь может
случиться, что она там.

Но они стали насмеяться над ним, и один из них, трясая черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

— Воистину твоя мать возрадуется, увидав тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи. Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке древко с желтым стягом, сказал ему:

— Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

— Моя мать живет подаянием, так же как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дозвожь мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукрашенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

— Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

— Ну нет, — рассмеявшись, сказал тот, — мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услышав эти слова сказал:

— Я заплачу за него эту цену. — И, заплатив ее, взял Мальчика-звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она отворилась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные

кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

— Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

— Пей.

И когда Мальчик-звезда поел и попил, старик ушел и запер дверь на ключ и закрепил железной цепью.

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего в гробнице на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-звезду и сказал:

— В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты — из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Пospеши, на закате солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб, и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина. — И он завязал глаза Мальчику-звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, поставив подняться на пять медных бронзовых ступенек, отворил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось насладиться красотой леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колол его своими острыми, как кинжал, колючками, и Мальчику-звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик, — казалось, кто-то взывает о помощи. И, позабыв про свою беду, он побежал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, который попал в силоч, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-звезда сжалился над Зайчонком, и освободил его из силка, и сказал ему:

— Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

— Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя?

И Мальчик-звезда сказал ему:

— Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он побьет меня.

— Ступай за мной, — сказал Зайчонок, — и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-звезда последовал за маленьким Зайчонком, и что же он увидел? В дупле большого

дуба лежала монета из белого золота, которую он искал. И Мальчик-звезда несказанно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

— За услугу, которую я оказал тебе, ты отблагодарил меня сторицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

— Нет, — отвечал Зайчонок, — как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой, — и он проворно поскакал прочь, а Мальчик-звезда направился в город.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях, словно угли, и когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему так:

— Подай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду. Ибо они изгнали меня из города, и нет никого, кто бы сжалился надо мной.

— Увы! — вскричал Мальчик-звезда. — У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и если я не отнесу ее моему хозяину, он приберет меня, потому что я его раб.

Но прокаженный стал просить его и умолять и делал это до тех пор, пока Мальчик-звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из белого золота? — И Мальчик-звезда ответил:

— Нет, у меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его колотить, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба, и сказал:

— Ешь. — И поставил перед ним пустую чашку и сказал: — Пей. — И снова бросил его в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, ты навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но не мог нигде найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал, и пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

— Почему ты плачешь? И чего ты ищешь в лесу?

И Мальчик-звезда отвечал:

— Я ищу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и если я не найду ее, мой хозяин побьет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

— Следуй за мной! — крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру. А на дне озера лежала монета из желтого золота.

— Как мне благодарить тебя? — сказал Мальчик-звезда. — Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

— Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-звезда взял монету из желтого золота, положил ее в свой кошелек и поспешил в город. Но прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени, крича:

— Поддай мне милостыню, или я умру с голоду!

Но Мальчик-звезда сказал ему:

— У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но если я не принесу ее моему хозяину, он побьет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из желтого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

— Нет, у меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал, и пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

И Зайчонок сказал ему:

— Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Так что перестань плакать и возрадуйся.

— Как могу я отблагодарить тебя! — воскликнул Мальчик-звезда. — Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды.

— Но ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно ускакал прочь.

А Мальчик-звезда вошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город. Но когда прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, взывая к нему:

— Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

— Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

— Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

— Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-звезда заплакал и сказал себе:

— Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

— Ты — наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-звезда сказал им в ответ:

— Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме гребень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

— Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-звезда посмотрелся в щит, и что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо его стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел.

А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

— Было давнее пророчество, что в день этот придет к нам тот, кому суждено править нами. Так

пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-звезда отвечал им:

— Я недостойн этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо должен я вновь отправиться странствовать по свету, и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял прокаженный.

И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

— О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения. Мать моя, я дал тебе ненависть. Одари же меня любовью. Мать моя, я отверг тебя. Прими же свое дитя.

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к прокаженному и припал к его стопам, говоря:

— Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-звезда и сказал:

— О мать моя, это страдание мне не по силам. Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш бор.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

— Встань!

И прокаженный положил руку на его голову и тоже сказал:

— Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева.

И Королева сказала ему:

— Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

— Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды и возложили на его голову корону и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города, который стоял на берегу реки. И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями, и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию — и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.

КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

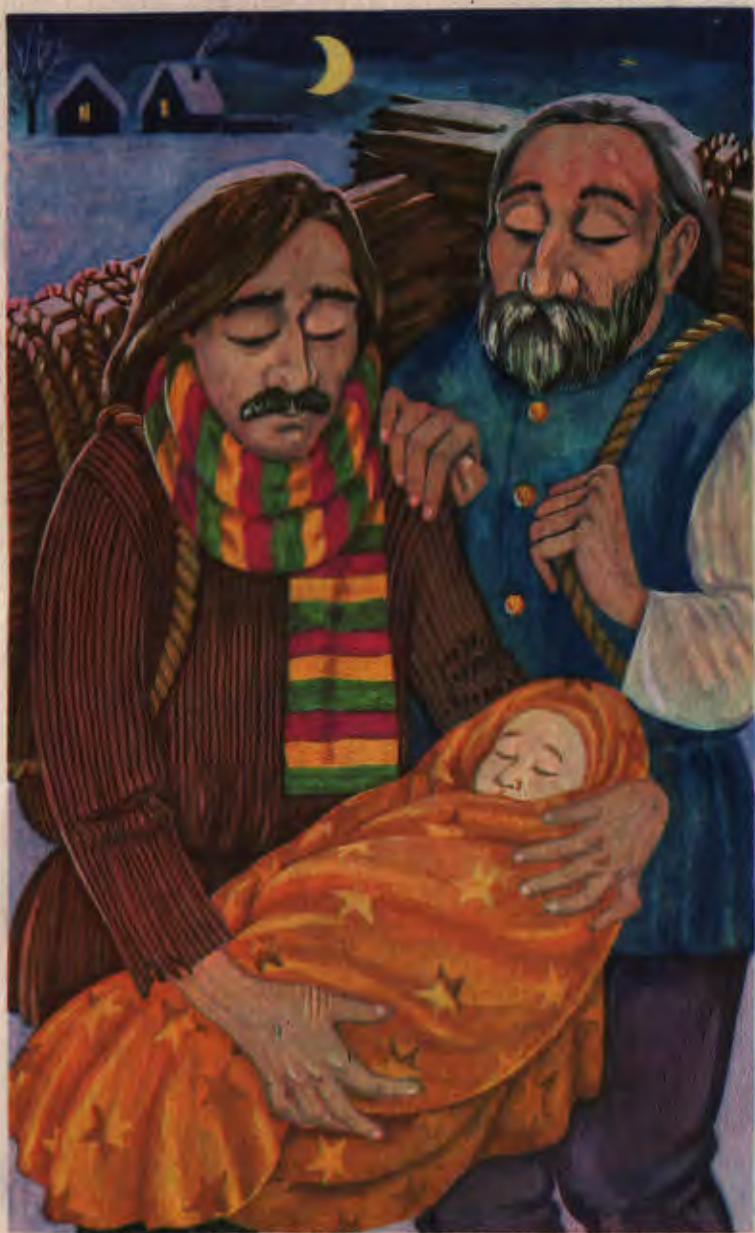
Когда мистер Хайрам Б. Отис, американский посол, решил купить Кентервильский замок, все уверяли его, что он делает ужасную глупость, — было достоверно известно, что в замке обитает привидение.

Сам лорд Кентервиль, человек донельзя порядочный, даже когда дело касалось сущих пустяков, не преминул, составляя купчую, предупредить мистера Отиса.

— Нас как-то не тянуло в этот замок, — сказал лорд Кентервиль, — с тех пор как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявых руки. Она так никогда и не оправилась. И я не скрою от вас, мистер Отис, что привидение это являлось также многим ныне здравствующим членам моего семейства. Его видел и наш приходский

Рыбак и его Душа

Мальчик-звезда

Преданный друг

Кентервильское привидение

Молодой король

Преступление лорда Артура Сэвила

священник, преподобный Огюстус Демпир, магистр Королевского колледжа в Кембридже. После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

— Что ж, милорд, — ответил посол, — я не возражаю. Пусть привидение идет вместе с мебелью. Но я ведь приехал из передовой страны. У нас за деньги все можно достать, да и молодежь у нас разбитная; наши молодые люди — это лучшее украшение вашего Старого Света, и они увозят от вас самых знаменитых актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

— Боюсь, что кентервильское привидение все же существует, — сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, — хоть оно, возможно, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импрессарио. Оно пользуется известностью добрых триста лет, — точнее сказать, с тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, — и неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Обычно, лорд Кентервиль, в подобных случаях приходит домашний врач. Нет, сэр, никаких привидений нет, и законы природы, смею думать, для всех одни — даже для английской аристократии.

— Да, вы, американцы, так еще близки природе! — отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Отиса. — Что ж, если вас устроит дом с привидениями, то все в порядке. Только не забудьте, — я вас предупредил.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посол с семьей переехал в Кентервильский замок. Миссис Отис, которая в свое время — ее тогда еще

величали мисс Лукрецией Р. Таппан с 43-й Западной улицы — славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, все еще весьма привлекательной, с чудесными глазами и точеным профилем. Многие американцы, покидая родину, принимают вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утонченности, но миссис Отис этим не грешила. Она обладала великолепным телосложением и совершенно фантастическим избытком энергии. Во многом миссис Отис не отличить было от настоящей англичанки, и ее пример лишний раз подтверждал, что у нас теперь с Америкой почти все одинаковое, кроме, разумеется, языка. Старший из сыновей, которого родители в порыве патриотизма окрестили Вашингтоном, — о чем он всегда сожалел, — был довольно красивый молодой блондин, обещавший стать хорошим американским дипломатом, поскольку он три сезона подряд дирижировал немецкой кадрилию в казино Нью-порта и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора. Он питал слабость к гардениям и геральдике, отличаясь во всем остальном совершенным здравомыслием. Мисс Виргинии Е. Отис шел шестнадцатый год. Это была стройная девочка, грациозная, как лань, с большими, голубыми глазами. Она прекрасно ездила на пони и, уговоривши однажды старого лорда Бильтона проскакать с нею два раза наперегонки вокруг Хайд-Парка, на полтора корпуса обошла его у самой статуи Ахиллеса; этим она привела в такой восторг юного герцога Чеширского, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон. В семье были дети еще моложе Виргинии — двое прелестных мальчиков-близнецов. Это были единственные, если скинуть со счета почтенного посла, убежденные республиканцы в семье, — их так часто пороли, что прозвали "Звезды и полосы".

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте целых семь миль, но мистер Отис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличном расположении духа.

Был прекрасный июльский вечер, и воздух был напоен теплым ароматом соснового леса. Изредка доносилось до них нежное воркование лесной горлицы, упивающейся собственным голосом, или в шелестящих зарослях папоротника мелькала пестрая грудь фазана. Крошечные белки поглядывали на них с высоких буков, а кролики прятались в низкой поросли или, задрав белые хвостики, улепetyвали по мшистым кочкам. Но не успели они въехать в аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволочло тучами, и странная тишина сковала воздух. Молча пролетела у них над головой огромная стая галок, и когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На крыльце их поджидала опрятная старушка в черном шелковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Эмни, домоправительница, которую миссис Отис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности. Она низко присела перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному молвила:

— Добро пожаловать в замок Кентервилей!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав великолепный холл в стиле Тюдоров, очутились в библиотеке — длинной и низкой комнате, обшитой черным дубом, с большим витражом против двери. Здесь уже все было приготовлено к чаю. Они сняли пальто и, усевшись за стол, принялись, пока миссис Эмни разливала чай, разглядывать комнату.

Миссис Отис заметила потемневшее от времени красное пятно на полу возле камина, и заинтересовалась, откуда оно взялось.

— Вероятно, здесь что-то пролили? — спросила она.

— Да, сударыня, — ответила старая экономка шепотом, — здесь пролилась кровь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Отис. — Я не желаю, чтоб у меня в гостиной были кровавые пятна. Пусть его сейчас же смоят!

Старушка улыбнулась и ответила тем же таинственным шепотом:

— Вы видите кровь леди Элеоноры Кентервиль, убиенной на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Симон-ом де Кентервиль. Сэр Симон пережил ее на девять лет и потом вдруг исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это вечное, несмываемое пятно.

— Что за глупости! — воскликнул Вашингтон Отис. — "Непревзойденный Пятновыводитель и Образцовый Очиститель Пинкертона" уничтожит его в одну минуту.

И не успела испуганная экономка помешать ему, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленькой черной палочкой, похожей на губную помаду. В какую-нибудь минуту от крови и следа не осталось.

— "Пинкертона" не подведет! — воскликнул он, обернувшись с торжеством к восхищенному семейству; но не успел он досказать, как яркая вспышка молнии озарила полутемную комнату, оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, и миссис Эмни лишилась чувств.

— Какой отвратительный климат, — заметил спокойно американский посол, закуривая длинную сигару с обрезанным концом. — Наша страна-прародительница до того перенаселена, что, видно, даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда

считал, что эмиграция — единственное спасение для Англии.

— Дорогой Хайрам, — сказала миссис Отис, — как быть, если она чуть что примется падать в обморок?

— Удержи у нее разок из жалованья, как за битье посуды, — ответил посол, — и ей больше не захочется.

И правда, через две-три секунды миссис Эмни вернулась к жизни. Впрочем, как нетрудно было заметить, она не вполне еще отравилась от пережитого потрясения и с торжественным видом объявила мистеру Отису, что его дому грозит беда.

— Сэр, — сказала она, — мне доводилось видеть такое, от чего у всякого доброго христианина волосы встанут дыбом, и ужасы здешних мест много ночей не давали мне смежить век.

Но мистер Отис и его супруга заверили почтенную матрону, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвердыми шагами удалилась к себе в комнату.

II

Всю ночь бушевала буря, но ничего особенного не случилось. Однако, когда не следующее утро семья сошла к завтраку, все снова увидели на полу ужасное кровавое пятно.

— В "Образцовом Очистителе" сомневаться не приходится, — сказал Вашингтон. — Я его на чем только не пробовал, Видно, здесь и в самом деле привидение поработало.

И он снова вывел пятно, а наутро оно появилось на прежнем месте. Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Отис, прежде чем уйти спать, самолично запер библиотеку и забрал с собою ключ. Теперь вся семья живейшим образом

интересовалась привидениями. Мистер Отис стал подумывать, не проявил ли он догматизма, отрицая существование духов; миссис Отис высказала намеренье вступить в общество спиритов, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Мейерс и Подмор касательно долговечности кровавых пятен, порожденных преступлением. Но если и оставались у них какие-либо сомнения в реальности призраков, они в ту же ночь рассеялись навсегда.

День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады семейство отправилось на прогулку. Они вернулись домой только к девяти часам и сели за легкий ужин. О привидениях никто даже словом не обмолвился, и все были удивительно далеки от того состояния повышенной восприимчивости, которое так часто предшествует материализации духов. Говорили, как рассказал мне потом мистер Отис, о чем всегда говорят просвещенные американцы из высшего общества: о бесконечном превосходстве мисс Фанни Давенпорт, как актрисы, над Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепешек и мамалыги; о значении Бостона для формирования мировой души; о преимуществах билетной системы для провоза багажа по железной дороге; о приятной мягкости нью-йоркского произношения по сравнению с тягучим лондонским выговором. Ни о чем сверхъестественном речь не заходила, а о сэре Симоне де Кентервиль никто даже не заикнулся. В одиннадцать семья удалилась на покой, и полчаса спустя в доме погасили свет. Очень скоро, впрочем, мистер Отис проснулся от непонятных звуков в коридоре, у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит — все отчетливей с каждой минутой — скрежет металла. Он встал, чиркнул спичку и взглянул на часы. Было ровно час. Мистер Отис оставался невозмутим и пощупал свой пульс, ритмичный, как всегда. Станные звуки не умолкали, и мистер Отис теперь уже явственно

различал звук шагов. Он сунул ноги в туфли, достал из несессера какой-то продолговатый флакончик и открыл дверь. Прямо перед ним в призрачном свете луны стоял старик ужасного вида. Глаза его горели, как раскаленные угли; длинные седые волосы патлами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя было все в лохмотьях, с рук его и ног, закованных в кандалы, свисали тяжелые ржавые цепи.

— Сэр, — сказал мистер Отис, — я вынужден настоятельнейше просить вас смазывать впредь свои цепи. С этой целью я захватил для вас пузырек машинного масла "Восходящее солнце демократической партии". Желаемый эффект после первого же употребления. Последнее подтверждают наши известнейшие священнослужители, в чем вы можете самолично удостовериться, ознакомившись с этикеткой. Я оставлю бутылочку на столике около канделябра и почту за честь снабжать вас вышеозначенным средством по мере надобности.

С этими словами посол Соединенных Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улегся в постель.

Кентервильское привидение так и замерло от возмущения. Затем, хватив во гнев бутылку о паркет, оно ринулось по коридору, излучая зловещее зеленое сияние и глухо стеновая. Но, едва оно ступило на верхнюю площадку широкой дубовой лестницы, как из распахнувшейся двери выскочили две белые фигурки, и огромная подушка просвистела у него над головой. Времени терять не приходилось и, прибегнув, спасения ради, к четвертому измерению, дух скрылся в деревянной панели стены. В доме все стихло.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, привидение прислонилось к лунному лучу и, немного отдышавшись, начало анализировать свое положение. Ни разу за всю его славную и безуп-

речную трехсотлетнюю карьеру его так не оскорбляли. Дух вспомнил о вдовствующей герцогине, которую насмерть напугал, когда она смотрелась в зеркало, вся в кружевах и бриллиантах; о четырех горничных, с которыми случилась истерика, когда он всего-навсего улыбнулся им из-за портьеры в спальне для гостей; о приходском священнике, который до сих пор лечится у сэра Вильяма Гулля от нервного расстройства, потому что однажды вечером, когда тот выходил из библиотеки, он задул у него свечу; о старой мадам де Тремуйяк, которая, проснувшись как-то на рассвете и увидав, что в кресле у камина сидит скелет и читает ее дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, примирилась с церковью и решительно порвала с известным скептиком, мосье де Вольтером. Он вспомнил страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли задыхающимся в гардеробной, с бубновым валетом в горле. Умирая, старик сознался, что с помощью этой карты он обыграл у Крокфорда Чарлза-Джемса Фокса на пятьдесят тысяч фунтов и что эту карту ему засунуло в глотку кентервильское привидение. Он припомнил все жертвы своих великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, когда зеленая рука постучалась в окно буфетной, и кончая прекрасной леди Стетфильд, что всегда носила на шее черную бархотку, дабы скрыть отпечатки пяти пальцев, оставшиеся на ее белоснежной коже. Она потом утопилась в пруду, знаменитом своими карпами, в конце Королевской аллеи. Охваченный тем чувством самоупоения, которое знает всякий настоящий художник, он перебирал в уме свои лучшие роли, и горькая улыбка кривила его губы, когда он вспоминал последнее свое выступление в качестве Красного Рубена, или Младенца-удавленника, свой дебют в роли Сухощавого Джибона, или Кровопийцы с Бекслейской Топи; припомнил и го, как потряс зрителей, когда прелестным

июньским вечером играл в кегли своими костями на площадке для лаун-тенниса.

И после всего этого заявляются в замок какие-то новомодные американцы, навязывают ему машинное масло и швыряют в него подушками! Такое нельзя терпеть! История не знала примера, чтоб так обходились с привидением. И он замыслил месть и до рассвета остался недвижим, погруженный в раздумье.

III

На следующее утро, за завтраком, Отисы довольно долго говорили о привидении. Посол Соединенных Штатов был немного задет тем, что подарок его отвергли.

— Я не собираюсь обижать привидение, — сказал он, — и я не могу в данной связи промолчать о том, что крайне невежливо швырять подушками в того, кто столько лет обитал в этом доме. (Должен с горечью заметить, что это абсолютно справедливое замечание близнецы встретили громким хохотом.) Тем не менее, — продолжал посол, — если дух проявит упорство и не пожелает воспользоваться машинным маслом "Восходящее солнце демократической партии", придется расковать его. Невозможно спать, когда так шумят у тебя под дверью.

Впрочем, до конца недели их больше не потревожили, только кровавое пятно в библиотеке каждое утро вновь появлялось на всеобщее обозрение. Объяснить это было непросто, ибо дверь с вечера запирали сам мистер Отис, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами. Хамелеоноподобная природа пятна тоже требовала объяснения. Случалось, оно было темно-красного цвета, случалось киноварного, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз, чтобы помолиться своей семьей, согласно упрощенному ритуалу Свободной

американской реформаторской епископальной церкви, пятно оказалось изумрудно-зеленым. Эти калейдоскопические перемены, как нетрудно понять, весьма забавляли семейство, и каждый вечер заключались пари в ожидании утра. Только маленькая Виргиния не разделяла общего легкомыслия; она почему-то всякий раз огорчалась при виде кровавого пятна, а в тот день, когда оно стало зеленым, чуть не расплакалась.

Второй выход духа состоялся в ночь на понедельник. Семья только улеглась, как вдруг послышался страшный грохот в холле. Когда перенуганные обитатели замка сбежали вниз, они увидели, что на полу валяются большие рыцарские доспехи, упавшие с пьедестала, а в кресле с высокой спинкой сидит кентервильское привидение и, морщась от боли, потирает себе колени. Близнецы, с меткостью, которая приобретается лишь благодаря долгим и упорным упражнениям на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в него по заряду из своих рогаток, а посол Соединенных Штатов нацелился в него из револьвера и, согласно калифорнийскому этикету, скомандовал "руки вверх!". Дух вскочил с бешеным воплем и туманом пронесся меж них, потушив у Вашингтона свечу и оставив всех во тьме крошечной. На верхней площадке он немного отдышался и решил разразиться своим знаменитым дьявольским хохотом, который не раз приносил ему успех. От него, говорят, за ночь поседел парик лорда Рэйкера, и этот хохот, бесспорно, был причиной того, что три французских гувернантки леди Кентервиль заявили об уходе, не прослужив в доме и месяца. И он разразился самым ужасным хохотом, так что звонким эхом отдались старые своды замка. Но едва смолкло страшное эхо, как растворилась дверь, и к нему вышла миссис Отис в бледно-голубом капоте.

— Вы, кажется, не совсем здоровы? — сказала она. — Я принесла вам микстуру доктора Добеля.

Если вы страдаете несварением желудка, она вам поможет.

Дух метнул на нее яростный взгляд и приготовился обернуться черной собакой, — талант, который принес ему заслуженную славу и воздействием коего домашний врач объяснял неизлечимое слабоумие дяди лорда Кентервиля, почтенного Томаса Хортон. Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого намерения. Он удовольствовался тем, что стал слабо фосфоресцировать, и в ту минуту, когда его уже настигли близнецы, успел, исчезая, испустить тяжелый кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он окончательно потерял самообладание и впал в жесточайшую тоску. Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Отис крайне его шокировали; но больше всего его огорчило то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже современные американцы почувствуют робость, узрев Привидение в Доспехах, — ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над томами изящной и усадительной поэзии коего он просиживал часами, когда Кентервили переезжали в город. Эти доспехи к тому же были его собственные. Он очень мило выглядел в них на турнире в Кенильворте и удостоился тогда чрезвычайно лестной похвалы от самой королевы-девственницы. Но теперь массивный нагрудник и стальной шлем оказались слишком тяжелы для него, и, надев доспехи, он рухнул на каменный пол, разбив колени и пальцы правой руки.

Он не на шутку занемог и несколько дней не выходил из комнаты, — разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна. Но благодаря умелому самоврачеванию он скоро поправился и решил, что в третий раз попробует напугать посла и его домочадцев. Он наметил себе пятницу семнадцатого августа и в канун этого дня

допоздна перебирал свой гардероб, остановившись наконец на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками у ворота и на рукавах и заржавленном кинжале. К вечеру начался ливень, и ветер так бушевал, что все окна и двери старого дома ходили ходуном. Впрочем, подобная погода была как раз по нем. План его был таков: первым делом он проберется тихонько в комнату Вашингтона Отиса, станет у него в ногах, бормоча себе что-то под нос, а потом под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом. К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что это именно он взял в обычай стирать знаменитое Кентервильское Кровавое Пятно Образцовым Пинкертоновским Очистителем. Доведя этого вольнодумного непочтительного юношу до состояния полной прострации, он затем проследует в супружескую опочивальню посла Соединенных Штатов и возложит покрытую холодным потом руку на лоб миссис Отис, нашептывая тем временем ее трепещущему мужу страшные тайны склепа. Насчет маленькой Виргинии он, правда, ничего определенного не придумал. Она ни разу его не обидела, она была так мила и нежна. Здесь можно обойтись несколькими глухими стонами из шкафа, а если она не проснется, он подергает дрожащими скрюченными пальцами ее одеяло. А вот близнецов он проучит как следует. Перво-наперво он усядется им на грудь, чтобы они заметались от привидевшихся кошмаров, а потом, поскольку их кровати стоят почти рядом, застынет между ними в образе позеленевшего от холода трупа и будет так стоять, пока у них зуб на зуб не перестанет попадать от страха. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои кости, примется расхаживать по комнате, вращая одним глазом, как полагается в роли Безгласого Даниила, или Скелета-самоубийцы. Это была очень сильная роль, ничуть не слабее его знаменитого Безумного Мартина, или Сокрытой Тай-

ны, и она не раз производила сильное впечатление на зрителей.

В половине одиннадцатого он догадался по звукам, что вся семья отправилась на покой. Ему еще долго мешали дикие взрывы хохота, — очевидно, близнецы с беспечностью школьников резвились перед тем, как отойти ко сну, — но в четверть двенадцатого в доме воцарилась тишина, и, только пробило полночь, он вышел на дело. Совы бились о стекла, ворон каркал на старом тисовом дереве, и ветер блуждал, стенаая, словно неприкаянная душа, вокруг старого дома. Но Отисы спокойно спали, не подозревая ни о чем, и храп посла заглушал дождь и бурю. Дух со злобной усмешкой на сморщенных устах осторожно вышел из панели. Луна сокрыла свой лик за тучей, когда он крался мимо окна с фонарем, на котором золотом и лазурью были выведены его герб и герб убитой им жены. Все дальше скользил он зловещей тенью; мгла ночная и та, казалось, взирала на него с отвращением.

Ему почудилось вдруг, что кто-то окликнул его, и он замер на месте, но это только собака залаяла на Красной ферме. И он продолжал свой путь, бормоча никому теперь не понятные ругательства XVI века и размахивая в воздухе заржавленным кинжалом. Наконец он добрался до поворота, откуда начинался коридор, ведущий в комнату злосчастного Вашингтона. Здесь он переждал немного. Ветер развеивал его седые космы и свертывал в неописуемо страшные складки его могильный саван. Пробило четверть, и он почувствовал, что время настало. Он самодовольно хихикнул и повернул за угол; но едва он ступил шаг, как отшатнулся с жалостным воплем и закрыл побледневшее лицо длинными костлявыми руками. Прямо перед ним стоял страшный призрак, недвижимый, точно извояние, чудовищный, словно бред безумца. Голова у него была лысая, гладкая, лицо толстое, мертвенно-бледное; гнусный смех свел черты его в вечную

улыбку. Из глаз его струились лучи алого света, рот был как широкий огненный колодец, а безобразная одежда, так похожая на его собственную, белоснежным саваном окутывала могучую фигуру. На груди у призрака висела доска с непонятной надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках, о диких злодействах. В поднятой правой руке его зажат был меч из блестящей стали. Никогда доселе не видав привидений, дух Кентервиля, само собой разумеется, ужасно перепугался и, взглянув еще раз краешком глаза на страшный призрак, кинулся восвояси. Он бежал не чуя под собой ног, путаясь в складках савана, а заржавленный кинжал он уронил по дороге в башмак посла, где его поутру нашел дворецкий. Добравшись до своей комнаты и почувствовав себя в безопасности, дух бросился на узкую походную койку и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нем проснулась былая кентервильская отвага, и он решил, как только рассветет, пойти и заговорить с другим привидением. И едва заря окрасила холмы серебром, он вернулся туда, где встретил ужасный призрак. Он понимал, что в конце концов, чем больше привидений, тем лучше, и надеялся с помощью нового сотоварища управиться с близнецами. Но когда он очутился на прежнем месте, страшное зрелище открылось его взору. Что-то, верно, недоброе стряслось с призраком. Свет потух в его пустых глазницах, блестящий меч выпал у него из рук, и весь он как-то неловко и неестественно опирался о стену. Дух Кентервиля подбежал к нему, обхватил его руками, как вдруг — о, ужас! — голова покатилась по полу, туловище переломилось пополам, и он увидел, что держит в объятиях белую канифасовую занавеску, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква. Не зная, чем объяснить это странное превращение, он дрожащими руками поднял доску с надписью и

при сером утреннем свете разобрал такие страшные слова:

ДУХ ФИРМЫ ОТИС.

Единственный подлинный и оригинальный
призрак!

Остерегайтесь подделок!

Все остальные — не настоящие!

Ему стало все ясно. Его обманули, перехитрили, провели! Глаза его зажглись прежним кентервильским огнем; он заскрежетал беззубыми деснами и, воздев к небу изможденные руки, поклялся, следуя лучшим образцам старинной стилистики, что, не успеет Шантеклер дважды протрубить в свой рог, как свершатся кровавые дела, и убийство неслышным шагом пройдет по этому дому.

Едва он произнес эту страшную клятву, как вдалеке с красной черепичной крыши прокричал петух. Дух залился долгим, глухим и злым смехом и стал ждать. Много часов прождал он, но петух почему-то больше не запел. Наконец около половины восьмого шаги горничных вывели его из оцепенения, и он вернулся к себе в комнату, горюя о тщете своих упований и крахе своей надежды. Там, у себя, он просмотрел несколько самых своих любимых книг о старинном рыцарстве и узнал из них, что всякий раз, когда была произнесена эта клятва, петух пел дважды.

— Да сгубит смерть бессовестную птицу! — забормотал он. — Настанет день, когда мое копье в твою вонзится трепетную глотку и я услышу твой предсмертный хрип.

Потом он улегся в удобный свинцовый гроб и оставался там до темноты.

IV

Наутро дух чувствовал себя совсем разбитым. Начинало сказываться нервное напряжение целого

месяца. Его нервы были совершенно расшатаны, он вздрагивал при малейшем шорохе. Пять дней он не выходил из комнаты и наконец махнул рукой на кровавое пятно. Если оно не нужно Отисам, они, значит, недостойны его. Это низменные материалисты, совершенно неспособные оценить символический смысл спиритических феноменов. Вопрос о небесных знамениях и о фазах астральных тел был, никто не спорит, особой областью и, по правде говоря, находился вне его компетенции. Но его священной обязанностью было появляться еженедельно в коридоре, а в первую и третью среду каждого месяца усаживаться у окна, что фонарем выходит в парк, и бормотать всякий вздор, и он не видел возможности без урона для своей чести отказаться от сих обязанностей. И хотя земную свою жизнь он прожил безнравственно, он проявлял крайнюю добропорядочность во всем, что касалось мира потустороннего. Поэтому следующие три субботы он, по обыкновению, от полуночи до трех прогуливался по коридору, всячески заботясь о том, чтоб его не услышали и не увидели. Он ходил без сапог, стараясь как можно легче ступать по источенному червями полу; надевал широкий черный бархатный плащ и никогда не забывал тщательнейшим образом протереть свои цепи машинным маслом "Восходящее солнце демократической партии". Ему, надо сказать, нелегко было прибегнуть к этому последнему средству безопасности. И все же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в комнату к мистеру Отису и стащил бутылочку машинного масла. Он чувствовал себя, правда, немного униженным, но только поначалу. В конце концов благоразумие взяло верх, и он признался себе, что изобретение это имеет свои достоинства и в некотором отношении может сослужить ему службу. Но, как ни был он осторожен, его не оставляли в покое. То и дело он спотыкался в темноте о веревки, про-

тянутые поперек коридора, а однажды, одетый для роли Черного Исаака, или Охотника из Хоглейских лесов, он поскользнулся и сильно расшибся, потому что близнецы натерли маслом пол от входа в голубеновую залу до верхней площадки дубовой лестницы. Это так разозлило его, что он решил в последний раз стать на защиту своего поправленного достоинства и своих прав и в следующую ночь явиться дерзким юным школьникам в знаменитой роли Отважного Руперта, или Безголового Графа.

Он не выступал в этой роли более семидесяти лет, с тех пор как до того напугал прелестную леди Барбару Модииш, что она отказала своему жениху, деду нынешнего лорда Кентервиля, и убежала в Гретна-Грин с красавцем Джеком Каслтоном; она заявила при этом, что ни за что на свете не войдет в семью, где считают позволительным, чтоб такие ужасные призраки разгуливали в сумерки по террасе. Бедный Джек погиб вскоре на Вандсвортском лугу от шпаги лорда Кентервиля, а сердце леди Барбары было разбито, и она меньше чем через год умерла в Тенбридж-Уэльсе, — так что выступление у всех, можно сказать, имело огромный успех. Но для этой роли требовался очень сложный грим, — если позволительно воспользоваться театральным термином применительно к одной из глубочайших тайн мира сверхъестественного, или, выражаясь поученому, "естественного мира высшего порядка", — и он потерял добрых три часа на приготовления. Наконец все было готово, и он остался очень доволен своим видом. Большие кожаные ботфорты, которые полагались к этому костюму, были ему, правда, немного велики, и один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но, в общем, как ему казалось, он приделся на славу. Ровно в четверть второго он выскользнул из панели и прокрался по коридору. Добравшись до комнаты близнецов (она, кстати сказать, называлась "Голубой спальней" по цвету обоев и портьер), он за-

метил, что дверь немного приоткрыта. Желая как можно эффектнее обставить свой выход, он широко распахнул ее... и на него опрокинулся огромный кувшин с водой, который пролетел на вершок от его левого плеча, промочив его до нитки. В ту же минуту он услышал взрывы хохота из-под балдахина широкой постели.

Нервы его не выдержали. Он кинулся со всех ног в свою комнату и на другой день слег от простуды. Хорошо еще, что он выходил без головы, а то не обошлось бы без серьезных осложнений. Только это его и утешало.

Он теперь оставил всякую надежду запугать этих невеж-американцев и большею частью довольствовался тем, что бродил по коридору в войлочных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом, чтоб не продуло, и с маленькой аркебузой в руках на случай нападения близнецов. Последний удар был нанесен ему девятнадцатого сентября. В этот день он спустился в холл, где, как он знал, его никто не потревожит, и поразвлекался немного, потешаясь над сделанными у Сарони большими фотографиями посла Соединенных Штатов и его супруги, которые заняли место семейных портретов Кентервилей. Одет он был просто, но аккуратно, в длинный саван, кое-где попорченный могильной плесенью. Нижняя челюсть его была подвязана желтой косынкой, а в руке он держал фонарь и заступ, какие употребляют могильщики. Он, собственно говоря, был одет для роли Ионы Непогребенного, или Пожирателя Трупов с Чертсейского Гумна, одного из лучших образов, им созданных. Эту роль прекрасно помнили все Кентервили, и не без причины, ибо как раз тогда они поругались со своим соседом лордом Раффордом. Было уже около четверти третьего, и сколько он ни прислушивался, не слышно было ни шороха. Но когда он стал потихоньку пробираться к библиотеке, чтобы посмотреть, осталось ли что-

нибудь от кровавого пятна, из темного угла внезапно выскочили две фигурки, исступленно махавшие руками над головой, и завопили ему в самое ухо: "У-у-у!"

Охваченный паническим страхом, вполне естественным в данных обстоятельствах, он кинулся к лестнице, но там его подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем; окруженный со всех сторон врагами и буквально припертый к стенке, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, не была затоплена, и по трубам пробрался в свою комнату — грязный, растерзанный, исполненный отчаяния.

Больше он не предпринимал ночных вылазок. Близнецы несколько раз устраивали на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но все безрезультатно. Дух, по-видимому, счел себя настолько обиженным, что не желал больше выходить к обитателям дома. Поэтому мистер Отис снова уселся за свой труд по истории демократической партии, над которым работал уже много лет; миссис Отис организовала великолепный, поразивший все графство пикник на морском берегу, — все кушанья были приготовлены из моллюсков; мальчики увлеклись лакроссом, покером, юкром и другими американскими национальными играми. А Виргиния каталась по аллеям на своем пони с молодым герцогом Чеширским, проводившим в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул. Все решили, что привидение от них съехало, и мистер Отис известил об этом в письменной форме лорда Кентервиля, который в ответном письме выразил по сему поводу свою радость и поздравил достойную супругу посла.

Но Отисы ошиблись. Привидение не покинуло их дом, и хотя было теперь почти инвалидом, все же не думало оставлять их в покое, — особенно с

тех пор, как ему стало известно, что среди гостей находится молодой герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Франсиса Стильтона, который поспорил однажды на сто гиней с полковником Карбери, что сыграет в кости с духом Кентервиля; поутру лорда Стильтона нашли на полу ломберной, разбитого параличом, и, хотя он дожил до преклонных лет, он мог сказать только два слова: "шестерка дубль". Эта история в свое время очень нашумела, хотя из уважения к чувствам обеих благородных семей ее всячески старались замять. Подробности ее можно найти в третьем томе сочинения лорда Таттля "Воспоминания о принце-регенте и его друзьях". Легко понять поэтому, как хотелось духу доказать, что он не утратил влияния на Стильтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем *en secondes nocces** за монсеньером де Балкли, от которого, как известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Он даже начал работать над возобновлением своей знаменитой роли Монах-вампира, или Бескровный Бенедиктинец, в которой решил предстать перед юным поклонником Виргинии. Он был так страшен некогда в этой роли, что когда его однажды, в роковой вечер под новый 1764 год, увидела старая леди Стартап, она испустила несколько раз дикий вопль, и с ней случился удар. Она скончалась через три дня, лишив Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства и оставив все своему лондонскому аптекарю.

Но в последнюю минуту страх перед близнецами помешал привидению покинуть свою комнату, и маленький герцог спокойно проспал до утра под большим балдахином с плюмажами в королевской опочивальне. Во сне он видел Виргинию.

*Вторым браком (франц.)

Несколько дней спустя Виргиния и ее златокудрый кавалер поехали кататься верхом на Броклейские луга, и она, пробираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила подняться к себе ото всех потихоньку по черной лестнице. Когда она пробегала мимо гобеленовой залы, дверь которой была чуточку приоткрыта, ей показалось, что в комнате кто-то есть, и, полагая, что это камеристка ее матери, иногда сидевшая здесь со своим шитьем, она решила попросить ее зашить платье. К несказанному ее удивлению, это оказался сам кентервильский дух! Он сидел у окна и следил взором, как облетает под ветром непрочная позолота с пожелтевших деревьев и как в бешеной пляске мчатся по длинной аллее красные листья. Голову он уронил на руки, и вся поза его выражала безнадежное отчаянье. Таким одиноким, таким дряхлым показался он маленькой Виргинии, что она, хоть и подумала сперва убежать и запереться у себя в комнате, пожалела его и захотела утешить. Шаги ее были так легки, а грусть его до того глубока, что он не заметил ее присутствия, пока она не заговорила с ним.

— Мне очень жаль вас, — сказала она. — Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете хорошо себя вести, вас никто больше не обидит.

— Глупо просить меня, чтобы я хорошо себя вел, — ответил он, с удивлением разглядывая хорошенькую девочку, которая решилась заговорить с ним, — просто глупо. Мне положено греметь цепями, стонать в замочные скважины и разгуливать по ночам. Вы ведь об этом? Так ведь в этом весь смысл моего существования.

— Никакого тут смысла нет, и вы сами знаете, что были скверный. Миссис Эмни рассказала нам еще в первый день, когда мы сюда приехали, что вы убили свою жену.

— Допустим, — ответил дух сварливо, — но это дела семейные, и никого не касаются.

— Убивать вообще нехорошо, — сказала Виргиния, которая иной раз проявляла милую пуританскую нетерпимость, унаследованную ею от какого-то предка из Новой Англии.

— Терпеть не могу ваш дешевый, беспредметный ригоризм! Моя жена была очень дурна собой, ни разу не сумела прилично накрахмалить мне брыжи и ничего не смыслила встряпне. Вот хотя бы такое: однажды я убил в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, и как вы думаете, что нам из него приготовили? Да что теперь толковать, — дело прошлое. И все же, хоть я и убил жену, со стороны моих шуринов было не очень любезно заморить меня голодом.

— Они заморили вас голодом? О господин дух, то есть, я хотела сказать сэр Симон, вы, наверное, хотите кушать? У меня в сумке есть бутерброд. Вот, пожалуйста!

— Нет, благодарю вас. Я давно ничего не ем; но все же вы очень добры, и вообще вы гораздо лучше всей своей гадкой, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

— Не смейте так говорить! — крикнула Виргиния, топнув ножкой. — Вы сами невоспитанный, гадкий и вульгарный, а что до честности, так вы сами знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы рисовать это глупое пятно. Сначала вы забрали все красные краски, даже киноварь, и я не могла больше рисовать закаты, потом взяли изумрудную зелень и желтый хром; и напоследок у меня остались только индиго и белила, и мне пришлось рисовать только лунные пейзажи, а это навевает тоску, да и рисовать очень трудно. Я никому не сказала, хоть и сердилась; и вообще все это просто смешно: ну где видали вы кровь изумрудного цвета?

— А что мне оставалось делать? — сказал дух, уже и не пытаясь спорить. Теперь непросто достать

настоящую кровь, и поскольку ваш братец пустил в ход свой Образцовый очиститель, я счел возможным воспользоваться вашими красками. А цвет, знаете, кому какой нравится. У Кентервилей, к примеру, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такого рода вещи не интересуют.

— Ничего вы не понимаете. Поехали бы лучше в Америку, да и подучились немного. Отец мой охотно устроит вам бесплатный билет, и хотя на спиртное и, наверно, на спиритическое пошлина очень высокая, вас на таможне пропустят без всяких. Все чиновники там — демократы. А в Нью-Йорке вас ждет колоссальный успех. Ведь многие, сама знаю, дали бы сто тысяч долларов за обыкновенного деда, а за семейное привидение — куда больше.

— Боюсь, мне не понравится ваша Америка.

— Потому что там нет ничего допотопного и диковинного? — съязвила Виргиния.

— Ничего допотопного? А ваш флот? Ничего диковинного? А ваши обычаи?

— Прощайте! Пойду попрошу папу, чтобы он оставил близнецов дома еще на недельку.

— Не покидайте меня, мисс Виргиния! — воскликнул он. — Я так одинок, так несчастен! Право, я не знаю, как мне быть. Мне хочется уснуть, а я не могу.

— Что за глупости! Для этого надо только улечься в постель и задуть свечу. Не уснуть куда труднее, особенно в церкви. А уснуть совсем просто. Это грудной младенец сумеет.

— Триста лет не знал я сна, — промолвил печально дух, и прекрасные голубые глаза Виргинии широко раскрылись от удивления. — Триста лет я не спал, и я так истомился душой.

Виргиния сделалась вдруг печальной, и губки ее задрожали, как лепестки розы. Она подошла к нему, опустила на колени и заглянула в его старое, морщинистое лицо.

— Бедный мой призрак, — прошептала она, — разве негде тебе лечь и уснуть?

— Далеко-далеко, за сосновым бором, — ответил он тихим, мечтательным голосом, — есть маленький сад. Трава там густая и высокая, там бегают звезды цыкуты, и всю ночь там поет соловей. До рассвета поет соловей, и холодная хрустальная луна глядит с вышины, а исполинское тисовое дерево простирает свои руки над спящими.

Глаза Виргинии заволоклись слезами, и она уткнула лицо в ладони.

— Это Сад Смерти? — прошептала она.

— Да. Смерти. Смерть, должно быть, прекрасна. Лежишь в мягкой сырой земле, и над тобою колышутся травы, и слушаешь тишину. Как хорошо не знать ни вчера, ни завтра, забыть время, простить жизнь, изведать покой. В ваших силах помочь мне. Вам легко отворить врата Смерти, ибо с вами Любовь, а Любовь сильнее Смерти.

Виргиния вздрогнула, точно холод пронизал ее; воцарилось короткое молчание. Ей казалось, будто она видит страшный сон.

И опять заговорил дух, и голос его был как вздохи ветра.

— Вы читали древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

— О, сколько раз! — воскликнула девочка, вскинув головку. — Я его наизусть знаю. Оно написано такими странными черными буквами, что их сразу и не разберешь. Там всего шесть строчек:

Когда расплачется дитя,
И расцветет заглухший куст,
И златокудрая шутя
Сорвет молитву с грешных уст,
Тогда истерзанный тоской
Сэр Кентервиль найдет покой*

*Перевод Н. Воропель.

Я только не понимаю, что все это значит.

— Это значит, — печально промолвил дух, — что вы должны оплакать мои прегрешения, ибо у меня самого нет слез, и помолиться за мою душу, ибо нет у меня веры. И тогда, если вы всегда были нежной, доброй и любящей, Ангел Смерти смилуется надо мной. Страшные чудовища явятся вам в ночи и станут шептать вам злые слова, но они не сумеют вам повредить, потому что вся злокозненность ада бессильна пред чистотою ребенка.

Виргиния не отвечала, и, видя, как низко опустила она свою златокудрую головку, дух начал в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Она была бледна, и глаза ее светились удивительным огнем.

— Я не боюсь, — сказала она решительно. — Я попрошу Ангела помиловать вас.

Вскрикнув чуть слышно от радости, он встал и, склонившись со старомодной грацией, поднес ее руку к губам. Пальцы его были холодны, как лед, губы жгли, как огонь, но Виргиния не дрогнула и не отступила, и он повел ее через полутемную залу. Маленькие охотники на поблекших зеленых гобеленах трубили в свои украшенные кистями рога и махали крошечными ручками, чтоб она вернулась назад. "Вернись, маленькая Виргиния! — кричали они. — Вернись!"

Но дух крепче сжал ее руку, и она закрыла глаза. Пучеглазые чудовища с хвостами ящериц, высеченные на камине, смотрели на нее и шептали: "Берегись, маленькая Виргиния, берегись! Что, если мы больше не увидим тебя?" Но дух скользил вперед все быстрее, и Виргиния не слушала их.

Когда они дошли до конца залы, он остановился и тихо произнес несколько непонятных слов. Она открыла глаза и увидела, что стена растаяла, как туман, и за ней разверзлась черная пропасть. Налетел ледяной ветер, и она почувствовала, как кто-то потянул ее за платье.

— Скорее, скорее! — крикнул дух. — Не то будет поздно.

И деревянная панель мгновенно сомкнулась за ними, и гобеленовый зал опустел.

VI

Когда минут через десять гонг зазвонил к чаю, и Виргиния не спустилась в библиотеку, миссис Отис послала за ней одного из лакеев. Вернувшись, он объявил, что не мог сыскать ее. Виргиния всегда выходила под вечер за цветами для обеденного стола, и поначалу у миссис Отис не явилось никаких опасений. Но, когда пробило шесть, а Виргинии все не было, мать не на шутку встревожилась и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Отисом обошла весь дом. В половине седьмого мальчики вернулись и сообщили, что не обнаружили никаких следов Виргинии. Все были крайне встревожены и не знали, что предпринять, когда вдруг мистер Отис вспомнил, что позволил цыганскому табору остановиться у него в поместье. Он тотчас отправился со старшим сыном и двумя работниками в Блэкфелльский лог, где, как он знал, стояли цыгане. Маленький герцог, страшно взволнованный, во что бы то ни стало хотел идти с ними, но мистер Отис боялся, что будет драка, и не взял его. Цыган на месте уже не было, и, судя по тому, что костер еще теплился и на траве валялись кастрюли, они уехали в крайней спешке. Отправив Вашингтона и работников осмотреть окрестности, мистер Отис побежал домой и разослал телеграммы полицейским инспекторам по всему графству, прося разыскать маленькую девочку, похищенную бродягами или цыганами. Затем он велел подать коня и, заставив жену и мальчиков сесть за обед, поскакал с грумом в Аскот. Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Отис увидал, что его

догоняет на своем пони маленький герцог, без шляпы, с покрасневшимся от скачки лицом.

— Простите меня, мистер Отис, — сказал мальчик, переводя дух, — но я не могу обедать, пока не сыщется Виргиния. Вы не сердитесь, но если б в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего бы этого не случилось. Ведь вы не отошлете меня, правда? Я не хочу домой и никуда не уеду!

Посол не сдержал улыбки при взгляде на этого милого сорванца. Его глубоко тронула преданность мальчика, и, нагнувшись с седла, он ласково потрепал его по плечу.

— Что ж, ничего не поделаешь, — сказал он, — коли вы не хотите вернуться, придется взять вас с собой. Но только я куплю вам в Аскоте шляпу.

— Не нужно мне шляпы! Мне нужна Виргиния! — засмеялся маленький герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Мистер Отис спросил начальника станции, не видел ли кто на платформе девочки, похожей по своим приметам на Виргинию, но никто не мог сказать ничего определенного. Начальник станции все же протелеграфировал по линии и уверил мистера Отиса, что для розысков будут приняты все меры; купив маленькому герцогу шляпу в лавке, владелец которой уже закрывал ставни, посол поехал в деревню Бексли, что в четырех милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане. Они разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились, и, проехав лугом, повернули домой. До замка они добрались только часам к одиннадцати, усталые, разбитые, готовые отчаяться. У ворот их дожидались Вашингтон и близнецы с фонарями: в парке было уже темно. Они сообщили, что никаких следов Виргинии не обнаружено. Цыган догнали на Броклейских лугах, но девочки с ними не было, Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что бо-

ялись опоздать на Чертонскую ярмарку, так как перепутали день ее открытия. Цыгане и сами встревожились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках, поскольку они были очень признательны мистеру Отису за то, что он позволил им остановиться в поместье. Обыскали пруд, славившийся карпами, обшарили каждый уголок в замке, — все напрасно. Было ясно, что в эту пору по крайней мере ночь Виргинии с ними не будет. Мистер Отис и мальчики, опустив голову, пошли к дому, а грум вел за ними обеих лошадей и пони. В холле их встретило несколько измученных слуг, а в библиотеке на диване лежала миссис Отис, чуть не обезумевшая от страха и тревоги; старуха домоправительница смачивала ей виски одеколоном. Мистер Отис уговорил жену покушать и велел подать ужин. Это был грустный ужин. Все приуныли, и даже близнецы притихли и не баловались: они очень любили сестру.

После ужина мистер Отис, как ни упрашивал его маленький герцог, отправил всех спать, заявив, что ночью все равно ничего не сделаешь, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотланд Ярда. Когда они выходили из столовой, церковные часы как раз начали отбивать полночь, и при звуке последнего удара что-то вдруг затрещало и послышался громкий возглас. Оглушительный раскат грома сотряс дом, звуки неземной музыки полились в воздухе; и тут на верхней площадке лестницы с грохотом отвалился кусок панели, и, бледная как полотно, с маленькой шкатулкой в руках, из стены выступила Виргиния.

В мгновение ока все были возле нее. Миссис Отис нежно обняла ее, маленький герцог осыпал ее пылкими поцелуями, а близнецы принялись кружиться вокруг в дикой воинственной пляске.

— Где ты была, дитя мое? — строго спросил мистер Отис: он думал, что она сыграла с ними какую-то злую шутку. — Мы с Сесилем объехали

пол-Англии, разыскивая тебя, а мама чуть не умерла от страха. Никогда больше не шути так с нами.

— Дурачить можно только духа, только духа! — вопили близнецы, прыгая, как безумные.

— Милая моя, родная, нашлась, благодаренье богу, — твердила миссис Отис, целуя дрожащую девочку и разглаживая ее спутанные золотые локоны, — никогда больше не покидай меня.

— Папа, — сказала Виргиния спокойно, — я провела весь вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он был очень дурным при жизни, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с чудесными драгоценностями.

Все глядели на нее в немом изумлении, но она оставалась серьезна и невозмутима. И она повела их через отверстие в панели по узкому потайному коридорчику; Вашингтон со свечой, которую он взял со стола, замыкал процессию. Наконец они дошли до тяжелой дубовой двери, на больших петлях, обитой ржавыми гвоздями. Виргиния прикоснулась к двери, та распахнулась, и они очутились в низенькой камерке со сводчатым потолком и зарешеченным окошком. К огромному железному кольцу, вделанному в стену, был прикован цепью исполинский скелет, распростертый на каменном полу. Казалось, он хотел дотянуться своими длинными пальцами до старинного блюда и ковши, поставленных так, чтоб их нельзя было достать. Ковш, покрытый изнутри зеленой плесенью, был, очевидно, когда-то наполнен водой. На блюде осталась лишь горсточка пыли. Виргиния опустилась на колени возле скелета и, сложив свои маленькие ручки, начала тихо молиться; пораженные, созерцали они картину ужасной трагедии, тайна которой открылась им.

— Глядите! — воскликнул вдруг один из близнецов, выглянув в окно, чтобы определить, в какой части замка находится камерка. — Глядите! Сухое

миндальное дерево расцвело. Сейчас луна, и мне хорошо видны цветы.

— Бог простил его! — сказала Виргиния, вставая, и лицо ее словно озарилось лучезарным светом.

— Вы ангел! — воскликнул молодой герцог, обнимая и целуя ее.

VII

Четыре дня спустя после этих удивительных событий, за час до полуночи, из Кентервильского замка тронулся траурный кортеж. Восемь черных коней везли катафалк, и у каждого на голове качался пышный страусовый султан; богатый пурпурный покров с вытканым золотом гербом Кентервилей был наброшен на свинцовый гроб, и слуги с факелами шли по обе стороны экипажей. Процессия производила неизгладимое впечатление. Ближайший родственник усопшего лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Виргинией в первой карете. Потом ехал посол Соединенных Штатов с супругой, за ними Вашингтон и три мальчика. В последней карете сидела миссис Эмни — без слов ясно, что, поскольку привидение пугало ее больше пятидесяти лет, она имеет право проводить его до могилы. В углу погоста, под тисовым деревом, была вырыта огромная могила, и преподобный Огюстус Демпир с большим чувством прочитал заупокойную. Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервилей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Виргиния подошла к нему и возложила на крышку большой крест, сделанный из белых и розовых цветов миндаля. В этот миг луна выплыла тихо из-за тучи и залила серебром маленькое кладбище, а в отдаленной роще раздались соловьиные трели. Виргиния вспомнила про Сад Смерти, о котором

рассказывал дух. Глаза ее наполнились слезами, и всю дорогу домой она едва проронила слово.

На следующее утро, когда лорд Кентервиль стал собираться обратно в Лондон, мистер Отис завел с ним разговор о драгоценностях, подаренных Виргинии привидением. Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе — редкостный образец работы XVI века; их ценность была так велика, что мистер Отис не считал возможным разрешить своей дочери принять их.

— Милорд, — сказал он, — я знаю, что в вашей стране закон о "мертвой руке" распространяется как на земельную собственность, так и на фамильные драгоценности, и для меня не составляет сомнения, что эти вещи принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать. Посему я прошу вас забрать их с собою в Лондон и впредь рассматривать как часть вашего имущества, возвращенную вам при несколько необычных обстоятельствах. Что касается моей дочери, то она еще ребенок и пока, слава богу, не слишком интересуется всякими дорогими безделушками. К тому же миссис Отис поставила меня в известность, — а она, могу похвастаться, провела в юности несколько зим в Бостоне и прекрасно разбирается в искусстве, — что за эти безделушки можно выручить солидную сумму, и я, как вы сами понимаете, никогда не соглашусь, чтобы они перешли к нашей семье. Да и вообще вся эта бессмысленная мишура; необходимая для поддержания достоинства британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, неувядаемых принципах республиканской простоты. Не могу, впрочем, умолчать о том, что Виргинии очень хотелось бы сохранить, с вашего позволения, шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке. Вещь эта старая, ветхая, и вы, быть может,

исполните ее просьбу. Я же со своей стороны крайне удивлен, признаться, что моя дочь проявляет такой интерес к средневековью, и способен объяснить это лишь тем, что Виргиния родилась в одном из пригородов Лондона, когда миссис Отис возвращалась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль с должным вниманием выслушал почтенного посла, лишь изредка принимаясь теревить седой ус, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Отис кончил, лорд Кентервиль крепко пожал ему руку.

— Дорогой сэр, — сказал он, — ваша прелестная дочь немало сделала для моего злополучного предка, сэра Симона, и я, как и все мои родственники, весьма обязан ей за ее редкую смелость и самоотверженность. Драгоценности принадлежат ей одной, и если бы я забрал их у нее, я проявил бы такое бессердечие, что этот старый грешник через две недели, самое позднее, вылез бы из могилы, дабы отравить мне остаток дней моих. Что же касается их принадлежности к майорату, то в него не входит вещь, не упомянутая в завещании или другом юридическом документе, а об этих драгоценностях нигде нет ни слова. Поверьте, у меня на них столько же прав, сколько у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Виргиния подрастет, она с удовольствием наденет эти украшения. К тому же вы забыли, мистер Отис, что купили замок с мебелью и привидением, и к вам отошло тем самым все, что принадлежало привидению. И хотя сэр Симон проявлял по ночам большую активность, юридически он оставался мертв, и вы законно унаследовали все его состояние.

Мистер Отис был весьма огорчен отказом лорда Кентервиля и просил его еще раз хорошенько все обдумать, но добродушный пэр остался непоколебим и в конце концов уговорил посла оставить дочери драгоценности; когда же весной 1890 года молодая герцогиня Чеширская представлялась ко-

ролеве по случаю своего бракосочетания, ее драгоценности оказались предметом всеобщего внимания. Ибо Виргиния получила герцогскую корону, которую получают в награду все добронравные американские девочки. Она вышла замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, и они оба были так милы и так влюблены друг в друга, что все радовались их счастью, кроме старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из семи своих незамужних дочек, для чего дала не менее трех обедов, очень дорого ей стоивших. Как ни странно, но к недовольным примкнул поначалу и мистер Отис. При всей своей любви к молодому герцогу, он, по теоретическим соображениям, оставался врагом любых титулов и, как он заявлял, "опасался, что расслабляющее влияние живущей наслаждениями аристократии может поколебать незыблемые принципы республиканской простоты". Но его скоро уговорили, и, когда он вел свою дочь под руку к алтарю церкви св. Георгия, что на Ганновер-сквер, во всей Англии, мне кажется, не сыскать было человека более гордого собой.

Когда кончился медовый месяц, герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пошли на заброшенное кладбище близ сосновой рощи. Долго не могли они придумать эпитафию для надгробия сэра Симона и под конец решили просто вытесать на ней его инициалы и стихи, написанные на окне библиотеки. Герцогиня убрала могилу розами, которые принесла с собой, и, постояв немного над нею, они вошли в полуразрушенную старинную церковку. Герцогиня присела на упавшую колонну, а муж, расположившись у ее ног, курил сигарету и глядел в ее ясные глаза. Вдруг он отбросил сигарету, взял герцогиню за руку и сказал:

— Виргиния, у жены не должно быть никаких секретов от мужа.

— А у меня и нет от тебя никаких секретов, дорогой Сесиль.

— Нет, есть, — ответил он с улыбкой. — Ты никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоем с привидением.

— Я никому этого не рассказывала, Сесиль, — сказала Виргиния серьезно.

— Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

— Не спрашивай меня об этом Сесиль, я правда не могу тебе рассказать. Бедный сэр Симон! Я стольким ему обязана! Нет, не смейся, Сесиль, это в самом деле так. Он открыл мне, что такое Жизнь, и что такое Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

Герцог встал и нежно поцеловал свою жену.

— Пусть эта тайна остается твоей, лишь бы сердце твое принадлежало мне, — шепнул он.

— Оно всегда было твоим, Сесиль.

— Но ты ведь расскажешь когда-нибудь все нашим детям? Правда?

Виргиния вспыхнула.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

Посвящается Маргарет леди Брук, рани Саравака

Вечером накануне дня Коронации молодой Король сидел один в своей великолепной спальне. Придворные уже удалились, отвешивая ему низкие поклоны согласно чопорным обычаям того времени, и вернулись в Большой Дворцовый Зал, дабы получить последние наставления у Профессора Этикета, — ведь кое-кто из них еще не утратил естественности манер, а вряд ли стоит напоминать, что у царедворца это серьезный порок.

Юношу — а Король был юношей, которому едва минуло шестнадцать лет — не огорчил уход придворных: с глубоким вздохом облегчения откинулся он на мягкие подушки роскошного ложа и так лежал, приоткрыв рот и глядя перед собою пугливыми глазами, подобно смуглолицему лесному фавну или молодому зверю, который попался в расставленную охотниками западню.

Его и в самом деле нашли охотники, ненароком повстречавшие юношу, когда тот, босиком и со

свирелью в руке, гнал стадо бедного пастуха, который взрастил его и сыном которого он всегда себя почитал. Сын единственной дочери старого Короля, родившийся от тайного союза с человеком, стоявшим много ниже ее, — с чужеземцем, как говорили одни, который дивными чарами своей лютни заслужил любовь юной Принцессы, или, как говорили другие, с художником из Римини, которому Принцесса оказала много, пожалуй, слишком много внимания и который внезапно исчез из города, так и не закончив роспись в Соборе, — он, когда была ему от роду неделя, был похищен у матери, пока та спала, и отдан на попечение простого крестьянина и его жены, не имевших своих детей и живших в глухом лесу, больше чем в дне езды от города. Через час после пробуждения родившая его белокурая девушка умерла от горя, или от чумы, как утверждал придворный медик, или от молниеносного итальянского яда, подмешанного в чашу вина с пряностями, как поговаривали люди, и между тем как верный гонец, увезший младенца в седле, спешил со взмыленного коня и постучал в грубо сколоченную дверь пастушьей хижины, тело Принцессы опустили в могилу, вырытую на заброшенном кладбище за городскими воротами, в могилу, где, как рассказывали, уже лежало тело юноши, наделенного чудесной чужеземной красотой, с руками, стянутыми за спиной веревками, и грудью, испещренной алыми кинжальными ранами.

Так, по крайней мере, гласила молва. А верно то, что на смертном одре старый Король то ли раскаялся в своем великом грехе, то ли просто пожелал сохранить королевство за своими потомками, послал за юношей и в присутствии Совета провозгласил его своим наследником.

И кажется, что в первое же мгновение юноша выказал знаки той странной страсти к прекрасному, которой суждено было столь сильно повлиять на его жизнь. Те, что сопровождали юношу в отведен-

ные для него покои, не раз повествовали о том, как с уст его сорвался крик радости, когда он увидел приготовленные для него изящные одежды и драгоценные камни, и о том, с каким почти яростным наслаждением сбросил он с себя грубую кожаную тунику и плащ из овчины. Порою, правда, ему недоставало свободной лесной жизни, и он, случалось, досадовал на докучные дворцовые церемонии, ежедневно отнимавшие столько времени, но чудесный дворец — или, как его называли, Joyeuse*, — хозяином которого стал юноша, представлялся ему новым миром, словно нарочно созданным для наслаждения, и стоило ему ускользнуть с заседания Совета или аудиенции, как он сбегал по широкой лестнице со ступенями из яркого порфира и бронзовыми львами по сторонам и, блуждая по анфиладам комнат и галереям, словно бы пытался красотой умерить боль и исцелиться от недуга.

В этих, как говорил он сам, странствиях в неведомое — ибо воистину для него это были путешествия по волшебной стране — его иногда сопровождали стройные и белокурые дворцовые пажи в развевающихся плащах и пестрых трепещущих лентах, но чаще он бродил один, понимая благодаря какому-то острому инстинкту, почти озарению, что тайны искусства должно познавать втайне и что Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве.

Много загадочного рассказывали о нем в ту пору. Говорили, что доблестный Бургомистр, прибывший к нему, дабы произнести витийственное приветствие от имени горожан, узрел юношу коленопреклоненным в неподдельном восторге перед картиной, только что присланной из Венеции, и это, казалось, возвещало почитание новых

* Радостный, счастливый (Фр.)

богов. В другой раз он исчез на несколько часов, и после продолжительных поисков его нашли в каморке, в одной из северных башен дворца, где он, оцепенев, любовался греческой геммой с изображением Адониса. Молва гласила, что видели, как прижимался он горячими губами к мраморному челу античной статуи, на которой было начертано имя вифинского раба, принадлежавшего Адриану, и которую обнаружили на дне реки при постройке каменного моста. Целую ночь провел он, следя, как играет лунный свет на серебряном лике Эндимиона.

Все, что было редко и драгоценно, постоянно влекло юношу, и в погоне за редкостями он посылал в путь множество купцов: одних — торговать янтарь у грубых рыбаков северного моря, иных — в Египет, искать ту необыкновенную зеленую бирюзу, которая заключена в одних лишь могилах фараонов и обладает, говорят, чудодейственными свойствами, иных — в Персию, за шелковыми коврами и расписной посудой, прочих же — в Индию, покупать кисею и раскрашенную слоновую кость, лунные камни и браслеты из нефрита, сандал, лазурную финифть и тонкие шерстяные шали.

Но больше всего иного занимало его одеяние из тканного золота, предназначенное для коронации, усеянная рубинами корона и скипетр, покрытый полосками и ободками жемчугов. Именно об этом думал он в тот вечер, лежа на своем роскошном ложе и глядя, как догорает в камине большое сосновое полено. Уже много месяцев назад вручили ему эскизы, выполненные знаменитейшими художниками того времени, и он распорядился, чтобы ремесленники ночью и днем трудились над его одеянием и чтобы по всему миру искали драгоценные камни, достойные их труда. Он воображал себя в прекрасном королевском облачении перед высоким алтарем Собора, и на его детских губах подолгу играла улыбка, озаряя ярким блеском его темные лесные глаза.

Немного погодя он встал и, опершись о резную полку над камином, оглядел погруженную в полумрак спальню. По стенам висели дорогие гобелены, изображавшие Торжество Красоты. В углу стоял большой шкаф, инкрустированный агатами и ляписом-лазурью, а напротив окна находился поставец редкой работы, с лаковыми панно, украшенными золотыми блестками и мозаикой, на котором были расставлены хрупкие кубки венецианского стекла и чаша из оникса с темными прожилками. Шелковое покрывало на ложе было расшито бледными маками, которые, казалось, не смогли удержать ослабевшие руки сна, и стройные тростинки резной слоновой кости поддерживали бархатный балдахин, а над ним белой пеной вздымались страусовые перья, достигая бледно-серебристого лепного потолка. Смеющийся Нарцисс из зеленоватой бронзы держал над головой полированное зеркало. На столе стояла плоская аметистовая чаша.

Из окна открывался вид на огромный купол Собора, нависший громадным шаром над прозрачными домами, да на усталых часовых, шагавших взад-вперед по террасе, едва различимой в речном тумане. Далеко в саду запел соловей. Слабый запах жасмина донесся из открытого окна. Юноша откинул со лба темные кудри и, взяв лютню, коснулся пальцами струн. Отяжелевшие веки его опустились, и им овладела странная истома. Никогда прежде не ощущал он с такой остротой и утонченной радостью таинство и волшебство прекрасных вещей.

Когда часы на башне пробили полночь, он коснулся рукой колокольчика, и вошли его пажи и, согласно церемонии, сняли с него одежды, окропили его руки розовой водой и усыпали его подушку цветами. Затем они оставили спальню, и несколько мгновений спустя юноша уснул.

И он спал, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он — под самой крышей, в душевной мастерской, и вокруг шумит и стучит множество ткацких станков. Чахлый свет пробивался сквозь зарешеченные окна, и в его отблесках молодой Король видел склонившихся над станками изможденных ткачей. Бледные, больные на вид дети съжившись сидели на толстых поперечинах станков. Когда челноки проскакивали сквозь основу, дети поднимали тяжелые рейки, а когда челноки останавливались, они опускали рейки иправляли нити. От голода щеки у детей втянулись, а исхудалые руки тряслись и дрожали. За столом сидели несколько изнуренных женщин и шили. Чудовищный запах стоял в мастерской. Воздух был тяжелый и нездоровый, а с заплеванных стен сочилась влага.

Молодой Король подошел к одному из ткачей и, стоя рядом, смотрел на него.

И ткач сердито взглянул на юношу и сказал:

— Отчего ты смотришь за мной? Не соглядатель ли ты, приставленный к нам хозяином?

— Кто твой хозяин? — спросил молодой Король.

— Хозяин? — с горечью воскликнул ткач. — Он такой же человек, как я. Воистину разница между нами лишь в том, что он носит добрую одежду, а я хожу в лохмотьях, что я ослабел от голода, а он немало страдает от обжорства.

— В нашей стране все свободны, — сказал молодой Король, — и ты не раб.

— На войне, — отвечал ткач, — сильный поработывает слабого, но наступит мир, и богатый поработывает бедного. Мы работаем, чтобы выжить, но нам платят так скудно, что мы умираем. Целыми днями мы трудимся на богачей, и они набивают сундуки золотом, и наши дети увядают раньше времени, и лица любимых суровеют и ожесточаются. Мы давим виноград, но вино пьют другие. Мы сеем хлеб, но пусто у нас на столе. На нас оковы, но их никто не видит; мы рабы, но зовемся свободными.

— Все ли живут так? — спросил молодой Король.

— Все живут так, — ответил ткач, — молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и старики. Нас грабят купцы, но нам приходится соглашаться на их цены. Священник проезжает мимо, перебирая четки, и никому нет до нас дела. Наши не знающие солнца закоулки обходит, озираясь голодными глазами, Нищета, и Грех с бесчувственным от пьянства лицом следует за нею. Горе будит нас по утрам, и Стыд сидит подле нас ночью. Но что тебе в том? Ты не из нас. Твое лицо слишком радостно.

И ткач отвернулся и пропустил челнок через основу, и молодой Король увидел, что его уток — золотая нить. И объял его великий страх, и он сказал ткачу:

— Что за одеяние ты ткешь?

— Это наряд для коронации молодого Короля, — ответил ткач. — Что тебе в том?

И молодой Король издал громкий крик и проснулся — и вот он снова лежал в своих покоях и, глянув в окно, увидел медвяную луну, висевшую в сумрачном небе.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он лежит на палубе огромной галеры, приводимой в движение сотней рабов-гребцов. Рядом с ним на ковре сидел капитан галеры. Он был черен, как эбеновое дерево, и тюрбан его был из алого шелка. Большие серебряные серьги оттягивали мочки его ушей, и в руках у него были весы из слоновой кости.

На рабах были лишь ветхие набедренные повязки, и каждый из них был прикован цепью к соседу. Над галерой полыхало жаркое солнце, а меж рабами бегали негры и полосовали их сырмятными ремнями. Рабы напрягали тощие руки и погружали тяжелые весла в воду. Из-под весел взлетали соленые брызги.

Наконец, достигнув маленькой бухты, они принялись промеривать глубину. Легкий ветерок дул в сторону моря и покрывал палубу и большой латинский парус мелкой красной пылью. Прискакали три араба на диких ослах и метнули в них копья. Капитан галеры поднял разноцветный лук, и его стрела вонзилась в горло одного из арабов. Тот плашмя рухнул в прибой, а его товарищи усакали. Женщина в желтой чадре медленно двинулась за ними на верблюде, то и дело оглядываясь на мертвое тело.

Как только был брошен якорь и спущен парус, негры сошли в трюм и вынесли оттуда длинную веревочную лестницу с тяжелыми свинцовыми грузилами. Капитан галеры перебросил лестницу через борт и закрепил ее концы на двух железных стойках. Потом негры схватили самого молодого из рабов, и сбили с его ног кандалы, и запечатали его ноздри и уши воском, и привязали к его поясу тяжелый камень. Раб медленно спустился по лестнице и исчез в море. В том месте, где он погрузился в воду, поднялись пузырьки. Другие рабы с любопытством глядели за борт. На носу галеры сидел заклинитель акул и монотонно бил в барабан.

Спустя некоторое время ныряльщик показался из воды и, тяжело дыша, уцепился за лестницу, и в правой руке держал он жемчужину. Негры отобрали ее и столкнули раба обратно в воду. Другие рабы дремали за веслами.

Ныряльщик являлся снова и снова и каждый раз приносил прекрасный жемчуг. Капитан галеры взвешивал жемчужины и прятал их в кошелек зеленой кожи.

Молодой Король хотел заговорить, но губы его не слушались и язык, казалось, присох к небу. Негры болтали друг с другом и ссорились из-за нитки разноцветных бус. Два журавля кругами летали над судном.

Затем ныряльщик появился в последний раз, и принесенная им жемчужина была прекраснее всех

жемчугов Ормуза, ибо она была подобна полной луне и казалась белее утренней звезды. Но лицо ныряльщика было до странности бледным, и, когда он упал на палубу, кровь хлынула из его ушей и ноздрей. Он вздрогнул и замер. Негры пожали плечами и бросили тело за борт.

И капитан галеры засмеялся, и, протянув руку, взял жемчужину, и, посмотрев на нее, он прижал ее ко лбу и поклонился.

— Эта жемчужина, — сказал он, — украсит скипетр молодого Короля. — И дал неграм знак поднимать якорь.

И, услышав это, молодой Король пронзительно вскрикнул и проснулся, и за окном он увидел длинные тусклые персты зари, вцепившиеся в бледнеющие звезды.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он бредет по сумрачному лесу, а вокруг растут странные плоды и прекрасные ядовитые цветы. Вслед ему шипели гадюки, и разноцветные попугаи крича перелетали с ветки на ветку. Грузные черепахи спали в теплой тине. На деревьях сидело множество обезьян и павлинов.

Он шел и шел, пока не достиг опушки, и там увидал он великое множество людей, работавших в русле высохшей реки. Толпами взбирались они на утесы, подобно муравьям. Они рыли глубокие колодцы в почве и спускались туда. Одни из них огромными топорами раскалывали камни, другие рылись в песке. Они с корнями вырвали кактус и растоптали алые цветы. Они спешили, перекликались, и ни один не оставался без дела.

Из темной пещеры на них взирали Смерть и Корусть, и Смерть сказала:

— Я устала. Отдай мне треть этих людей, и я уйду.

Но Корусть покачала головой.

— Нет, они мои слуги, — сказала она.

И Смерть молвила:

— Что у тебя в руке?

— Три пшеничных зерна, — ответила Корусть.

— Что тебе в том?

— Дай мне одно! — воскликнула Смерть. — Я посею его в моем саду. Одно лишь зерно, и тогда я уйду.

— Ничего я не дам тебе, — сказала Корусть и спрятала руку в складках одежды.

И Смерть засмеялась, и взяла чашу, и окунула ее в лужу, и из чаши восстала Лихорадка. Лихорадка обошла все великое множество людей, и каждый третий упал зауртво. За нею тянулся холодный туман, и водяные змеи ползли у нее по бокам.

И когда Корусть увидела, что треть всех людей мертва, она стала бить себя в грудь и рыдать. Она била себя в иссохшую грудь и громко кричала.

— Ты убила треть моих слуг! — возопила она. — Иди же прочь. В горах Татарии идет война, и цари воюющих племен взывают к тебе. Афганцы зарезали черного быка и выступили в поход. Они надели железные шлемы и барабанят копьями по щитам. На что тебе моя долина, зачем медлишь ты здесь? Иди же прочь и более не возвращайся.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

Но Корусть сжала ладонь и стиснула зубы.

— Ничего не дам я тебе, — пробормотала она.

И Смерть засмеялась, и подняла черный камень, и бросила его в лес, и из зарослей дикого болиголова в огненном одеянии явилась Горячка. Она обошла все великое множество людей и касалась их рукой, и кого коснулась она — тот умирал. И под ногами ее увядала трава.

И задрожала Корусть, и осыпала пеплом свою главу.

— Ты безжалостна, — возопила она, — ты безжалостна. В индийских городах голод, и колодцы Самарканда иссякли. В египетских городах голод, и

саранча пришла из пустыни. Нил вышел из берегов, и жрецы возносят молитву Исиде и Осирису. Иди к ждущим тебя и оставь моих слуг.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

— Ничего не дам я тебе, — сказала Корысть.

И снова засмеялась Смерть, и, вложив пальцы в рот, свистнула, и на свист прилетела по воздуху женщина. "Чума" было написано на ее челе, и стая тощих стервятников кружилась вокруг нее. Они распростерли свои крыла над долиной, и все люди упали замертво.

И Корысть с пронзительным криком бросилась в лес, а Смерть вскочила на своего красного коня и ускакала, и скакала она быстрее ветра.

И из слизи, скопившейся на дне долины, выползли драконы и чешуйчатые чудовища, и шакалы забегали по песку, ощупывая ноздрами воздух.

И молодой Король заплакал и сказал:

— Кто были те люди и чего искали они?

— Они искали рубины для королевской короны, — ответил тот, кто стоял у него за спиной.

И молодой Король вздрогнул и, повернувшись, увидел человека в одеждах паломника и с серебряным зеркалом в руках.

И молодой Король побледнел и спросил:

— Чья это корона?

И паломник ответил:

— Посмотри в это зеркало и увидишь чья.

И юноша глянул в зеркало и, узрев там свое лицо, пронзительно вскрикнул и проснулся, и яркий солнечный свет лился в его покои, и на деревьях в саду пели птицы.

И вошли Гофмейстер и главные сановники Государства и поклонились ему, и пажи поднесли ему облачение, тканное золотом, и положили пред ним корону и скипетр.

И молодой Король посмотрел на это облачение, и оно было прекрасно. Оно было прекраснее всего,

что он видывал раньше. Но он вспомнил, что снилось ему, и сказал вельможам:

— Унесите это, ибо этого я не приму.

И придворные изумились, и иные из них засмеялись, решив, что он шутит.

Но он остался непреклонен и сказал снова:

— Уберите это и спрячьте от меня. Хотя сегодня день моей коронации, я этого не приму. Ибо одеяние это соткано на ткацком стане Скорби белыми руками Боли. В сердце рубина — Кровь, и в сердце жемчуга — Смерть.

И он поведал им три своих сна.

И, услышав их, царедворцы, переглядываясь и перешептываясь, говорили:

— Воистину он лишился рассудка, ибо сон не есть ли просто сон, а видение — просто видение? Разве явь они, чтобы их остерегаться? И что нам жизнь тех, кто трудится на нас? И воздерживаться ли от хлеба, пока не увидишь пахаря, и от вина, пока не молвишь слова с виноградарем?

И Гофмейстер обратился к молодому Королю и сказал:

— Государь мой, прошу тебя: оставь эти черные мысли, и надень это прекрасное облачение, и возложи корону на голову. Ибо как народу знать, что ты король, если не будешь облачен по-королевски?

И посмотрел на него молодой Король.

— Воистину ли так? — спросил он. — И не узнают во мне короля, если не облачусь по-королевски?

— Не узнают, мой государь, — воскликнул Гофмейстер.

— Я думал прежде, что иным дан королевский облик, — ответил молодой Король. — Но может быть и так, как говоришь. Однако я не хочу ни этого одеяния, ни этой короны, но каким вошел во дворец, таким и выйду из него.

И молодой Король отослал всех прочь, кроме одного пажа, отрока, который был моложе его на

год и был оставлен им себе в товарищи. Его оставил он служить себе, и, совершив омовение прозрачной водой, открыл большой крашенный сундук, и оттуда достал кожаную тунуку и накидку из грубой овчины, которые носил, когда стерег на склонах холмов длиннорунных коз пастуха. Он надел тунуку и плащ и взял грубый пастуший посох.

И маленький паж, удивляясь, широко раскрыл синие глаза и с улыбкой сказал ему:

— Государь мой, вот одеяние твое и скипетр, но я не вижу короны.

И молодой Король сорвал побег дикого вереска, обвинившего балкон, и сделал из него венец и возложил его на голову.

— Вот корона, — ответил он.

И, так облачась, он вышел из своих покоев в Большой Зал Дворца, где ждали его придворные.

И развеселились придворные, и иные закричали ему:

— Государь, народ ждет короля, ты же явишься ему нищим.

И разгневались другие и сказали:

— Он навлек бесчестье на наше королевство и не достоин править нами.

Но он не сказал им ни слова, а пошел далее, и спустился по лестнице из блистающего порфира, и вышел из бронзовых ворот, и сел на коня, и поскакал к Собору, а маленький паж бежал следом за ним.

И народ смеялся и говорил:

— Вот едет королевский шут, — и потешался над ним.

И он натянул поводья и сказал:

— Не шут я, но Король.

И он поведал им три своих сна.

И вышел из толпы человек, и обратился к нему, и с горечью сказал:

— Государь, не зиждется ли жизнь бедного на роскоши богатого? Ваше великолепие кормит нас,

и ваши пороки дают нам хлеб. Работать на хозяина горько, но когда работать не на кого — еще горше. Думаешь ли, что вороны нас прокормят? И знаешь ли от этого лекарство? Велишь ли покупающему, да купит за столько-то, и продающему, да продаст за столько-то? Не может такое случиться. Потому воротись во Дворец и облачись в пурпур и тонкие ткани. Что тебе мы и наши страдания?

— Не братья ли богатый и бедный? — спросил молодой Король.

— Братья, — ответил тот, — и имя богатому — Каин.

И глаза молодого Короля наполнились слезами, и он тронулся в путь под ропот толпы, и маленький паж испугался и оставил его.

И когда он достиг соборных врат, стражи выставили свои алебарды и сказали:

— Чего тебе надобно здесь? Никто, кроме Короля, да не войдет в эти двери.

И лицо его покраснело от гнева, и он сказал им:

— Я Король, — и он отвел в сторону их алебарды и вошел.

И когда старый епископ увидел его, одетого пастухом, то в изумлении поднялся со своего места, и пошел навстречу ему, и сказал:

— Сын мой, в королевском ли ты облачении? И какой короной буду венчать тебя, и какой скипетр вложу в твою руку? Воистину се день твоей радости, а не унижения.

— Должно ли Радости облачиться в сотканное Горем? — спросил молодой Король.

И он поведал ему три своих сна. Епископ же, услышав их, нахмурил брови и сказал:

— Сын мой, я стар и на склоне лет знаю, что много зла творится в мире. Беспощадные разбойники спускаются с гор, и уносят малых детей, и продают их маврам. Львы подстерегают караваны и набрасываются на верблюдов. Дикие вепри вытаптывают посевы на равнинах, и лисы обглаживают

виноградники на склонах гор. Пираты опустошают морское побережье, и жгут рыбацкие лодки, и отнимают у рыбаков сети. Прокаженные обитают в солончаках и плетут тростниковые хижины, и никто не смеет приблизиться к ним. Нищие бродят по городам и едят вместе с псами. Можешь ли ты сделать, чтобы этого не было? Положишь ли к себе в постель прокаженного, посадишь ли нищего с собой за стол? Послушает ли лев твою просьбу и покорится ли тебе кабан? Разве Тот, кто создал нищету, не мудрее тебя? Потому не хвалю тебя за то, что ты содеял, но прошу: поезжай во Дворец, и да будет на лице твоём веселье, и на тебе — одежда, подобающие королю, и я возложу на твою голову золотую корону и вложу в твою руку жемчужный скипетр. Что же до твоих снов, не помышляй о них более. Бремя мира сего не вынести одному человеку, и скорбь мира сего не выстрадать одному сердцу.

— В чьем доме говоришь ты это? — сказал молодой Король, и прошел мимо епископа, и поднялся по ступеням алтаря, и предстал перед ликом Христовым.

Он стоял перед ликом Христовым, и ошую и одесную от него были чудесные золотые сосуды — потир с янтарным вином и чаша с миррой. Он преклонил колени перед ликом Христовым, и ярко горели высокие свечи вокруг усеянной драгоценными камнями святыни, и благовонный дым курясь поднимался к куполу тонкими голубыми венчиками. Склонив голову, он молился, и священнослужители неслышно отошли от алтаря в своих неуклюжих ризах.

И вдруг в дверях послышался страшный шум, и в храм вошли придворные с обнаженными мечами, и перья покачивались на их шляпах, а стальные щиты сверкали.

— Где этот сновидец? — кричали они. — Где этот Король, ряженный нищим, этот мальчишка,

покрывший позором наше королевство? Воистину мы убьем его, ибо он недостойн править нами.

И молодой Король вновь опустил голову, и молился, и, окончив молитву, встал, и, обернувшись, печально смотрел на них.

И вот через оконные витражи на него хлынул солнечный свет и лучи солнца соткали вокруг него облачение прекраснее того, что сделали ради его роскоши. Мертвый посох расцвел, и на нем распустились лилии, которые были белее жемчуга. Сухой шип расцвел, и на нем распустились розы, которые были краснее рубинов. Белее отборных жемчужин были лилии, и стебли их были чистого серебра. Краснее кровавых рубинов были розы, и листья их были чеканного золота.

Он стоял в королевском облачении, и врата изукрашенного драгоценными камнями алтаря отверзлись, и из хрустальных граней дароносицы полился таинственный, дивный свет. Он стоял в королевском облачении, и святые, казалось, ожили в глубоких нишах. В прекрасном королевском облачении предстал он пред ними, и загудел орган, и затрубили в свои трубы трубачи, и запели певчие.

И народ в страхе преклонил колени, и придворные вложили мечи в ножны и присягнули ему на верность, и лицо епископа побледнело, а руки его задрожали.

— Тот, кто выше меня, венчал тебя! — воскликнул он и встал перед ним на колени.

И молодой Король спустился со ступеней алтаря и, пройдя сквозь толпу, пошел во Дворец. Но никто не смел взглянуть ему в лицо, ибо оно было подобно ангельскому лику.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА АРТУРА СЭВИЛА

Размышление о чувстве долга

I

Леди Уиндермир давала последний прием перед пасхой, и дом был заполнен до отказа. Шесть министров явились прямо из парламента в орденах и лентах, светские красавицы блистали изящнейшими туалетами, а в углу картинной галереи стояла принцесса София из Карлсруэ — грузная дама с роскошными изумрудами и крохотными черными глазами на скуластом татарском лице; она очень громко говорила на скверном французском и неумеренно хохотала в ответ на любую реплику. Как все чудесно перемешалось! Сиятельные леди запросто болтали с воинствующими радикалами, прославленные проповедники по-приятельски беседовали с известными скептиками, стайка

епископов порхала из зала в зал вслед за дебелой примадонной, на лестнице стояли несколько действительных членов Королевской академии, маскирующихся под богему, и прошел слух, что столовую, где накрыли ужин, просто оккупировали гении. Без сомнения, это был один из лучших вечеров леди Уиндермир, и принцесса задержалась почти до половины двенадцатого.

Как только она уехала, леди Уиндермир вернулась в картинную галерею, где знаменитый экономист серьезно и обстоятельно разъяснял научную теорию музыки негодующему виртуозу из Венгрии, и заговорила с герцогиней Пейсли.

Как хороша была хозяйка вечера! Невозможно не восхищаться белизной ее точеной шеи, незабудковой синевой глаз и золотом волос. То было и в самом деле *or pur**, а не бледно-желтый цвет солом, который ныне смеют сравнивать с благородным металлом, то было золото, вплетенное в солнечные лучи и упрятанное в таинственной толще янтаря; в золотом обрамлении ее лицо светилось, как лик святого, но и не без магической прелести греха. Она являла собой интересный психологический феномен. Уже в юности она познала ту важную истину, что опрометчивость и легкомыслие чаще всего почитают за невинность. За счет нескольких дерзких проделок — большей частью, впрочем, совершенно безобидных — она приобрела известность и уважение, подобающие видной личности. Она не раз меняла мужей (согласно справочнику Дебретта, их у нее было три), но сохранила одного любовника, и потому пересуды на ее счет давно прекратились. Ей недавно исполнилось сорок, она была бездетна и обладала той неумемной жадой

*Чистое золото (фр.)

удовольствий, которая единственно и продлевает молодость.

Вдруг она нетерпеливо огляделась и проговорила своим чистым контральто:

— Где мой хиромант?

— Кто-кто, Глэдис? — вздрогнув, воскликнула герцогиня.

— Мой хиромант, герцогиня. Я теперь жить без него не могу.

— Глэдис, милая, ты всегда так оригинальна, — пробормотала герцогиня, пытаясь вспомнить, что такое хиромант, и опасаясь худшего.

— Он приходит два раза в неделю, — продолжала леди Уиндермир, — и извлекает интереснейшие вещи из моей руки.

— О боже! — тихо ужаснулась герцогиня. — Что-то вроде мозольного оператора. Какой кошмар. Надеюсь, он, по крайней мере, иностранец. Это было бы еще не так страшно.

— Я непременно должна вас познакомить.

— Познакомить! — вскричала герцогиня. — Он что же, здесь? — Она принялась искать глазами свой черепаховый веер и весьма потрепанную кружевную накидку, с тем чтобы, если потребуется, ретироваться без промедления.

— Разумеется, он здесь. Какой же прием без него! Он говорит, что у меня богатая, одухотворенная рука и что если бы большой палец был чуточку короче, то я была бы меланхолической натурой и пошла в монастырь.

— Ах, вот что. — У герцогини отлегло от сердца.

— Он гадает!

— И угадывает! — подхватила леди Уиндермир.

— И так ловко! Вот в будущем году, например, меня подстерегает большая опасность и на суше и на море, так что я буду жить на воздушном шаре, а ужин мне по вечерам будут поднимать в корзине. Это все написано на моем мизинце — или на ладони, я точно не помню.

— Ты искушаешь PROVIDENCE, Глэдис.

— Милая герцогиня, я уверена, что провидение давно научилось не поддаваться искушению. Помоему, каждый должен ходить к хироманту хотя бы раз в месяц, чтобы знать, что ему можно и чего нельзя. Потом мы, конечно, делаем все наоборот, но как приятно знать о последствиях заранее! Если кто-нибудь сейчас же не отыщет мистера Поджерса, я пойду за ним сама.

— Позвольте мне, леди Уиндермир, — сказал высокий красивый молодой человек, который в продолжение всего разговора стоял, улыбаясь, рядом.

— Спасибо, лорд Артур, но вы же его не знаете.

— Если он такой замечательный, как вы рассказывали, леди Уиндермир, я его ни с кем не спутаю. Опишите его внешность, и я сию же минуту приведу его.

— Он совсем не похож на хироманта. То есть в нем нет ничего таинственного, романтического. Маленький, полный, лысый, в больших очках с золотой оправой — нечто среднее между семейным доктором и провинциальнымстряпчим. Сожалею, но я, право, не виновата. Все это очень досадно. Мои пианисты страшно похожи на поэтов, а поэты на пианистов. Помню, в прошлом сезоне я пригласила на обед настоящее чудовище — заговорщика, который взрывает живых людей, ходит в кольчуге, а в рукаве носит кинжал. И что бы вы думали? Он оказался похожим на старого пастора и весь вечер шутил с дамами. Он был очень остроумен и все такое, но представьте, какое разочарование! А когда я спросила его о кольчуге, он только рассмеялся и ответил, что в Англии в ней было бы холодно. А вот и мистер Поджерс! Сюда, мистер Поджерс. Я хочу, чтобы вы погадали герцогине Пейсли. Герцогиня, вам придется снять перчатку. Нет, не эту, другую.

— Право, Глэдис, это не вполне прилично, — проговорила герцогиня, нехотя расстегивая отнюдь не новую лайковую перчатку.

— Все, что интересно, не вполне прилично, — парировала леди Уиндермир. — *On a fait le monde ainsi** Но я должна вас познакомить. Герцогиня, это мистер Поджерс, мой прелестный хиромант. Мистер Поджерс, это герцогиня Пейсли, и если вы скажете, что ее лунный бугор больше моего, я вам уже никогда не поверю.

— Глэдис, я уверена, что у меня на руке нет ничего подобного, — с достоинством произнесла герцогиня.

— Вы совершенно правы, ваша светлость, — сказал мистер Поджерс, взглянув на пухлую руку с короткими толстыми пальцами, — лунный бугор не развит. Но линия жизни, напротив, видна превосходно. Согните, пожалуйста, руку. Вот так, благодарю. Три четких линии на сгибе! Вы доживете до глубокой старости, герцогиня, и будете очень счастливы. Честолюбие... весьма скромно, линия интеллекта... не утрирована, линия сердца...

— Говорите все как есть, мистер Поджерс! — вставила леди Уиндермир.

— С превеликим удовольствием, сударыня, — сказал мистер Поджерс и поклонился, — но увы, герцогиня не дает повода для пространных рассказов. Я вижу редкое постоянство в сочетании с завидным чувством долга.

— Продолжайте, прошу вас, мистер Поджерс, — весьма благосклонно произнесла герцогиня.

— Не последнее из достоинств вашей светлости — бережливость, — продолжал мистер Поджерс, и леди Уиндермир прыснула со смеху.

— Бережливость — прекрасное качество, — удовлетворенно проговорила герцогиня. — Когда я вышла за Пейсли, у него было одиннадцать замков и ни одного дома, пригодного для жизни.

*Так уж устроен мир (фр.)

— А теперь у него двенадцать домов и ни одного замка! — отозвалась леди Уиндермир.

— Видишь ли, милая, я люблю...

— Комфорт, — произнес мистер Поджерс, — удобства и горячую воду в каждой спальне. Вы совершенно правы, ваша светлость. Комфорт — это единственное, что может нам дать цивилизация.

— Вы чудесно отгадали характер герцогини, мистер Поджерс. Теперь погадайте леди Флоре. — Повинуясь знаку улыбающейся хозяйки, из-за дивана неловко выступила высокая девушка с острыми лопатками и рыжеватыми волосами, выдающими шотландское происхождение; она протянула худую, длинную руку с крупными и как бы приплюснутыми пальцами.

— А, пианистка! Вижу, вижу, — сказал мистер Поджерс. — Превосходная пианистка, хотя, пожалуй, и не из тех, что зовутся музыкантами. Скромна, честна, очень любит животных.

— Сущая правда! — воскликнула герцогиня, обращаясь к леди Уиндермир. — Флора держит в Маккლოსки две дюжины овчарок. Она бы и наш городской дом превратила в зверинец, если б только отец позволил.

— Со своим домом я это проделываю каждый четверг, — рассмеялась леди Уиндермир, — вот только овчаркам предпочитаю львов.

— Тут вы ошибаетесь, леди Уиндермир, — сказал мистер Поджерс и чинно поклонился.

— Женщина без милых ошибок — это не женщина, а особа женского пола. Но погадайте нам еще. Сэр Томас, покажите вашу руку.

Приятного вида пожилой господин в белом жилете протянул большую шершавую руку с весьма длинным средним пальцем.

— Непоседливый нрав; четыре дальних путешествия в прошлом, одно еще предстоит. Трижды попадал в кораблекрушение. Нет-нет, дважды, но рискует разбиться вновь. Убежденный консерватор,

весьма пунктуален, страстный коллекционер. Тяжело болел в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. В тридцать унаследовал крупное состояние. Питает отвращение к кошкам и радикалам.

— Поразительно! — вскричал сэр Томас. — Вы непременно должны погадать моей жене.

— Вашей второй жене, — уточнил мистер Поджерс, все еще не выпуская из рук пальцы сэра Томаса. — С превеликим удовольствием.

Но леди Марвел — меланхоличная дама с каштановыми волосами и сентиментальными ресницами — наотрез отказалась предать гласности свое прошлое и будущее; а русский посол мосье де Колов не пожелал даже снять перчатки, несмотря на все увещевания леди Уиндермир. Да и многие другие побоялись предстать перед забавным человеком с шаблонной улыбкой, очками в золотой оправе и пронизательными глазами-бусинками; а уж когда он сказал бедной леди Фермор — прямо здесь, в обществе, — что она равнодушна к музыке, но очень любит музыкантов, никто более не сомневался, что хиромантия — крайне опасная наука и поощрять ее не следует, кроме как *tete-a-tete**.

Однако лорду Артуру Сэвилу, который ничего не знал о печальной истории леди Фермор и с небольшим интересом наблюдал за мистером Поджерсом, чрезвычайно захотелось, чтобы ему тоже погадали, но, не решаясь громко заявить о своем желании, он подошел к леди Уиндермир и, очаровательно покраснев, спросил, удобно ли, по ее мнению, побеспокоить мистера Поджерса.

— Ну разумеется! — сказала леди Уиндермир. — Он здесь для того, чтобы его беспокоили. Все мои львы, лорд Артур, это львы-артисты; по перво-

*С глазу на глаз (фр.)

му моему слову они прыгают через обруч. Но я вас предупреждаю, что ничего не утаю от Сибил. Я жду ее завтра к обеду — нам надо поболтать о шляпках, и, если мистер Поджерс выяснит, что у вас дурной нрав, или склонность к подагре, или же-на в Бейсуотере, я все ей непременно передам.

Лорд Артур улыбнулся и покачал головой.

— Я не боюсь. Она обо мне все знает, как и я о ней.

— В самом деле? Вы меня, право, немного огорчили. Взаимные иллюзии — вот лучшая основа для брака. Нет-нет, я не цинична, просто у меня есть опыт — впрочем, это одно и то же. Мистер Поджерс, лорд Артур Сэвил мечтает, чтоб вы ему погадали. Только не говорите, что он обручен с одной из милейших девушек в Лондоне: об этом "Морнинг пост" сообщила месяц тому назад.

— Леди Уиндермир, душечка, — вскричала маркиза Джедберг, — оставьте мне мистера Поджерса. Он только что сказал, что меня ждут подмостки — как интересно!

— Если он вам такое сказал, леди Джедберг, я заберу его от вас сию же секунду. Сюда, мистер Поджерс. Погадайте лорду Артуру.

— Что ж, — леди Джедберг построила обиженное личико и поднялась с дивана, — если мне нельзя на сцену, разрешите хотя бы быть зрителем.

— Разумеется. Мы все будем зрителями, — объявила леди Уиндермир. — Итак, мистер Поджерс, сообщите нам что-нибудь приятное. Лорд Артур — мой любимец.

Но, взглянув на руку лорда Артура, мистер Поджерс странно побледнел и не произнес ни слова. Он зябко поежился, и его кустистые брови уродливо задергались, как это случалось, когда он был в рас-терянности. На желтоватом лбу мистера Поджерса появились крупные бусинки пота, словно капли ядовитой росы, а его толстые пальцы сделались влажными и холодными.

Лорд Артур заметил эти признаки смятения и сам — впервые в жизни — почувствовал страх. Ему захотелось повернуться и бежать, но он сдержал себя. Лучше знать все, даже самое ужасное. Невыносимо оставаться в неведении.

— Я жду, мистер Поджерс, — сказал он.

— Мы все ждем! — нетерпеливо заметила леди Уиндермир, но хиромант по-прежнему молчал.

— Артуру, наверное, суждено играть на театре, — предположила леди Джедберг, — но вы были так строги с мистером Поджерсом, что он вас теперь боится.

Внезапно мистер Поджерс отпустил правую руку лорда Артура и схватил левую, склонившись над ней так низко, что золотая оправа его очков почти коснулась ладони. Мгновение его побелевшее лицо выражало неподдельный ужас, но он быстро совладал с собой, и, повернувшись к леди Уиндермир, произнес с деланной улыбкой:

— Передо мной рука очаровательного молодого человека.

— Это ясно, — ответила леди Уиндермир. — Но будет ли он очаровательным мужем? Вот что я хочу знать.

— Как все очаровательные молодые люди, — сказал мистер Поджерс.

— По-моему, муж не должен быть слишком обворожительным, — в задумчивости проговорила леди Джедберг. — Это опасно.

— Дитя мое, — воскликнула леди Уиндермир, — муж никогда не бывает слишком обворожителен! Но я требую подробностей. Только подробности интересны. Что ждет лорда Артура?

— Гм, в течение ближайших месяцев лорд Артур отправится в путешествие...

— Ну разумеется, в свадебное!

— И потеряет одного из родственников.

— Надеюсь, не сестру? — жалобно спросила леди Джедберг.

— Нет, безусловно не сестру, — мистер Поджерс жестом успокоил ее. — Кого-то из дальней родни.

— Что ж, я безумно разочарована, — заявила леди Уиндермир. — Мне абсолютно нечего рассказать Сибил. Дальняя родня теперь никого не волнует — она давно уже вышла из моды. Впрочем, пусть Сибил купит черного шелку — он хорошо смотрится в церкви. А теперь ужинать. Там, конечно, давно все съели, но нам, быть может, подадут горячий суп. Когда-то Франсуа готовил отменный суп, но теперь он так увлекся политикой, что я не знаю, чего и ждать. Скорее бы уговорился этот генерал Буланже. Герцогиня, вы не устали?

— Вовсе нет, Глэдис, свет мой, — отозвалась герцогиня, ковыляя к двери. — Я получила огромное удовольствие, и этот твой ортодонт, то бишь хиромант, весьма интересен. Флора, где мой черепаховый веер? Ах, спасибо, сэр Томас. А моя кружевная накидка, Флора? Благодарю вас, сэр Томас, вы очень любезны. — И сия достойная дама спустилась, наконец, по лестнице, уронив свой флакон с духами не более двух раз.

В продолжение всего того времени лорд Артур Сэвил стоял у камина, объятый нестерпимым страхом, язвящей душу тревогой перед безжалостным роком. Он грустно улыбнулся сестре, когда та пропорхнула мимо в прелестной розовой парче и жемчугах, легко опершись на руку лорда Плимдейла, и словно во сне слышал, как леди Уиндермир пригласила его следовать за собой. Он думал о Сибил Мертон — и при мысли, что их могут разлучить, его глаза затуманились от слез.

Глядя на него, можно было подумать, что Немезида, похитив щит Афины, показала ему голову Медузы Горгоны. Он словно окаменел, а меланхолическая бледность сделала его лицо похожим на мрамор. Сын знатных и богатых родителей, до сих пор он знал лишь жизнь, полную чудесной роскоши и тонкого изящества, жизнь по-мальчишески

беспечную, начисто лишенную презренных забот; теперь — трагическую неотвратимость судьбы.

Чудовищно, невероятно! Неужели на его руке начертано тайное послание, которое расшифровал этот человек, — предвестие злодейского греха, кровавый знак преступления? Неужели нет спасения? Или мы в самом деле всего лишь шахматные фигуры, которые незримая сила передвигает по своей воле, — пустые сосуды, подвластные рукам гончара, готовые для славы и для позора? Разум восставал против этой мысли, но лорд Артур чувствовал близость ужасной трагедии, словно вдруг на него взвалили непосильную ношу. Хорошо актерам! Они выбирают, что играть, — трагедию или комедию, сами решают, страдать им или веселиться, лить слезы или хохотать. Но в жизни все не так. В большинстве своем мужчины и женщины вынуждены играть роли, для которых они совсем не подходят. Наши Гильденстерны играют Гамлета, а наши Гамлеты паясничают, как принц Хэл. Весь мир — сцена, но спектакль выходит скверный, ибо роли распределены из рук вон плохо.

Внезапно в гостиную вошел мистер Поджерс. Увидев лорда Артура, он вздрогнул, и его крупное, одутловатое лицо стало зеленовато-желтым. Их глаза встретились и с минуты оба молчали.

— Герцогиня забыла здесь перчатку, лорд Артур, и меня за ней послали, — проговорил наконец мистер Поджерс. — Вот она, на диване. Честь имею.

— Мистер Поджерс, я настаиваю, чтобы вы мне прямо ответили на один вопрос.

— В другой раз, лорд Артур. Герцогиня очень волнуется. Ну, я пойду.

— Нет, не пойдете. Герцогиня подождет.

— Нехорошо заставлять даму ждать, лорд Артур, — пролепетал мистер Поджерс со своей тошнотворной улыбочкой. — Прекрасному полу свойственно нетерпение.

Красивые губы лорда Артура слегка изогнулись, придав лицу дерзкое, презрительное выражение. Какое ему было дело в эту минуту до бедной герцогини! Он пересек гостиную и, остановившись перед мистером Поджерсом, протянул руку.

— Скажите, что вы там прочли. Скажите правду. Я должен знать. Я не ребенок.

Глазки мистера Поджерса заморгали за стеклами очков; он неловко переминался с ноги на ногу, тербя блестящую цепочку от часов.

— А почему вы, собственно, решили, лорд Артур, что я прочел по вашей руке больше, чем сказал?

— Я в этом уверен и желаю все знать. Я заплачу. Я дам вам чек на сто фунтов.

Зеленые глазки сверкнули и вновь погасли.

— Сто гиней? — еле слышно произнес мистер Поджерс после долгого молчания.

— Да, разумеется. Я пришлю вам чек завтра. Какой у вас клуб?

— Я не состою в клубе. Временно не состою. Мой адрес... но позвольте, я дам вам свою карточку. — С этими словами мистер Поджерс извлек из кармана карточку с золотым обрезом и, низко поклонившись, протянул ее лорду Артуру;

М-Р СЕПТИМУС Р. ПОДЖЕРС

Профессиональный хиромант

Уэст-Мун-стрит, 103а

— Я принимаю с десяти до четырех, — машинально добавил мистер Поджерс. — Семьям предоставляю скидку.

— Быстрее! — вскричал лорд Артур. Он по-прежнему стоял с протянутой рукой и был чрезвычайно бледен.

Мистер Поджерс опасливо оглянулся и задернул тяжелую портьеру.

— Мне нужно время, лорд Артур. Присядьте.

— Быстрее, сэри! — снова вскричал лорд Артур и рассерженно топнул ногой по полированному паркету.

Мистер Поджерс улыбнулся, извлек из нагрудного кармана увеличительное стекло и тщательно протер его носовым платком.

— Я готов, — сказал он.

II

Десять минут спустя лорд Артур Сэвил выбежал из дома с выражением ужаса на бледном лице и молчаливой мукой в глазах, протиснулся сквозь укутанных в шубы лакеев, столпившихся под полосатым навесом, и ринулся прочь, ничего не видя и не слыша. Ночь была холодная, и дул пронизывающий ветер, от которого газовые фонари на площади попеременно вспыхивали и тускнели, но у лорда Артура горели руки и лоб его пылал. Он шел не останавливаясь, нетвердой поступью пьяного, и полицейский на углу с любопытством проводил его взглядом. Нищий, сунувшийся было за подаянием, перепугался при виде такого отчаяния, какое даже ему не снилось. Один раз лорд Артур остановился под фонарем и посмотрел на свои руки. Ему показалось, что уже сейчас на них расплываются кровавые пятна, и с дрожащих губ слетел негромкий стон.

Убийство! Вот что увидел хиромант. Убийство! Ужасное слово звенело во мраке, и безутешный ветер шептал его на ухо. Это слово кралось по ночным улицам и скалило зубы с крыш.

Он вышел к Гайд-парку: его безотчетно влекло к этим темным деревьям. Он устало прислонился к ограде и прижал лоб к влажному металлу, вбирая тревожную тишину парка.

"Убийство! Убийство!" — повторял он, словно надеясь притупить чудовищный смысл пророчества. От звука собственного голоса он содрогался, но в то же время ему хотелось, чтобы громогласное эхо, услышав его, пробудило весь огромный

спящий город. Его охватило безумное желание остановить первого же прохожего и все ему рассказать.

Он двинулся прочь, пересек Оксфорд-стрит и углубился в узкие улочки — прибежище низменных страстей. Две женщины с ярко раскрашенными лицами осыпали его насмешками. Из темного двора послышалась ругань и звук ударов, а затем пронзительный вопль; сгорбленные фигуры, припавшие к сырой стене, явили ему безобразный облик старости и нищеты. Он почувствовал странную жалость. Возможно ли, чтоб эти дети бедности и греха так же, как и он сам, только следовали предначертанию? Неужто они, как и он, лишь марионетки в дьявольском спектакле?

Нет, не тайна, а ирония людских страданий поразила его, их полная бессмысленность, бесполезность. Как все нелепо, несообразно! Как начисто лишено гармонии! Его потрясло несоответствие между бойким оптимизмом повседневности и подлинной картиной жизни. Он был еще очень молод.

Спустя некоторое время он вышел к Марилебонской церкви. Пустынная мостовая была похожа на ленту отполированного серебра с темными арабскими колышущихся теней. Ряд мерцающих газовых фонарей убежал, извиваясь, вдаль; перед домом, обнесенным невысокой каменной оградой, стоял одинокий экипаж со спящим кучером. Лорд Артур поспешно зашагал по направлению к Портланд-Плейс, то и дело оглядываясь, словно опасаясь погони. На углу Рич-стрит стояли двое: они внимательно читали небольшой плакат. Лорда Артура охватило болезненное любопытство, и он перешел через дорогу. Едва он приблизился, как в глаза ему бросилось слово "УБИЙСТВО", напечатанное черными буквами. Он вздрогнул, и щеки его залились румянцем. Полиция предлагала вознаграждение за любые сведения, которые помогут за-

держат мужчину среднего роста, в возрасте от тридцати до сорока лет, в котелке, черном сюртуке и клетчатых брюках, со шрамом на правой щеке. Читая объявление снова и снова, лорд Артур мысленно спрашивал себя, поймают ли этого несчастного и откуда у него шрам. Когда-нибудь, возможно, и его имя расклеят по всему Лондону. Возможно, и за его голову назначат цену.

От этой мысли он похолодел. Резко повернувшись, он кинулся во мрак.

Он шел, не разбирая дороги. Лишь смутно вспоминал он потом, как бродил в лабиринте грязных улиц, как заблудился в бесконечном сплетенье темных тупиков и переулков, и, когда уже небо озарилось рассветным сияньем, вышел наконец на площадь Пикадилли.

Устало повернув к дому в сторону Белгрейв-сквер, он столкнулся с тяжелыми фермерскими повозками, катящимися к Ковент-Гарден. Возчики в белых фартуках, с открытыми загорелыми лицами и жесткими кудрями, неторопливо шагали, щелкая кнутами и перебрасываясь отрывистыми фразами. Верхом на огромной серой лошади во главе шумной процессии сидел круглолицый мальчишка в старой шляпе, украшенной свежими цветами примулы; он крепко вцепился ручонками в гриву и громко смеялся. Горы овощей сверкали, как россыпи нефрита на фоне утренней зари, как зеленый нефрит на фоне нежных лепестков роскошной розы. Лорд Артур был взволнован, сам не зная почему. Что-то в хрупкой прелести рассвета показалось ему невыразимо трогательным, и он подумал о бесчисленных днях, что занимают в мирной красоте, а угасают в буре. И эти люди, что перекликаются так непринужденно, грубовато и благодушно, — какую странную картину являет им Лондон в столь ранний час! Лондон без ночных страстей и дневного чада — бледный, призрачный город, скопище безжизненных склепов. Что они ду-

мают об этом городе, известно ли им о его великолепии и позоре, о безудержном, феерическом веселье и отвратительном голоде, о бесконечной смене боли и наслаждений? Возможно, для них это только рынок, куда они свозят плоды своего труда, где проводят не более двух-трех часов и уезжают по еще пустынным улицам, мимо спящих домов. Ему приятно было смотреть на них. Грубые и неловкие, в тяжелых башмаках, они все же казались посланцами Аркадии. Он знал, что они слились с природой и природа дала им душевный покой. Как не завидовать их невежеству!

Когда он добрел до Белгрейв-сквер, небо слегка поголубело и в садах зазвучали птичьи голоса.

III

Когда лорд Артур проснулся, был полдень, и солнечные лучи заливали спальню, струясь сквозь кремовый шелк занавесок. Он встал и выглянул в окно. Лондон был погружен в легкую дымку жары, и крыши домов отливали темным серебром. Внизу, на ослепительно зеленом газоне, порхали дети, как белые бабочки, а на тротуаре теснились прохожие, идущие в парк. Никогда еще жизнь не казалась такой чудесной, а все страшное и дурное таким далеким.

Слуга принес на подносе чашку горячего шоколада. Выпив шоколад, он отодвинул бархатную портьеру персикового цвета и вошел в ванную. Сверху, через тонкие пластины прозрачного оникса падал мягкий свет, и вода в мраморной ванне искрилась, как лунный камень. Он поспешно лег в ванну, и прохладная вода коснулась его шеи и волос, а потом окунул и голову, словно желая смыть какое-то постыдное воспоминание. Вылезая, он почувствовал, что почти обрел обычное свое душевное равновесие. Сиюминутное физическое наслаждение поглотило его, как это часто бывает у

тонко чувствующих натур, ибо наши ощущения, как огонь, способны не только истреблять, но и очищать.

После завтрака он прилег на диван и закурил папиросу. На каминной доске стояла большая фотография в изящной рамке из старинной парчи — Сибил Мертон, какой он впервые увидел ее на балу у леди Ноэл. Маленькая, изысканная головка чуть наклонена, словно грациозной шее-стебельку трудно удержать бремя ослепительной красоты, губы слегка приоткрыты и кажутся созданными для нежной музыки, и все очарование чистой девичьей души глядит на мир из мечтательных, удивленных глаз. В мягко облегающем платье из крепдешина, с большим веером в форме листа платана, она похожа на одну из тех прелестных статуэток, что находят в оливковых рощах возле Танагры, — в ее позе, в повороте головы есть истинно греческая грация. И в то же время ее нельзя назвать миниатюрной. Ее отличает совершенство пропорций — большая редкость в наше время, когда женщины в основном либо крупнее, чем положено природой, либо ничтожно мелки.

Теперь, глядя на нее, лорд Артур ощутил безмерную жалость — горький плод любви. Жениться, когда над ним нависает зловещая тень убийства, было бы предательством сродни поцелую Иуды, коварством, какое не снилось даже Борджиа. Что за счастье уготовано им, когда в любую минуту он может быть призван выполнить ужасное пророчество, написанное на ладони? Что за жизнь ждет их, пока судьба таит в себе кровавое обещанье? Во что бы то ни стало свадьбу надо отложить. Тут он будет тверд. Он страстно любил эту девушку; одно прикосновение ее пальцев, когда они сидели рядом, наполняло его чрезвычайным волнением и неземной радостью, и все же он ясно понимал, в чем состоит его долг, сознавая, что не имеет права жениться, пока не совершит убийство. Сделав то, что надлежит, он поведет Сибил Мертон к

алтарю и без страха вверит ей свою жизнь. Тогда он сможет обнять ее, твердо зная, что никогда ей не придется краснеть за него и склонять голову от стыда. Но прежде надо выполнить требование судьбы — и чем скорее, тем лучше для них обоих.

Многие в его положении предпочли бы сладкий самообман сознанию жестокой необходимости, но лорд Артур был слишком честен, чтобы ставить удовольствие выше долга. Его любовь — не просто страсть: Сибил олицетворяла для него все, что есть лучшего и благороднейшего. На мгновение то, что ему предстояло, показалось немыслимым, отвратительным, но это чувство скоро прошло. Сердце подсказало ему, что это будет не грех, а жертва; разум напомнил, что другого пути нет. Перед ним выбор: жить для себя или для других, и как ни ужасна возложенная на него задача, он не позволит эгоизму возобладать над любовью. Рано или поздно каждому из нас приходится решать то же самое, отвечать на тот же вопрос. С лордом Артуром это случилось рано, пока он был еще молод и не заражен цинизмом и расчетливостью зрелых лет, пока его сердце не разъело модное ныне суетное себялюбие, и он принял решение не колеблясь. К тому же — и в этом его счастье — он не был мечтателем и праздным дилетантом. В противном случае он долго сомневался бы, как Гамлет, и нерешительность затуманила бы цель. Нет, лорд Артур был человеком практичным. Для него жить — значило действовать, скорее чем размышлять. Он был наделен редчайшим из качеств — здравым смыслом.

Безумные, путанные ночные переживания теперь совершенно улетучились, и ему даже стыдно было вспоминать, как он слепо бродил по городу, как метался в неистовом волнении. Сама искренность его страданий, казалось, лишала их реальности. Теперь ему было непонятно, как он мог вести себя столь глупо — роптать на то, что неотвратимо! Сейчас

его беспокоил только один вопрос: кого убить, — ибо он понимал, что для убийства, как для языческого обряда, нужен не только жрец, но и жертва. Не будучи гением, он не имел врагов и был к тому же убежден, что теперь не время для сведения личных счетов; миссия, вверенная ему, слишком серьезна и ответственна. Он набросал на листке бумаги список своих знакомых и родственников и, тщательно все обдумав, остановился на леди Клементине Бичем — милейшей старушке, которая жила на Керзон-стрит и доводилась ему троюродной сестрой по материнской линии. Он с детства очень любил леди Клем, как все ее звали, а кроме того — поскольку сам он был весьма богат, ибо, достигнув совершеннолетия, унаследовал все состояние лорда Рэгби, — смерть старушки не могла представлять для него низменного корыстного интереса. Чем больше он думал, тем яснее ему становилось, что леди Клем — идеальный выбор. Понимая, что всякое промедление будет несправедливо по отношению к Сибил, он решил сейчас же заняться приготовлениями.

Для начала надо было расплатиться с хиромантом. Он сел за небольшой письменный стол в стиле "шератон", что стоял у окна, и выписал чек достоинством в 105 фунтов стерлингов на имя м-ра Септимуса Поджерса. Запечатав конверт, он велел слуге отнести его на Уэст-Мун-стрит. Затем он распорядился, чтобы приготовили экипаж, и быстро оделся. Выходя из комнаты, он еще раз взглянул на фотографию Сибил Мертон и мысленно поклялся, что — как бы ни повернулась судьба — Сибил никогда не узнает, на что он пошел ради нее; это самопожертвование навсегда останется тайной, хранимой в его сердце.

По пути в "Букингем" он остановился у цветочной лавки и послал Сибил корзину чудесных нарциссов с нежными белыми лепестками и яркими сердцевинами, а приехав в клуб, сразу отправился в

библиотеку, позвонил и велел лакею принести содовой воды с лимоном и книгу по токсикологии. Он уже решил, что яд — самое подходящее средство в этом деле. Физическое насилие вызывало у него отвращение, и к тому же надо убить леди Клементину так, чтобы не привлечь всеобщего внимания, ибо ему очень не хотелось стать "львом" в салоне леди Уиндермир и прочесть свое имя в вульгарных светских газетах. Кроме того, следовало подумать и о родителях Сибил, которые были людьми старомодными и могли бы, пожалуй, возражать против брака в том случае, если разразится скандал (хотя лорд Артур и не сомневался, что, расскажи он им все как есть, они поняли и оценили бы его благородные побуждения). Итак, яд. Он надежен, безопасен, действует без шума и суеты и избавляет от тягостных сцен, которые для лорда Артура — как почти для всякого англичанина — были глубоко неприятны.

Однако он ничего не смыслил в ядах, а поскольку лакей оказался не в состоянии отыскать что-либо, кроме Справочника Раффа и последнего номера "Бейлиз мэгэзин", он сам внимательно осмотрел полки и нашел изящно переплетенную "Фармакопею" и издание "Токсикологии" Эрскина под редакцией сэра Мэтью Рида — президента Королевской медицинской коллегии и одного из старейших членов "Букингема", избранного в свое время по ошибке вместо кого-то другого (это *contretemps** так разозлило руководящий комитет клуба, что, когда появился настоящий кандидат, его дружно забаллотировали). Лорд Артур пришел в немалое замешательство от научных терминов, которыми пестрели обе книги, и начал было всерьез сожалеть, что в Оксфорде пренебрегал латынью,

*Досадное недоразумение (фр.)

как вдруг во втором томе Эрскина ему попалоcь весьма интересное и подробное описание свойств аконитина, изложенное на вполне понятном английском. Этот яд подходил ему во всех отношениях. В книге говорилось, что он обладает быстрым — почти мгновенным — эффектом, не причиняет боли и не слишком неприятен на вкус, в особенности если принимать его в виде пилюли со сладкой оболочкой, как рекомендует сэр Мэтью. Лорд Артур записал на манжете, какова смертельная доза, поставил книги на полку и не спеша отправился по Сент-Джеймс-стрит к "Песл и Хамби" — одной из старейших лондонских аптек. Мистер Песл, который всегда лично обслуживал высший свет, весьма удивился заказу и почтительно пролепетал что-то насчет рецепта врача. Однако когда лорд Артур объяснил, что яд предназначается для большого норвежского дога, который проявляет симптомы бешенства и уже дважды укусил кучера в ногу, мистер Песл этим полностью удовлетворился, поздравил лорда Артура с блестящим знанием токсикологии и распорядился, чтобы заказ был исполнен немедленно.

Лорд Артур положил пилюлю в элегантную серебряную бонбоньерку, которую разглядел в одной из витрин на Бонд-стрит, выбросил некрасивую аптечную коробку и поехал к леди Клементине.

— Ну-с, *monsieur le mauvais sujet**, — воскликнула старушка, входя в гостиную, — что же вы меня так долго не навещали?

— Леди Клем, милая, у меня теперь ни на что нет времени, — улыбаясь, отвечал лорд Артур.

— Это значит, что ты целый день разгуливаешь с мисс Сибил Мертон, покупаешь туалеты и болтаешь о пустяках? Сколько суеты из-за женитьбы! В

*Господин повеса (фр.)

мое время нам и в голову бы не пришло обниматься и миловаться на людях. Да и наедине тоже.

— Уверяю вас, леди Клем, я уже целые сутки не видел Сибил. Насколько мне известно, ею завладели модистки.

— Ну да, оттого ты и решил проведать безобразную старуху. Вот бы где вам, мужчинам, призадуматься. *On a fait des folies pour moi**, а что осталось? Ноги еле ходят, зубов своих нет, характер скверный. Хорошо еще, леди Дженсен, добрая душа, присылает мне французские романы — один другого пошлее, — а то уже и не знаю, как дотянуть до вечера. От врачей никакого проку — эти только и умеют, что деньги считать. Даже от изжоги меня никак не избавят.

— Я принес вам средство от изжоги, леди Клем, — серьезным тоном произнес лорд Артур. — Чудесное лекарство, его изобрел один американец.

— Я не больно-то люблю американские штучки. Даже совсем не люблю. Попалась мне тут пара американских романов — так это, знаешь ли, полная бессмыслица.

— Но это же совсем другое, леди Клем! Уверяю вас, средство действует безотказно. Обещайте, что попробуете. — И, достав из кармана бонбоньерку, лорд Артур протянул ее старушке.

— Гм, коробочка прелестная. Это в самом деле подарок, Артур? Очень мило. А вот и чудесное лекарство? Похоже на драже. Я приму его сейчас же.

— Что вы, леди Клем! — вскричал лорд Артур, схватив ее за руку. — Ни в коем случае! Это гомеопатическое средство, и, если принять его просто так, без изжоги, может быть очень плохо. Вот начнется изжога, тогда и примете. Я вам обещаю, что эффект будет поразительный.

*В меня влюблялись до безумия (фр.)

— Я бы его сейчас приняла, — проговорила леди Клементина, разглядывая прозрачную пилюлю на свет и любуясь пузырьком жидкого аконитина. — Наверняка будет очень вкусно. Видишь ли, я ненавижу врачей, но обожаю лекарства. Однако подожду, пока начнется изжога.

— И когда же это будет? — нетерпеливо спросил лорд Артур. — Скоро?

— Надеюсь, не раньше чем через неделю. Я только вчера утром мучилась. Впрочем, кто его знает.

— Но до конца месяца непременно случится, верно, леди Клем?

— Увы. Но какой ты сегодня предупредительный, Артур! Сибил хорошо на тебя влияет. А теперь ступай. Сегодня я обедаю с прескучными людьми — из тех, кто выше сплетен, так что если я сейчас не выплусь, то усну посреди обеда. До свиданья, Артур, поцелуй от меня Сибил, и спасибо тебе за американское лекарство.

— Но вы не забудете его принять, а, леди Клем? — спросил лорд Артур, вставая.

— Конечно, не забуду, вот дурачок! Ты добрый мальчик, и я тебе очень признательна. Если понадобится еще, я тебе напишу.

Лорд Артур выбежал из дома в прекрасном настроении и с чувством колоссального облегчения.

В тот же вечер он переговорил с Сибил Мертон. Он сказал ей, что внезапно оказался в чрезвычайно затруднительном положении, но отступить перед трудностями ему не позволяют честь и чувство долга. Свадьбу придется на время отложить, ибо, пока он не разделался с ужасными обстоятельствами, он не свободен. Он умолял Сибил довериться ему и не сомневаться в будущем. Все будет хорошо, но сейчас необходимо терпение.

Разговор состоялся в зимнем саду в доме мистера Мертонна на Парк-лейн, где лорд Артур обедал по обыкновению. В тот вечер Сибил выглядела как

никогда счастливой, и лорд Артур чуть было не уступил соблазну малодушия: так просто было бы написать леди Клементине, забрать пилюлю и преспокойно жениться, как будто мистера Поджеса вообще не существует. Но благородство лорда Артура взяло верх, и даже когда Сибил, рыдая, бросилась к нему в объятия, он не дрогнул. Красота, столь взволновавшая его, задела и его совесть. Разве вправе он загубить прелестную, юную жизнь ради нескольких месяцев наслаждения?

Они с Сибил проговорили до полуночи, утешая друг друга, а рано утром лорд Артур отбыл в Венецию, написав мистеру Мертону твердое, мужественное письмо о том, что свадьбу необходимо отложить.

IV

В Венеции он встретил своего брата лорда Сэрбитона, который как раз приплыл на яхте с Корфу, и молодые люди сказочно провели две недели. Утром они катались верхом по Лидо или скользили по зеленым каналам в длинной черной гондоле, днем принимали на яхте гостей, а вечером ужинали у Флориана и курили бесчисленные папиросы на площади Святого Марка. И все же лорд Артур не был счастлив. Каждый день он изучал колонку некрологов в "Таймс", ожидая найти сообщение о смерти леди Клементины, и каждый день его ждало разочарование. Он начал опасаться, как бы с ней чего не случилось, и часто сожалел, что помешал ей принять аконитин, когда ей так не терпелось испытать его действие. Да и в письмах Сибил, хотя и исполненных любви, доверия и нежности, часто сквозила грусть, и ему стало порой казаться, что они расстались навеки.

Через две недели лорду Сэрбитону наскучила Венеция, и он решил проплыть вдоль побережья до Равенны, где, как ему рассказывали, можно

отлично поохотиться на тетеревов. Вначале лорд Артур наотрез отказался сопровождать его. Однако Сэрбитон, которого Артур очень любил, в конце концов убедил его, что одиночество — худшее средство от хандры, и утром пятнадцатого числа они вышли из гавани, подгоняемые свежим норд-остом. Охота была и в самом деле превосходная; чудесный воздух и здоровая жизнь вернули лорду Артуру юношеский румянец, но к двадцать второму числу он так разволновался из-за леди Клементины, что, невзирая на уговоры Сэрбитона, сел на поезд и вернулся в Венецию.

Едва он вышел из гондолы у входа в отель, как сам хозяин выбежал навстречу с пачкой телеграмм. Лорд Артур вырвал у него телеграммы и тут же вскрыл их. Все прошло удачно. Леди Клементина внезапно умерла в ночь с семнадцатого на восемнадцатое!

Первая его мысль была о Сибил, и он немедленно телеграфировал ей, что возвращается в Лондон. Затем он приказал лакею собирать вещи к ночному поезду, послал гондольерам в пять раз больше, чем им причиталось, и с легким сердцем взбежал по ступенькам в свою гостиную. Там его ждало три письма. Одно было от Сибил — полное любви и сочувствия, другие — от матери лорда Артура и от поверенного леди Клементины. Оказалось, что старушка в тот самый вечер обедала у герцогини, прелестно шутила и блистала остроумием, но уехала довольно рано, сославшись на изжогу. Утром ее нашли мертвой в постели; скончалась она, по видимому, мирно и без боли. Тотчас же послали за сэром Мэтью Ридом, но, разумеется, сделать что-либо было невозможно, и похороны назначены на двадцать второе в Бичем-Чалкот. За несколько дней до смерти она написала завещание и оставила лорду Артуру свой небольшой дом на Керзон-стрит со всей мебелью, личными вещами и картинами, за исключением коллекции миниатюр, которую над-

лежало вручить ее сестре леди Маргарет Рафффорд, и аметистового ожерелья, завещанного Сибил Мертон. Дом и имущество не представляли большой ценности, но мистер Мэнсфилд, поверенный леди Клементины, очень просил лорда Артура приехать без промедления и распорядиться насчет неоплаченных счетов, которых было великое множество, ибо покойная вела дела небрежно.

Лорд Артур был чрезвычайно тронут завещанием леди Клементины и подумал, что мистеру Поджерсу за многое придется ответить. Однако любовь к Сибил затмила все остальное, и сознание выполненного долга несло сладостное успокоение. Когда поезд подошел к вокзалу Чаринг-Кросс, лорд Артур был совершенно счастлив.

Супруги Мертон встретили его весьма радушно, а Сибил взяла с него слово, что больше ничто и никогда не разлучит их. Свадьбу назначили на седьмое июня. Жизнь вновь наполнилась яркими, лучезарными красками, и к лорду Артуру вернулась его прежняя веселость.

Но однажды, когда в сопровождении Сибил и поверенного леди Клементины он разбирал вещи в доме на Керзон-стрит, не спеша сжигал связки поблекших писем и выгребал из комодов разнообразную мелочь, его юная невеста вдруг радостно вскрикнула.

— Что ты там нашла, Сибил? — спросил лорд Артур, с улыбкой оторвавшись от своего занятия.

— Посмотри, Артур, какая прелестная бонбоньерка. Ах, как красиво! Ведь это голландская работа? Подари ее мне, пожалуйста. Я знаю, аметисты будут мне к лицу только через семьдесят лет.

Это была коробочка из-под аконитина.

Лорд Артур вздрогнул, и легкий румянец разлился по его щекам. Он почти совершенно забыл о содеянном, и ему показалось примечательным, что именно Сибил, ради которой он пережил это ужасное волнение, первой напомнила о нем.

— Ну конечно, возьми ее, Сибил. Это я сам подарил бедной леди Клем.

— Правда? Вот спасибо, Артур. И конфетку тоже можно взять? Я и не знала, что леди Клементина была сластеной. Я думала, такие умные дамы не едят конфет.

Лорд Артур страшно побледнел, и в сознании его метнулась чудовищная мысль.

— Конфетку, Сибил? О чем ты? — медленно и с трудом проговорил он.

— В бонбоньерке осталась конфетка, вот и все. Она вся старая и пыльная, и есть я ее не собираюсь. Что случилось, Артур? Какой ты бледный!

Лорд Артур кинулся к ней и схватил коробочку. В ней лежала янтарного цвета пилюля с ядовитой жидкостью. Леди Клементина умерла своей смертью!

Лорд Артур был повергнут в отчаяние. Швырнув пилюлю в камин, он со страдальческим возгласом повалился на диван.

V

Мистер Мертон всерьез огорчился, узнав, что свадьба откладывается вторично, а леди Джулия, уже успевшая заказать себе платье, приложила немало стараний, убеждая Сибил расторгнуть помолвку. Но хотя Сибил нежно любила мать, вся ее жизнь принадлежала лорду Артуру, и уговоры леди Джулии несколько не поколебали ее. Что до самого лорда Артура, то он лишь спустя несколько дней пришел в себя, и нервы его были расстроены чрезвычайно. Однако здравый смысл по своему замечательному обыкновению восторжествовал, и трезвый, практический характер лорда Артура направил его мысли по пути твердой логики. Раз яд не сработал, требуется динамит или какое-либо другое взрывчатое вещество.

Он опять взял список знакомых и родственников и, подумав, решил взорвать своего дядю, декана Чичестера. Декан был человеком исключительной культуры и образованности; он страстно любил часы всех видов и обладал изумительной коллекцией часов от пятнадцатого века до наших дней. В этом увлечении достойного декана лорд Артур усмотрел блестящую возможность для осуществления своего плана. Другой вопрос — где достать взрывное устройство. Он ничего не нашел на сей счет в "Лондонском справочнике" и решил, что едва ли есть смысл обращаться в Скотланд-Ярд, ибо полиция никогда ничего не знает о действиях динамитчиков до самого взрыва, да и потом знает не намного больше.

Вдруг лорд Артур вспомнил, что у него есть приятель по фамилии Рувалов — молодой русский весьма радикальных настроений, с которым он познакомился минувшей зимой в салоне леди Уиндермир. Считалось, что граф Рувалов пишет биографию Петра Первого и приехал в Англию для изучения документов, связанных с пребыванием монарха на Британских островах в качестве корабельного плотника, однако многие подозревали, что Рувалов работает на нигилистов, и было очевидно, что его присутствие в Лондоне отнюдь не одобряется посольством Российской империи. Лорд Артур заключил, что это тот самый человек, который ему нужен, и однажды утром отправился в его комнаты в Блумсбери за советом и помощью.

— Значит, вы всерьез занялись политикой? — спросил граф Рувалов, выслушав лорда Артура, но Артур терпеть не мог рисоваться и сейчас же признался, что социальные вопросы его совершенно не интересуют, а взрывное устройство нужно ему по семейному делу, которое касается его одного.

Граф Рувалов в изумлении посмотрел на него, но, убедившись, что он не шутит, написал на листке

бумаги адрес, поставил свои инициалы и протянул листок лорду Артуру.

— Имейте в виду, старина, Скотланд-Ярд дорого бы дал за этот адрес.

— Но он его не получит! — смеясь, воскликнул лорд Артур. С чувством пожав руку своему русскому другу, он сбежал вниз по лестнице, взглянул на записку и велел кучеру гнать к Сохо-сквер.

Там он отпустил экипаж и по Грик-стрит дошел до переулка под названием Бейлз-Корт. Нырнув под арку, он оказался в глухом дворике, где, по-видимому, помещалась французская прачечная: между домами была протянута сеть бельевых веревок и утренний ветерок слегка трепал белоснежные простыни. Лорд Артур пересек двор и постучал в дверь небольшого зеленого домика. Спустя некоторое время, в течение которого каждое из окон, выходящих во двор, наполнилось любопытными лицами, дверь открылась, и свирепого вида иностранец спросил на скверном английском, что ему нужно. Лорд Артур протянул записку графа Рувалова. Прочитав записку, незнакомец поклонился и проводил лорда Артура в весьма обшарпанную гостиную на первом этаже, а через минуту туда же вбежал герр Винкелькопф, как он звал себя в Англии; в руке у него была вилка, а на шее салфетка, обильно залитая вином.

— Я приехал по рекомендации графа Рувалова, — сказал лорд Артур, поклонившись, — и хотел бы переговорить с вами по делу. Я — Смит, мистер Роберт Смит. Мне нужны часы со взрывным устройством.

— Очень рад познакомиться, лорд Артур, — с улыбкой отвечал добродушный немец. — Вы не волнуйтесь, просто я обязан всех знать, а вас я однажды видел у леди Уиндермир. Надеюсь, очаровательная хозяйка салона в добром здравии. Вы не откажетесь присесть за стол? Я как раз завтракаю. Могу предложить великолепный паштет, а мой

рейнвейн, как утверждают друзья, лучше того, что подают в германском посольстве.

Не успел лорд Артур смириться с мыслью, что его узнали, как он уже сидел за столом в соседней комнате, потягивая превосходный "Маркобрюннер" из бледно-желтого бокала с имперской монограммой, и вел светскую беседу со знаменитым заговорщиком.

— Часы со взрывчаткой не годятся для вывоза за границу, — объяснил герр Винкелькопф. — Даже если на таможне все благополучно, железнодорожное сообщение — дело настолько ненадежное, что взрыв, как правило, происходит в пути. Однако если ваш объект находится внутри страны, я готов предоставить вам отменный механизм и гарантировать результат. Могу я спросить, о ком идет речь? Если это кто-нибудь из Скотланд-Ярда или человек, связанный с полицией, я, к сожалению, ничем не смогу вам помочь. Английские сыщики — наши лучшие друзья: благодаря их тупости мы делаем все, что хотим. Каждый из них для меня слишком ценен.

— Уверяю вас, — воскликнул лорд Артур, — полиция тут ни при чем. Часы предназначаются для декана Чичестера.

— Вот как! Я и не подозревал, лорд Артур, что вы такое значение придаете религии. Для нынешней молодежи это редкость.

— Нет-нет, вы меня переоцениваете, герр Винкелькопф, — краснея, сказал лорд Артур. — Я, право же, ничего не смыслю в теологии.

— Значит, дело сугубо личное?

— Сугубо личное.

Герр Винкелькопф пожал плечами и вышел из комнаты, а через несколько минут вернулся с круглым кусочком динамита и изящными французскими часами, увенчанными бронзовой фигурой Свободы, топчущей гидру деспотии.

Увидев часы, лорд Артур просиял.

— Это как раз то, что нужно! Теперь покажите, как они действуют.

— А вот это мой секрет, — ответил герр Винкелькопф, с законной гордостью созерцая свое изобретение. — Скажите, когда должен произойти взрыв, и я установлю их с точностью до минуты.

— Так, сегодня у нас вторник, и если вы пошлете их немедленно...

— Это невозможно. Я должен закончить важную работу для друзей в Москве. Но завтра я, пожалуй, мог бы их отослать.

— Это вполне меня устроит, — вежливо сказал лорд Артур. — Итак, их доставят декану завтра вечером или в четверг утром. Взрыв назначим, ну, скажем, на двенадцать часов в пятницу. В это время декан всегда дома.

— Пятница, двенадцать часов, — повторил герр Винкелькопф и сделал запись в большом журнале, который лежал на бюро у камина.

— А теперь, — сказал лорд Артур, вставая, — скажите, сколько я вам должен.

— Дело такое простое, лорд Артур, что я, право, ничего с вас не возьму. Динамит стоит семь шиллингов шесть пенсов, часы — три фунта десять шиллингов, доставка — порядка пяти шиллингов. Для меня удовольствие уважить друга графа Рува-лова.

— Но ваши труды, герр Винкелькопф?

— Пустяки! Мне это приятно. Я не работаю за деньги, я живу исключительно ради своего искусства.

Лорд Артур положил на стол четыре фунта два шиллинга и шесть пенсов, поблагодарил добродушного немца и, не без труда уклонившись от приглашения на товарищеский ужин анархистов в ближайшую субботу, вышел из дома и зашагал к Гайд-парку.

Следующие два дня он провел в состоянии крайнего возбуждения, а в пятницу, в двенадцать часов

отправился в "Букингем", чтобы там ждать новостей. В течение долгих послеобеденных часов флегматичный швейцар вывешивал в холле телеграммы из разных концов страны, в которых сообщалось о результатах скачек и бракоразводных процессов, о погоде и проч., в то время как аппарат выбивал на ленте бесконечные подробности ночного заседания палаты общин и детали небольшой паники на бирже. В четыре часа принесли вечерние газеты, и лорд Артур устремился в библиотеку, прихватив "Пэлл-Мэлл", "Сент-Джеймс газетт", "Глоб" и "Эко", чем вызвал крайнее негодование полковника Гудчайлда, который мечтал прочесть сообщения о своем утреннем выступлении в Мэншн-Хаус по вопросу об англиканских миссиях в Южной Африке и о целесообразности назначения черных епископов в каждой провинции, но почему-то имел сильное предубеждение против "Ивнинг ньюс". Ни в одной из газет, однако, даже не упоминался Чичестер, и лорд Артур понял, что покушение не удалось. Это был неслыханный удар, и на время лорд Артур совершенно лишился присутствия духа. Герр Винкелькопф, к которому он отправился на следующий день, пространно извинялся и предложил ему бесплатно еще одни часы или ящик нитроглицериновых бомб по номинальной цене. Но лорд Артур более не доверял взрывчатке, да и сам герр Винкелькопф признал, что в наше время ничто, даже динамит невозможно достать в чистом, неразбавленном виде. Однако, отметив, что механизм почему-то не сработал, немец высказал надежду, что часы еще могут взорваться, и в качестве примера рассказал о барометре, который он однажды послал военному коменданту Одессы. Хотя взрыв был запланирован на десятый день, произошел он спустя три месяца. Правда, в результате на воздух взлетела лишь одна из горничных, тогда как сам комендант за месяц до этого уехал из города, но отсюда видно, что

динамит в сочетании с соответствующим механизмом есть мощное, хотя и не вполне пунктуальное средство. Это наблюдение несколько утешило лорда Артура, но даже тут его ждало разочарование, ибо два дня спустя, когда он поднимался по лестнице, герцогиня позвала его в свой будуар и показала письмо, только что полученное из Чичестера.

— Джейн пишет прелестные письма, — сказала герцогиня. — Прочти. Право, не хуже тех романов, что нам присылают от Мьюди.

Лорд Артур выхватил у нее письмо. Вот что он прочел:

*Дом декана, Чичестер,
27 мая*

Дорогая тетушка!

Огромное спасибо за фланель и саржу для Доркасского общества. Я с вами совершенно согласна в том, что желание этих людей красиво одеваться — нелепость, но теперь все сплошь радикалы и атеисты, и так трудно их убедить, что не следует подражать в одежде высшему сословию. К чему мы придем, не знаю. Как папа часто говорит в своих проповедях, в мире нет больше веры.

У нас был забавный случай с часами, которые папа в прошлый четверг получил от неизвестного почитателя. Их прислали из Лондона в деревянном ящике, с уведомлением о том, что доставка оплачена, и папа думает, что это подарок от кого-то, кто прочитал его замечательную проповедь "Свобода или вседозволенность?", потому что на часах сделана женская фигура, и папа говорит, что у нее на голове фригийский колпак, то есть символ свободы. По-моему, колпак совсем не изящный, но папа говорит, что он исторический, а это, конечно, другое дело. Паркер

распаковал часы, и папа поставил их на каминную доску в библиотеке, и мы все там сидели в пятницу утром, когда часы пробили полдень, и вдруг послышалось жужжание, что-то чуть-чуть задымилось, и богиня свободы упала и разбила себе нос о каминную решетку! Мария, кажется, испугалась, но это было так смешно, что мы с Джеймсом хохотали до слез, и даже папа развеселился. Когда мы посмотрели, оказалось, что это вроде будильника: если установить их на определенный час и под молоточек положить капсюль и немного пороху, то они "взрываются", когда захочешь. Папа сказал, что в библиотеке им не место, так как от них будет шумно, и Реджи забрал их себе в классную комнату и там теперь целый день устраивает крошечные взрывы. Как вы думаете, если подарить такие часы Артуру на свадьбу, он будет доволен? В Лондоне, наверное, они теперь в моде. Папа говорит, что от них есть польза, так как они показывают, что свобода непродолжительна и ее падение неизбежно. Папа говорит, что свободу придумали во времена французской революции. Какой ужас!

Теперь я иду в общество, где обязательно прочту вслух ваше поучительное письмо. Как верно вы пишете, дорогая тетушка, что людям низкого сословия надлежит ходить в том, что не к лицу. И в самом деле, разве не абсурд, что они так заботятся о платье, когда и в этой жизни, и за гробом есть столько истинно важных дел! Я так рада, что с вашим поплином в цветочек все вышло удачно и кружево нигде не разорвалось. Я сейчас надела желтый атлас, который вы мне подарили в среду у епископа, и, по-моему, все хорошо. Как вы думаете, нужны ли банты? Дженингс говорит, что теперь все носят банты, а нижняя юбка должна быть с оборочками. Реджи только что устроил очередной взрыв, и папа распорядился, чтобы часы отнесли на конюшню.

Кажется, они уже не так нравятся папе, как вначале, хотя он очень польщен тем, что ему прислали такую красивую и хитроумную вещицу. Это показывает, что люди читают его проповеди со вниманием.

Папа передает привет, также и Джеймс, Реджи и Мария. Надеюсь, дядя Сесл больше не мучится подагрой. Остаюсь вашей любящей племянницей,

Джейн Перси.

Р.С. Пожалуйста, напишите про банты. Дженнингс уверяет, что это ужасно модно.

Лорд Артур с такой горестной серьезностью читал письмо, что герцогиня расхохоталась.

— Артур, дитя мое, я больше не стану тебе показывать письма молодых девушек! Но что мне ответить про часы? По-моему, очаровательное изобретение, я бы и сама не отказалась.

— Я о них невысокого мнения, — с грустной улыбкой ответил Артур и, поцеловав мать, вышел из комнаты.

Поднявшись к себе, он бросился на диван, и глаза его наполнились слезами. Он сделал все, что мог, чтобы совершить это убийство, но оба раза потерпел неудачу, причем не по своей вине. Он честно пытался выполнить свой долг, но сама судьба предательски отвернулась от него. Он пронзительно ощутил бесплодность благих намерений, тщетность всяких попыток жить достойно. Наверное, надо все же расторгнуть помолвку. Сибил, конечно, будет страдать, но страдания не в силах бросить тень на столь чистую, возвышенную душу. Что до него, ему теперь все равно. Всегда найдется война, в которой можно погибнуть, или какое-нибудь дело, за которое легко умереть. Раз в жизни нет больше радости,

то и смерть не страшна. Пусть судьба распорядится им как хочет; сам он ей больше не помощник.

В половине восьмого он оделся и поехал в клуб. Там был Сэрбитон в компании молодых людей, и лорду Артуру пришлось с ними ужинать. Их банальные разговоры и праздные шутки были ему неинтересны, и как только принесли кофе, он покинул их, придумав какой-то предлог. Внизу швейцар вручил ему конверт. Это была записка от герра Винкелькопфа, который писал, что может предложить взрывающийся зонтик, и убедительно просил зайти к нему на следующий день. Это новейшее изобретение — зонтик, который взрывается, едва его раскрывают, — только что прислали из Женевы. Лорд Артур разорвал записку на мелкие кусочки. Он уже решил, что с него довольно экспериментов. Спустившись к набережной Темзы, он сел на скамейку и несколько часов просидел, глядя на реку. Луна блестела, как львиный глаз, сквозь рыжеватую гриву облаков, и бесчисленные звезды, рассыпанные по небосклону, сверкали, как золотая пыль на лиловом своде. Иногда на мутной воде появлялась баржа и уплывала, влекомая отливом, в то время как железнодорожные сигналы переключались с зеленого на пурпурный и поезда с ревом проносились по мосту. Прошло время, и часы на башне парламента пробили двенадцать; казалось, лондонская ночь вздрагивает с каждым ударом звучного колокола. Затем железнодорожные огни погасли; остался лишь один зажженный фонарь — как крупный рубин на высокой мачте, и шум города стал затихать.

В два часа ночи лорд Артур встал и побрел по направлению к Блэкфрайерз. Каким все казалось нереальным! Как в причудливом сне! Дома за рекой словно выстроены из мрака, как будто тени и серебристый свет перекроили мир. Огромный купол собора святого Павла повис, как пузырь, в сумрачном пространстве.

Приближаясь к "Игле Клеопатры", лорд Артур увидел человека, облокотившегося о парапет. На мгновение тот поднял голову, и свет фонаря упал ему прямо в лицо.

Это был мистер Поджерс, хиромант! Всякий без труда узнал бы его дряблые, опухшие щеки, очки в золотой оправе, тошнотворную улыбочку полных губ.

Лорд Артур остановился. Его осенила блестящая мысль, и он тихо подкрался сзади. В одно мгновение он схватил мистера Поджерса за ноги и швырнул в Темзу. Послышалось грубое проклятие, шумный всплеск, и снова все стихло. Лорд Артур всмотрелся в залитую лунным светом воду, но увидел лишь медленно крутящуюся на поверхности шляпу хироманта. Потом утонула и шляпа, и от мистера Поджерса не осталось ни следа. Внезапно ему показалось, что грузная фигура всплыла у лестницы возле моста, и сердце его похолодело от сознания новой неудачи, но то была лишь игра теней, и, когда луна вновь выглянула из-за облака, тени рассеялись. Наконец-то он, кажется, выполнил веление судьбы! Испустив глубокий вздох облегчения, он прошептал имя Сибил.

— Вы что-нибудь уронили сэр? — произнес голос у него за спиной.

Повернувшись, он увидел полицейского с сигнальным фонарем.

— Ничего существенного, сержант, — ответил он с улыбкой, и, остановив проезжающего извозчика, велел ехать на Белгрейв-сквер.

В течение следующих дней он разрывался между надеждой и страхом. Бывали мгновения, когда ему казалось, что мистер Поджерс вот-вот войдет в гостиную, но в другие минуты он верил, что судьба не может быть к нему так несправедлива. Дважды он отправлялся к дому хироманта на Уэст-Мун-стрит, но не мог заставить себя позвонить. Он жаждал определенности и боялся ее.

Наконец она пришла.

Сидя в клубе, он пил чай и рассеянно слушал рассказ Сэрбитона о последнем ревю в "Гейети", когда официант принес вечерние газеты. Взяв "Сент-Джеймс газетт", он принялся вяло переводить страницы, как вдруг его взгляд остановился на странном заголовке:

САМОУБИЙСТВО ХИРОМАНТА

Побледнев от волнения, он начал читать заметку. Вот что в ней говорилось:

"Вчера утром, около семи часов, прямо перед гостиницей "Корабль" в Гринвиче на берег вынесло тело известного хироманта, м-ра Септимуса Р.Поджерса. М-р Поджерс исчез несколько дней тому назад, вызвав серьезное беспокойство в кругах, близких к хиромантии. Предполагают, что он покончил жизнь самоубийством при временном помутнении рассудка, происшедшем от переутомления. Таков вердикт, вынесенный после дознания. М-р Поджерс только что завершил работу над крупным трактатом под названием "Человеческая рука", который вскоре будет опубликован и, без сомнения, привлечет внимание пытливых читателей. Покойному было 65 лет, родственников он не оставил".

Лорд Артур ринулся из клуба с газетой в руках, чрезвычайно удивив швейцара, который тщетно пытался остановить его, и немедленно отправился на Парк-лейн. Сибил увидела его в окно, и что-то подсказало ей, что он несет добрую весть. Она сбегала ему навстречу и, едва взглянув на его сияющее лицо, поняла, что теперь все хорошо.

— Милая Сибил, — воскликнул лорд Артур, — давай поженимся завтра!

— Вот глупый мальчик. Ведь еще и торт не заказан! — отвечала Сибил, смеясь сквозь слезы.

VI

В день свадьбы — тремя неделями позже — собор святого Петра заполнила элегантная толпа.

Надлежащий текст был превосходно прочитан деканом Чичестера, и все согласились, что трудно себе представить пару красивее, чем жених и невеста. Но они были не только красивы — они были счастливы. Лорд Артур ни на минуту не сожалел о том, что выстрадал ради Сибил, а Сибил, со своей стороны, подарила ему лучшее, что может дать женщина мужчине: нежность, любовь и поклонение. Их романтическую любовь не убила реальность. Они навсегда сохранили молодость.

Несколько лет спустя, когда у них родились двое очаровательных детей, леди Уиндермир приехала погостить в Элтон-Прайери — великолепный старый дом, который герцог подарил сыну на свадьбу. Как-то после обеда, когда они с леди Артур Сэвил сидели под большой липой в саду, глядя, как мальчик и девочка бегают по розовой аллее, словно солнечные зайчики, леди Уиндермир вдруг взяла хозяйку дома за руку и спросила:

— Ты счастлива, Сибил?

— Конечно, дорогая леди Уиндермир. Ведь и вы счастливы, правда?

— Я не успеваю быть счастливой, Сибил. Мне всегда нравится мой самый новый знакомый. Но стоит узнать его поближе, как мне становится скучно.

— Разве ваши львы вас не радуют, леди Уиндермир?

— Львы? Господь с тобой! Львы хороши на один сезон. Как только им подстригут гриву, они превращаются в банальнейшие создания. К тому же они дурно себя ведут с теми, кто к ним добр. Ты помнишь этого ужасного мистера Поджерса? Шарлатан, каких мало! Это меня, впрочем, совершенно не беспокоило, и, даже когда он вздумал просить денег, я не слишком рассердилась. Но когда он стал объясняться мне в любви, я не выдержала. Из-за него я возненавидела хиромантию. Теперь я увлекаюсь телепатией, это намного интереснее.

— Только не говорите плохо о хиромантии, леди Уиндермир; это единственный предмет, о котором Артур не любит шутить. Уверяю вас, я не преувеличиваю.

— Не хочешь же ты сказать, что он в нее верит.

— Спросите его сами, леди Уиндермир. Вот он.

На дорожке и в самом деле появился лорд Артур: в руке у него был букет желтых роз, а вокруг него весело танцевали дети.

— Лорд Артур!

— Да, леди Уиндермир?

— Неужели вы действительно верите в хиромантию?

— Конечно, верю, — с улыбкой ответил молодой человек.

— Но почему?

— Потому что я обязан ей всем своим счастьем, — негромко проговорил он и сел в плетеное кресло.

— Но помилуйте, лорд Артур, чем вы ей обязаны?

— Сибил, — ответил он и протянул жене розы, глядя прямо в ее синие глаза.

— Какой вздор! — вскричала леди Уиндермир.

— Я в жизни не слышала такой нелепости!

Содержание

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Счастливый Принц	3
Соловей и роза	15
Великан-эгоист	23
Преданный друг	29
Замечательная Ракета	42
День рождения Инфанта	58
Рыбак и его Душа	81
Мальчик-звезда	123
Кентервильское привидение	144
Молодой король	179

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА АРТУРА СЭВИЛА	195
--	-----

Литературно-художественное издание

Оскар Уайльд

**ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ.
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА АРТУРА СЭВИЛА**

Зав. редакцией Л.В.Павлова

Художник Ж.М.Зинченко

Технический редактор Е.А.Бирюкова

Корректор М.М.Подымова

Н/К

Сдано в набор 10.12.91. Подписано в печать 7.02.92. Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 9,88. Тираж 100 000 экз. Зак. 1890. Цена договорная.

**Издательство «Интербук»,
330096, Запорожье, ул. Сакко и Ванцетти, 3.**

**Фотоформы изготовлены малым предприятием
«Элекс» (г. Москва).**

**Отпечатано в издательско-полиграфическом
предприятии «Янтарный сказ»,
236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.**

Издательство "Интербук" /г. Запорожье/

Издательство "Интербук" /г. Запорожье/

**начало выпуск книг
серии "Волшебные сказки",
куда войдут хорошо известные
и забытые произведения
сказочников разных стран,
народные сказки.**

**В этой серии вышли в свет
сказки Г.Х. Андерсена и братьев Гримм.**

**Готовятся к изданию сборники сказок
В. Гауфа, Ш. Перро, Р. Киплинга, Э. Гофмана,
Д. Родари, Д. Макдональда, А. Толстого,
А. Волкова, П. Бажова, К. Чуковского, Н. Носова,
книги А. Линдгрен о Малыше и Карлсоне,
К. Коллоди "Приключения Пиноккио",
Л. Кэрролла "Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье", а
также книги других сказочников.**

**Будут изданы народные сказки:
русские, украинские, молдавские, арабские и др.**

**Все книги выпускаются
в твердом переплете, с цветными иллюстрациями.**

**Книги серии "Волшебные сказки"
планируется выпустить в 1992-1993 гг.**

Следите за рекламой!

**Не упустите возможность
приобрести книги повышенного спроса!**

**Запорожская фирма "Интербук"
предлагает
предприятиям, организациям, кооперативам
книги известных авторов:
Майн Рида, Р. Хаггарда, А. и С. Голон,
А. Хейли и др.
в хорошем полиграфическом исполнении
по договорным ценам.**

Возможен обмен литературой.

**Ждем вас!
Будем рады сотрудничеству.**

**Наш адрес:
Украина, 330096, Запорожье, а/я 5833.
Фирма "Интербук"
тел. 58-42-65
fax 57-06-82.**

ДОНА
400 р. 2 к.

